

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Гончарова Валерия Андреевна

ЗАЩИТА ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ
УЧАСТНИКОВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
кандидат юридических наук, доцент
Титов Николай Дмитриевич

Томск – 2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Недействительность сделок как основание защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов.....	13
1.1 Экономические и правовые причины правового регулирования недействительности сделок.....	13
1.2 Нарушение субъективного гражданского права и охраняемого законом интереса совершением и (или) исполнением недействительной сделки	29
1.3 Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.....	35
Глава 2 Управомоченные субъекты в правоотношении по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки	46
2.1 Стороны недействительной сделки.....	46
2.2 Иные и третьи лица как участники недействительной сделки	58
Глава 3 Способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки	82
3.1 Система способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.....	82
3.2 Классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.....	115
3.3 «Иные» (п. 2 ст. 167 ГК РФ) и «другие» (ст. 168, 169 ГК РФ) способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки	122
3.4 Особенности защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки при осуществлении ими предпринимательской деятельности	134
3.5 Обеспечение исполнения обязательств из недействительной сделки.....	143
Заключение	155
Список использованных источников и литературы	159

Введение

Актуальность темы исследования. В отечественной цивилистической науке сделки традиционно рассматриваются как основные юридические факты, опосредующие удовлетворение имущественных потребностей участников гражданских правоотношений. В то же время совершаемые сделки в совокупности формируют экономический оборот, от эффективного функционирования которого зависит удовлетворение интересов всего общества. Однако наличие в таких сделках дефектов воли, волеизъявления, субъектного состава, формы и содержания способно привести к их недействительности, а следовательно, внести определенную нестабильность в экономический оборот. По этой причине особое значение приобретает последовательность и «взвешенность» правового регулирования недействительности сделок. Данное обстоятельство было учтено отечественным законодателем, который в 2013 и 2015 годах осуществил значительное реформирование гражданско-правовых норм о недействительности сделок.

Как было отмечено в Концепции совершенствования общих положений гражданского законодательства Российской Федерации, «несмотря на небольшое количество общих норм о недействительности сделок, они имеют огромное значение для стабильности гражданского оборота в целом». В то же время обращалось внимание на то, что к 2013 г. «споры о признании сделок недействительными по различным основаниям приобрели массовый характер»¹. Причиной такому положению дел, по мнению разработчиков Концепции, служило именно несовершенство законодательного регулирования недействительности сделок, которое давало возможность недобросовестным лицам оспаривать в суде практически любую сделку. Это, в свою очередь, означало применение норм о недействительности в противоречии с его подлинным назначением – защитой прав и законных интересов субъектов гражданского права.

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 49.

В результате реформирования в 2013 году § 2 главы 9 ГК РФ¹ претерпел существенные изменения, а в 2015 году ГК РФ пополнился нормами ст. ст. 307.1, 431.1. Нормы ст. ст. 166-169 ГК РФ стали предметом толкования Верховного Суда РФ, который скорректировал итоги реформирования законодательства в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.05.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»². В данном Постановлении, в частности, был расширен круг оснований ничтожности сделок, уточнены лица, уполномоченные на применение последствий недействительности сделок.

Законодательные новеллы и акты их толкования требуют доктринальной оценки, поскольку имеют существенное значение для стабильности гражданского оборота и интересов конкретных участников гражданских правоотношений. Вместе с тем, несмотря на определенное время, прошедшее с момента их появления, они не были проанализированы ни на монографическом, ни на диссертационном уровне.

Реформирование гражданского законодательства о недействительных сделках обуславливает необходимость переосмысления и отдельных уже сложившихся доктринальных подходов. Исследования по гражданскому праву свидетельствуют о том, что основной интерес для ученых представляют проблемы определения понятия и места недействительных сделок в системе юридических фактов, а также правовой природы последствий их недействительности. До сих пор в юридической литературе не анализировались причины, обусловившие появление правовых норм о недействительных сделках. Между тем, их анализ может способствовать дополнительному обоснованию защитной природы применяемых при недействительности сделок правовых конструкций. Не было предметом специального исследования и правоотношение, в рамках которого реализуются такие способы защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки, как: признание сделки недействительной или действительной, возмещение убытков, возникших из недействительной

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. 05 дек. № 32, ст. 3301.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ : постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // Рос. газ. 2015. № 140.

сделки, «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ). Не подвергались обстоятельному анализу и вопросы обеспечения исполнения обязательств из недействительной сделки, классификации и систематизации способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки.

Разрешение данных вопросов имеет не только доктринальное, но и практическое значение. В связи с обновлением отечественного законодательства о недействительности сделок, а также необходимостью переосмысления существующих научных воззрений очевидна потребность в актуальных теоретических положениях о защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в гражданском праве Российской Федерации. Разработка указанных положений позволит унифицировать правоприменительную практику, предложить определенные изменения в действующее гражданское законодательство.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с недействительностью сделок, исследовались многими учеными-цивилистами дореволюционного, советского и современного периодов. На дореволюционном этапе важные выводы, касающиеся видов недействительных сделок, были сделаны Е.В. Васьковским, Н. Растеряевым, Г.Ф. Шершеневичем. В советское время анализировалось место недействительных сделок в системе юридических фактов (И.Б. Новицкий «Сделки. Исковая давность», 1954; В.П. Шахматов «Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия», 1967) и правовая природа их последствий (Н.В. Рабинович «Недействительность сделок и ее последствия», 1960). Вопросы о последствиях недействительности сделок в советское время рассматривались в связи с необходимостью защиты прав и законных интересов Т.И. Илларионовой («Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер», 1980), В.Л. Слесаревым («Экономические санкции в советском гражданском праве», 1989).

На современном этапе теоретическому осмыслению вопросов недействительности сделок посвящены труды таких авторов как О.В. Гутников

(«Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания)», 2007), И.В. Матвеев («Правовая природа недействительных сделок», 2002), Д.В. Параскевова («Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских прав», 2010), С.А. Сеницын («Общее учение об абсолютных и относительных субъективных правах», 2017), Д.О. Тузов («Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции», 2007). Реституция как общее последствие недействительности сделок нашла свое осмысление в трудах таких современных авторов как Д.В. Новак («Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование)», 2006), М.Н. Комашко («Реституция как способ защиты права», 2010), Н.Г. Соломина («Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения», 2009).

После реформирования §2 гл. 9 ГК РФ, посвященного недействительности сделок, была выполнена лишь одна диссертационная работа – Е.В. Голобородкиной («Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение», 2014).

Высокая теоретическая разработанность вопросов недействительности сделок, однако, не означает исчерпания возможности их дальнейшего исследования. Отдельные проблемы недействительности сделок не были разрешены в указанных работах.

Объектом исследования являются гражданско-правовые отношения, возникающие по поводу защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.

Предметом исследования выступают нормы российского права, регулирующие отношения в сфере защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки; положения доктринальных исследований по теме диссертации; правовые позиции, отраженные в актах судебной и судебно-арбитражной практики.

Целью диссертационного исследования является разработка теоретических положений о защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в гражданском праве Российской Федерации. Указанная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

– установить экономические и правовые причины правового регулирования недействительности сделок, предопределяющие необходимость защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов их участников;

– дать определение понятию «нарушение субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов» совершением и (или) исполнением недействительной сделки;

– установить основание возникновения, структуру и особенности правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки;

– исследовать правовой статус сторон, иных и третьих лиц как участников недействительной сделки и основания их защиты;

– предложить систему способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки;

– провести классификацию способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки;

– исследовать особенности защиты прав и охраняемых законом интересов сторон оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности;

– проанализировать способы обеспечения защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.

Методология исследования. В процессе исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы.

К общенаучным методам, примененным при проведении исследования, относятся: метод материалистической диалектики – при исследовании экономических и правовых причин правового регулирования недействительности сделок, системы способов защиты прав и законных интересов участников

недействительной сделки, в том числе при осуществлении ими предпринимательской деятельности; методы анализа и синтеза – при разграничении и классификации участников недействительной сделки и способов защиты их прав и законных интересов; методы индукции и дедукции – при определении понятий «нарушение прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки», «стороны недействительной сделки», «иные и третьи лица как участники недействительной сделки»; метод моделирования – при разработке и анализе правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.

К частнонаучным методам, использованным при проведении исследования, относятся: историко-правовой метод – при анализе процесса реформирования норм о недействительности сделок в современный период, формально-юридический – при анализе нормативно-правовых актов; системно-правовой метод – при исследовании системы и классификации способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки.

Теоретическую основу исследования составили труды представителей отечественной теории государства и права и гражданского права: М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, Е.Е. Богдановой, М.И. Брагинского, С.Н. Братуся, И.В. Бекленищевой, В.В. Витрянского, О.В. Гутникова, В.П. Грибанова, В.В. Долинской, Т.И. Илларионовой, О.С. Иоффе, Д.Н. Кархалева, О.А. Красавчикова, Е.А. Крашенинникова, Д.И. Мейера, А.В. Милькова, Е.Я. Мотовиловкера, С.А. Муромцева, В.С. Нерсисянца, И.Б. Новицкого, Г.Л. Осокиной, Н.В. Рабинович, В. Д. Рузановой, Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева, С.А. Сеницына, К.И. Скловского, В.Л. Слесарева, Е.А. Суханова, Т.А. Филипповой, Т.А. Флейшиц, Р.О. Халфиной, Б.Б. Черепяхина, В.П. Шахматова, Г.Ф. Шершеневича, Б.Л. Хаскельберга, А.М. Эрделевского и др.

Кроме того, в диссертации используются труды зарубежных ученых, исследовавших недействительность контрактов в английском праве и экономические, политические и социальные детерминанты развития права: Р. Познера, S. Bag, M. Kovacs, E. Mackaay, K. Mathis, E. McKendrick, Roger E.

Blackhouse, Hamilton H. Walton, Johan den Hertog, G. Klein, T. Malenski, K. Mathis, T. Miceli, M. Polinsky, S. Shavell, K. Purnhagen, P. Rott.

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена совокупностью нормативно-правовых актов Российской Федерации, актов Конституционного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов различных уровней.

Научная новизна диссертации состоит в разработке модели гражданского охранительного правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, основанной на сформированном в отечественной теории права учении о правовом отношении.

Также в диссертации впервые было проанализировано такое основание ничтожности сделки, как противоречие сделки существу законодательного регулирования; раскрыто понятие нарушения прав и охраняемых законом интересов совершением и (или) исполнением недействительной сделки; проанализирован особый режим недействительности оспоримых договоров, исполнение которых связано с предпринимательской деятельностью их сторон.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что по действующему гражданскому законодательству для возникновения у участника недействительной сделки права на защиту посредством признания сделки недействительной, применения последствий ее недействительности, иных способов защиты, помимо основания недействительности сделки (дефекта в сделке), требуется и нарушение такой сделкой прав и охраняемых законом интересов участника недействительной сделки. При этом под нарушением прав и охраняемых законом интересов следует понимать возникающую в результате совершения и (или) исполнения сделки правовую неопределенность в динамике гражданских правоотношений и принадлежности имущества, создающую препятствия в осуществлении прав и законных интересов участников сделки.

2. Субъектами правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, претерпевающими негативные

последствия в связи с ее совершением и (или) исполнением, являются, в том числе иные (абз. 1 п. 2, абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ) и третьи (абз. 3 п. 2 ст. 166 ГК РФ) лица. Данные субъекты отличаются друг от друга степенью определенности в законе и «удаленности» от недействительной сделки. Иные лица прямо указаны в законе, и их характеризует наличие «прочной связи» с недействительной сделкой вследствие ее непосредственного или опосредованного негативного влияния на их имущественную сферу или ее влияния на публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия. Круг третьих лиц не определен в законе, их связь с недействительной сделкой «слабее». Они могут быть признаны участниками недействительной сделки исключительно при нарушении сделкой их прав и охраняемых законом интересов.

3. Обосновано, что при наличии произведенного по недействительной сделке исполнения реституция применяется в обязательном порядке, независимо от закрепленного законом права сторон оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, предусматривать «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ).

4. Доказано, что «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ) являются частным случаем «иных последствий недействительности сделки» (п. 2 ст. 167 ГК РФ). Действующее законодательство позволяет сторонам оспоримых договоров, исполнение которых связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, предусматривать в своих соглашениях такие «иные последствия недействительности договора», как меры ответственности (возмещение убытков (гл. 25 ГК РФ)), меры защиты (способы обеспечения исполнения обязательств (гл. 23 ГК РФ)).

5. Аргументировано, что «иные последствия, установленные законом», применяемые при недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), являются общеправовой категорией по отношению к «другим последствиям нарушения, не связанным с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ). «Иные последствия,

установленные законом» представляют собой преимущественно меры уголовной и административной ответственности.

6. Предложена классификация способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки в зависимости от выполняемых данными способами функций, сферы их действия, их характера, а также сферы деятельности сторон недействительной сделки.

7. Признавая позицию о родовом характере кондикции по отношению к реституции, обосновывается, что исполнение реституционного обязательства определяется первоначально ст. 167 ГК РФ «Общие положения о последствиях недействительности сделки», затем – гл. 60 ГК РФ «Обязательства вследствие неосновательного обогащения» и далее – разделом III «Общая часть обязательственного права». Сделанный вывод об иерархии норм устраняет проблемы применения к реституции положений гл. 60 ГК РФ, в том числе в части способов защиты.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что выводы и положения, сформулированные в диссертации, могут быть использованы при изучении вопросов недействительности сделок, защиты прав и охраняемых законом интересов субъектов гражданских правоотношений, а также в процессе преподавания курса гражданского права.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования представленных выводов и предложений в правотворческой и правоприменительной деятельности. В диссертационном исследовании были разработаны предложения по совершенствованию гражданского законодательства о расширении сферы применения возмещения убытков как способа защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки; о наделении всех субъектов гражданского права возможностью определять последствия совершенных и (или) исполненных ими недействительных договоров.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается тем, что в своих выводах диссертант опирался на базовые теоретические, методологические положения общей теории

государства и права, а также специальные диссертационные, монографические исследования, нормативно-правовые акты и судебную правоприменительную практику.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в публикациях, обсуждались на заседаниях кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета. Полученные при написании диссертации научные результаты являлись предметом выступлений автора на научных конференциях (Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2018, 2019), Межрегиональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Российское правоведение: трибуна молодого ученого» (Томск, 2018, 2019), Международной научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (Москва, 2018, 2019), Международной научной студенческой конференции «МНСК» (Новосибирск, 2018, 2019), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы гражданского права и процесса» (Омск, 2018), Международной научной конференции молодых ученых «Эволюция российского права» (Екатеринбург, 2019)).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, состоящие из десяти параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

Глава 1 Недействительность сделок как основание защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов

1.1 Экономические и правовые причины правового регулирования недействительности сделок

Согласно ст. 153 ГК РФ под сделками понимаются действия граждан и юридических лиц, направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. В гражданско-правовой литературе сделки традиционно признаются основными юридическими фактами, опосредующими гражданский оборот. По справедливому утверждению Е.В. Голобородкиной, именно сделки «наиболее полно и ярко отражают принципы, способы и методы регламентации общественных отношений, присущие гражданскому праву»¹.

Наряду с регламентацией общих вопросов сделок, в законодательстве предусмотрены и правила об их недействительности, преимущественно сосредоточенные в §2 гл. 9 ГК РФ. При этом вопрос о правовой природе недействительной сделки является дискуссионным. Согласно наиболее распространенной в доктрине точке зрения недействительная сделка представляет собой правонарушение². Так, В.П. Шахматов определяет недействительную сделку как сделку, состав которой не соответствует описанным в нормах права признакам состава сделок данного вида в силу общественно вредных или общественно нежелательных свойств³. Сторонники второй точки зрения указывают на то, что недействительная сделка представляет собой особый юридический факт, который «не приводит к тем правовым последствиям, на

¹ Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2014. С. 13. См. также: Воронина С. В., Филиппова Т. А. Виды волеизъявления по гражданскому законодательству: доктринальный подход и правоприменительная практика // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 87.

² См.: Голобородкина Е.В. Указ. соч. С. 48; Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок : дис. ... канд. юрид. наук, М., 2002. С. 64 ; Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1960. С. 11.

³ Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия /В.П. Шахматов; Отв. ред. В. А. Носов; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, Юрид. фак. Томск : Издательство Томского университета, 1967. С. 164.

достижение которых был рассчитан, но ... порождает некоторые другие последствия»¹.

Как в законодательстве (ст. 166 ГК РФ), так и в теории² гражданского права недействительность сделок связывается с наличием определенных оснований – дефектов в сделке, приводящих к недостижению планируемых ее сторонами юридических последствий. Однако в современных условиях актуальным становится вопрос не только об основаниях недействительности сделок как их дефектах. Интенсивное развитие рыночной экономики, расширение договорной свободы участников гражданско-правовых отношений, а также стремительно меняющееся законодательство предопределяют поиск путей взаимодействия права и иных сфер общественных отношений в целях наиболее эффективного правотворчества и правоприменения³. Как справедливо отмечается в литературе, «достоверно оценить последствия применения гражданского закона для жизни общества, его полноту и эффективность невозможно исключительно при помощи только правовых средств, которые не могут быть поняты только из самих себя в аспекте их воздействия на регулируемые общественные отношения»⁴. С данных позиций исследование недействительных сделок как юридических фактов должно быть смещено в плоскость исследования причин формирования правовых норм⁵, регулирующих общественные отношения, связанные с недействительностью сделок.

¹ См.: Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. С. 66. Близкой к данной позиции является точка зрения Д.О. Тузова (Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 8).

² См.: Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2007. С. 92–93 ; Шестакова Н.Д. Недействительность сделок / Науч. ред. докт. юрид. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Н.А. Чечина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 10-11.

³ См.: Архипов Д.А. Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 ; Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016; Одинцова М.И. Экономика права : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / М.И. Одинцова. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016 ; Сеницын С.А. Экономический анализ права и его место в цивилистической методологии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 8 ; Шлекин С.И. Проблема права: Философско-методологический аспект. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 256–266.

⁴ Сеницын С.А. Указ. соч. С. 9.

⁵ См.: Гончарова В.А. Правовые основания и условия недействительности сделки: понятие и соотношение // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, Е.С. Болтанова, Г.Г. Пашкова. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. Ч. 76. С. 8–10 ; Гончарова В.А. Сущностный подход к основаниям недействительности сделок // Вестник Омской юридической академии. 2018. Том 15, № 3. С. 372–377.

Анализ указанных причин становится особо актуальным и в связи с тем, что традиционно проблемы недействительности сделок рассматриваются «изолированно» от близких им проблем эффективного восстановления прав и охраняемых законом интересов. В большинстве исследований защитная природа применяемых при недействительности сделок правовых конструкций¹ не подвергается сомнению. Вместе с тем, в последнее время в юридической литературе все большее распространение приобретают позиции об отсутствии качества способа защиты у признания сделки недействительной и реституции².

Традиционно в философской, социологической и правовой литературе вопрос о причинах юридической регламентации рассматривается через категорию интереса. Так, С.В. Михайлов определяет интерес как «потребность субъекта, имеющую социальный характер, проявляющуюся в осознании и реализации целей в общественных отношениях»³, а юридически значимый интерес как «имеющую социальный характер потребность субъекта, проявляющуюся в установлении, изменении, прекращении, защите субъективных прав и обязанностей в общественном отношении с использованием юридических средств для достижения поставленных целей»⁴. По мнению указанного автора, объективное право призвано обеспечить достижение интересов субъектов общественных отношений, отражая их в правовых нормах: распределении прав и обязанностей, ответственности и т.д. Аналогичной позиции придерживается и Г.В. Мальцев,

¹ Под гражданско-правовой конструкцией в рамках настоящей работы понимается конкретный способ закрепления в гражданском законодательстве разного рода правовых инструментов, который может включать в себя в качестве составных элементов нормативное закрепление при помощи специального терминологического аппарата: определение конкретного правового инструмента, классификация его разновидностей, элементного строения инструмента, механизмов его функционирования, в том числе юридических процедур и иных юридических конструкций, а также способов разрешения возможных коллизионных вопросов. (См.: Чельшев Ю.В. О юридических конструкциях в Проекте изменений и дополнений в ГК РФ // Гражданское право. 2013. № 1) .

² См.: Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32–39 ; Он же. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 26–27. См. также: Дождев Д.В. Удержание, законное владение и проблема приоритета // Юрист. 2014. № 19. С. 10 ; Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 80 ; Сичинава Г.В. Ограничения применения реституции по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 19, 21, 48–50.

³ Михайлов С.В. Категория интереса в гражданском (частном) праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 35.

⁴ Михайлов С.В. Указ. соч. С. 69.

указывая на невозможность эффективного действия юридической нормы без поддержки интересами людей¹.

Таким образом, причинами появления тех или иных правовых норм являются конкретные социальные интересы. Данные интересы можно условно разделить на экономические (базисные, первичные) и правовые (надстроечные, вторичные). Указанное деление уместно и в отношении причин правовой регламентации недействительности сделок (далее по тексту также – причин недействительности сделок), однако не является строгим. Как представляется, экономические и правовые детерминанты недействительности сделок органично пересекаются и взаимодействуют друг с другом.

Экономические причины следуют из отношений, складывающихся в экономическом базисе, и предопределены действием рыночных законов. Явления частного права традиционно признаются зависящими от того или иного строя и закономерностей рыночных отношений, от типичных потребностей его участников. Как подчеркивается в литературе, «экономические закономерности, как и иные объективные закономерности существования человеческого общества, лежат в основе естественных прав человека и требуют адекватного отражения в действующем (позитивном) праве»². Правовые конструкции гражданского права в целом, и недействительность сделок в частности, преимущественно определены экономическими законами, являются их отражением на уровне нормативно-правового акта. Это, как представляется, предопределяет значение позитивного экономического анализа права, знаменующего выход познающего субъекта за пределы юридической догматики с использованием методологического инструментария и терминологии самостоятельной научной дисциплины – экономической теории³.

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 267.

² Алпатов А.А. Право человека на вознаграждение за труд в контексте соотношения экономики, права и справедливости : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 117. См. также: Андреева А.Г. Правовое регулирование экономических отношений: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006 ; Девиатаев А.Р. Правовые отношения в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006 ; Ларин А.А. Роль экономических факторов в развитии права : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Н., 2007 ; Орехова Т.Р. Соотношение права и экономики (Общетеоретические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

³ Познер Р. Экономический анализ права. СПб. Экономическая школа. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева, 2004, в 2 т., Т. 1. С. 30. См. также: Bag S. Economic Analysis of Contract Law. Incomplete Contracts

Экономический анализ права не представляет собой единого научного направления. Входящие в него учения (школы) не противопоставлены друг другу, напротив, – они предполагают возможность разностороннего рассмотрения правовых явлений. В системе экономико-правовых школ следует выделить чикагскую школу экономики права, австрийское экономико-правовое направление и институционализм¹. Именно указанные подходы представляют наибольший научный интерес.

Непосредственные границы экономики права были определены в 1970-е гг. Р. Познером, одним из основателей чикагской² школы, которую в немногочисленных отечественных исследованиях рассматривают как основную экономико-правовую концепцию³. Как было отмечено Е. Маскаау, именно чикагской школе экономико-правового анализа свойственно такое объяснение права, которое основано на принципах методологического индивидуализма, рационального выбора, стабильных предпочтений и равновесия⁴.

С точки зрения представителей рассматриваемой школы, любой акт товарообмена представляет собой средство удержания людей от оппортунистического (иначе – эгоистического) поведения по отношению к своим партнерам. Такие акты, с позиций чикагской школы, должны подлежать защите и признанию со стороны государства только в том случае, если способствуют повышению общественной эффективности, то есть имеют в качестве сторон

and Asymmetric Information. Palgrave Macmillan. 2018. Несмотря на зарождение экономико-правового учения в системе общего права, нельзя не признать его методологической универсальности (см.: Marciano A., Ramello B. Giovanni. Law and Economics in Europe and the U.S. The Legacy of Juergen Backhaus // The European Heritage in Economics and the Social Sciences. Volume 18. Springer ; Mathis K. Law and Economics in Europe: Foundations and Applications // Law and Economics in Europe. Volume 1 ; Purnhagen K., Rott P. Varieties of European Economic Law and Regulation // Studies in European Economic Law and Regulation. Volume 3. Springer).

На важность учета экономических факторов при разработке частноправовых норм неоднократно указывалось и в Концепции развития гражданского законодательства (Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 10–15).

¹ Johan den Hertog. General Theories of Regulation // Encyclopedia of Law and Economics. P. 225–270.

² Обзор развития чикагской школы права см.: Harnay S., Marciano A. Posner, Economics and the Law: from Law and Economics to an Economic Analysis of Law // Journal of the History of Economic Thought. 31 (02). 2009. P.215–232 ; Johan den Hertog. General Theories of Regulation. Encyclopedia of Law and Economics. P. 236–243.

³ См.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 42–104, 117–149; Одинцова М.И. Экономика права : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / М.И. Одинцова. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 109.

⁴ Маскаау Е. Schools: General // Encyclopedia of Law and Economics. P. 408–409.

рационально действующих (преследующих цель максимизации прибыли) и достаточно проинформированных, равноправных субъектов, а также не наносят вреда благосостоянию третьих лиц¹. Сделки, не соответствующие указанным критериям, таким образом, не могут производить правового эффекта. В этой связи закономерным является наличие в позитивном праве совокупности норм, регламентирующих процедуру установления соответствия сделок критериям эффективности и определяющих правовые последствия совершения сделок в случае их несоответствия им.

Вторым значимым ответвлением экономического анализа права является австрийская экономическая школа². Ее представители в качестве фундаментальных положений экономического анализа права выделяли «аксиому о человеческой деятельности»³, согласно которой люди всегда действуют, «делая выбор и используя различные способы достижения своих целей»⁴. С позиции рассматриваемого учения, рынок построен на принципах естественно-правовой концепции правопонимания, согласно которым каждому индивиду принадлежит право собственности на себя самого и имеющиеся у него ресурсы. Положения естественно-правовой доктрины, неизменность наличия у лица абсолютного права на собственное поведение и законно принадлежащее ему имущество не предполагают возможности наделения правоустановительным эффектом актов поведения, где отсутствует воля на правораспоряжение. Можно допустить, что нормы о недействительности сделок в рамках австрийского экономического

¹ См.: Kovac M. *Comparative Contract Law and Economics*. Edward Elgar Publishing, Inc. 2011; Mackaay E. *Law and Economics for Civil Law Systems*. Edward Elgar Publishing, Inc. 2013 ; Miceli T. *Economics of the Law*. Oxford University Press. 1997 ; Polinsky M., Shavell S. *Handbook of Law and Economics*. Volume 1. 1st edition. North Holland. 2007.

² К представителям австрийской школы экономического анализа права следует отнести, в частности, Schwartzstein Linda A. (*An Austrian Economic View of Legal Process* // *Ohio State Law Journal*. Vol. 55. № 5. 1994. P. 1049–1078), Wonnell Christopher T. (*Contract Law and the Austrian School of Economics*. *Fordham Law Review*. Volume 54. Issue 4. 1986. P. 507–543).

Обзор развития учения австрийской школы см.: Blackhouse Roger E. *Austrian Economics and the Mainstream: View from the Boundary* // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. Vol. 3. № 3 (summer 2000). P.31–43 ; Malenski T. *A Critique of Law & Economics – an Austrian School Perspective* // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 31 (44). 2012. P. 207–218 ; Sima J. *Praxeology as Law & Economics* // *Journal of Libertarian Studies*. Volume 18. № 2 (Spring 2004). P. 73–89; Weigel W. *Law and Economics in Austria* // *Encyclopedia of Law and Economics*. P. 118–127.

³ Тимофеев Е.А. «Law and Economics»: учение о праве и государстве в США в XX веке : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний. Н., 2016. С. 23.

⁴ Rizzo Mario J. *Austrian Mises and Lakatos: A Reformulation of Austrian Methodology* // *Method, Process, and Austrian Economics. Essays in Honor of Ludwig von Mises*. P. 57.

анализа права выступают средством недопущения сделок, в которых нарушается требование добровольности вступления в правоотношения.

Из схожих теоретических предпосылок исходит и институционализм¹. Как направление развития экономического анализа права он предполагает, что предметом изучения становится не «экономический человек», а широкая гамма интересов, поведение человека в социальных отношениях. На базе институционализма была выработана экономическая система оценки контрактов². Под последними сторонниками институционального подхода понимается то, что отражает реализацию фундаментального права собственника на передачу имущества, это соглашения об обмене правомочиями и их защите, являющиеся результатом осознанного и свободного выбора индивидов в заданных институциональных рамках. Речь идет о понимании договора как совокупности правил поведения субъектов товарно-денежных отношений, которые касаются обмена материальными благами, сознательно, добровольно и взаимовыгодно принятыми ими на себя³.

Таким образом, с позиции чикагской и австрийской школ, институционализма экономические причины недействительности сделок состоят в недопущении существования таких актов товарообмена, совершением и (или) исполнением которых нарушаются требования добровольности вступления в договорные отношения, рациональности, проинформированности их участников и которые причиняют вред благосостоянию других лиц.

¹ В развитии институционализма следует выделить ранний и поздний этапы (см.: Medema G. Steven, Mercurio N., Samuels J. Warren. *Institutional Law and Economics // Encyclopedia of Law and Economics*. P. 418–455 ; Klein G. Peter New *Institutional Economics // Encyclopedia of Law and Economics*. P. 456–489). К представителям раннего институционального экономического анализа относятся Т.Б. Веблен (Теория праздного класса: Пер. с англ. / Вступ. ст. и прим. С.Г. Сорокиной; Общ. Ред. В.В. Мотылев. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011), Hamilton H. Walton. (*Property – According to Locke // Yale Law School Legal Scholarship Repository*. 1932. P. 864–880). Поздний институциональный анализ права представлен трудами Р. Коуза (Природа фирмы // Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т. 2. Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа. 2000. С. 11–33), North C. Douglass. (*Institutions // Journal of Economic Perspectives*. Volume 5, № 1. 1991. P. 97–112), О.И. Уильямсона (Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Научное редактирование и вступительная статья В.С. Катъкало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Катъкало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова, Н.Н. Цытович. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996).

² Уильямсон О.И. Указ. соч.

³ См.: там же. С. 73–74 ; North C. Douglass. *Institutions // Journal of Economic Perspectives*. Volume 5, № 1. 1991. P. 109.

Указанные причины обуславливают появление оснований недействительности сделок, закрепленных в ст. ст. 171, 172, 175, 176, 178, 179 ГК РФ¹ (сделки, совершенные недееспособными, ограниченно дееспособными, несовершеннолетними, а также сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия угрозы или неблагоприятных обстоятельств). Все приведенные дефекты в сделках связаны с недобровольностью вступления лиц в договорные отношения, с иррациональностью их поведения, недостаточностью у них информации.

Экономическим причинам соответствует и обстоятельство, учитываемое при признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности в виду нарушения ею прав и охраняемых законом интересов ее участников (ст. 166 ГК РФ). Сделка с дефектом формирует в экономическом обороте опасную ситуацию: внешне действительная, она создает у его субъектов видимость стабильности имущественных связей, на которую они обоснованно полагаются, и на основании которой выстраивают собственные экономические отношения. В этом проявляется негативное влияние такой сделки как на ее сторон и других участников, так и на весь гражданский оборот.

Подобное «вредоносное» воздействие сделки с дефектом предопределяет и арсенал правовых средств, с помощью которых возможна ее нейтрализация и которые легально определены в качестве способов защиты (ст. ст. 12, 166, 167 ГК РФ). Такая законодательная квалификация данных мер находит поддержку в юридической литературе², где признание сделки недействительной и применение последствий недействительности чаще определяется либо в качестве мер защиты, либо в качестве частного случая восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

¹ См.: Коваленко Е. Ю., Филиппова Т. А. Последствия нарушения пределов свободы договора // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №6 (98). С. 63.

² См., например: Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2010 ; Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 121–122 ; Добрачев Д.В. Соотношение гражданско-правовых категорий денежного долга и убытков : дис. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 110 ; Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : Учебное пособие. Свердловск, УрГУ. 1980. С. 43–51 ; Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 95, 134, 152.

Необходимость защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки следует и из программных документов реформы гражданского законодательства. Так, в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ содержится указание на то, что общие нормы о недействительности сделок имеют важное значение для стабильности гражданского оборота, поскольку являются основным инструментом защиты прав и интересов добросовестных лиц при совершении ими гражданско-правовых сделок¹. Особо отмечается также, что «по смыслу ст. 166 ГК РФ речь в ней идет о судебном порядке защиты гражданских прав». Разработчиками Концепции приводятся положения п. 1 ст. 3 ГПК РФ², п. 1 ст. 4 АПК РФ³, посвященные назначению гражданского и арбитражного судопроизводства – защите нарушенных или оспоренных гражданских прав, осуществляемой также путем признания сделки недействительной (п. 1.9). В качестве же предложений по изменению действующего законодательства предлагалось установление требования добросовестности, универсального действия возмещения убытков как способа защиты прав добросовестной стороны (п. 2.2). Некоторые из этих предложений были сохранены в одобренной впоследствии Концепции развития гражданского законодательства⁴, часть из них была закреплена в действующем ГК РФ.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что правовые средства, применяемые при недействительности сделок, предопределены объективными экономическими причинами. С позиции экономики права сделки с дефектом в одинаковой степени оказывают негативное влияние и на имущественные сферы конкретных лиц, и на весь экономический оборот.

Правовые причины недействительности сделок формируются в правовой

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 49.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. №3138–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 18 нояб. № 46, ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 29 июля. № 30, ст. 3012.

⁴ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 20–21.

надстройке, отражают конкретные юридические ценности и потребности общества на определенном этапе его развития и находят отражение в правовых принципах. Именно правовые принципы, как часто отмечается в литературе, выполняют «системообразующую функцию путем определения содержания всех других гражданско-правовых норм и установления по отношению к ним высшей юридической силы»¹ и концентрируют в себе «отражение важнейших экономических, социально-политических, идеологических, духовно-нравственных устоев общества, соответствующих уровню его исторического развития»². Объяснением правового регулирования недействительности сделок является необходимость всесторонней защиты гражданских прав и законных интересов конкретных лиц, вытекающая из таких конституционных принципов как: принципов необходимости защиты прав и законных интересов человека (ст. 2 Конституции РФ), свободного перемещения товаров, услуг, свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), равного признания и защиты частной, государственной и муниципальной собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ)³; гражданско-правовых принципов равенства, неприкосновенности собственности, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Правовые причины объясняют наличие составов недействительности сделок в связи с дефектами субъектного состава, воли, волеизъявления и основания, предусмотренные ст. ст. 173-174.1 ГК РФ, а также обстоятельства, которые, по мнению законодателя, следует учитывать при признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности. Как отмечалось в уже упомянутых программных документах реформы гражданского законодательства, результатом эффективного применения норм о

¹ Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 9, 11, 84, 90–92.

² Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 10. См. также: Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 10.

³ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

недействительности сделок должно быть не простое аннулирование юридической силы сделок, а полноценная защита прав и законных интересов *добросовестных* участников недействительной сделки, *пострадавших* от ее совершения и (или) исполнения¹.

Правовыми причинами обосновывается и характеристика применяемых при недействительности сделок реституции, возмещения убытков, признания сделки недействительной, действительной именно как способов защиты, направленных на максимально полное восстановление имущественных сфер участников недействительной сделки.

Ряд нормативных положений о недействительности сделок, кроме того, выражают интересы и самого государства как субъекта, защищающего права и законные интересы частных лиц. Справедливость данного положения подтверждает распространенная в правовой литературе теория публичного интереса², согласно которой регулирование экономических отношений государством представляет собой ответ на подчас несправедливые рыночные условия. По мнению Д.И. Степанова, поскольку рынки могут быть несовершенными (предоставлять слишком большие преимущества экономически сильной стороне и ущемлять интересы слабой), государство вынужденно реагировать по некоему «агрегированному запросу на ограничение рыночного деспотизма»³. В этой связи правовые пределы государственного вмешательства в экономическую сферу представляют собой обусловленные объективными и субъективными факторами, законодательно установленные границы деятельности, определяющие баланс интересов государства и хозяйствующих субъектов⁴.

¹ См.: Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 49; Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 20–21.

² Обзор учения см.: Степанов Д.И. Диспозитивность норм договорного права: к концепции реформы общих положений Гражданского кодекса РФ о договорах // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 5. С. 15; Маскаау. History of Law and Economics. Encyclopedia of Law and Economics. P. 88–89.

³ Степанов Д.И. Указ. Соч. С. 15.

⁴ Ершов Н.Н. Правовые пределы вмешательства российского государства в сферу экономики : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Н., 1999. С. 173.

Безусловно, государственный, публичный интерес не мог не проявиться в определенных правовых предписаниях о недействительности сделок. Речь идет о норме ст. 166 ГК РФ, наделившей правом на признание сделки недействительной и на применение ее последствий не только сторон такой сделки, но и иных лиц, а также использование данных способов защиты в интересах третьих лиц. Публичный интерес проявляется и в положениях п. 4 ст. 166, п. 4 ст. 167 ГК РФ, предоставляющих право суду в определенных случаях самостоятельно разрешать вопрос о применении последствий недействительности сделки в зависимости от их согласованности с публичными интересами или основами правопорядка, нравственности¹, а также принудительный характер двусторонней реституции. Совершение и исполнение недействительной сделки, хотя и составляет проявление автономии воли ее сторон, между тем, дестабилизирует гражданский оборот, а потому нуждается в принудительном его восстановлении со стороны государственного правоприменительного органа – суда.

Направленность норм о недействительности сделок на защиту публичных интересов проявляется также в легальном закреплении правил о ничтожности сделок, противоречащих закону или иному правовому акту (ст. 168 ГК РФ),

¹ Как было отмечено в Определении КС РФ от 08.06.2004 № 226-О, «понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика. То есть они являются определенными и могут обеспечить единообразное понимание и применение данных законоположений». Трактовка представленных понятий осуществляется сквозь призму положений ст. 169 ГК РФ, в которой под основами нравственности следует понимать «фундаментальные этические ценности, разделяемые большинством населения внутри страны» (Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 527 (автор комментария – Карапетов А.Г.)).

По утверждению К.И. Забоева, «публичные интересы в самом широком виде могут быть сведены к основным задачам функционирования государства в целях процветания социума, заключающимся в защите жизни и здоровья граждан, обеспечении возможности организации их труда, а также в стабильном гражданском обороте» (Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015). Основы правопорядка же представляют собой «базовые принципы публичного порядка, общественной, политической и экономической организации общества, безопасность государства, гражданский мир, нормальное функционирование государственного аппарата и т.п.» (Там же), а сам правопорядок – «реализованная законность», «итог правового регулирования» (Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. С. 475 (автор главы – Лазарев В.В.)). В законодательстве термины правопорядка и публичного порядка рассматриваются как синонимы (ст. 1193 ГК РФ РФ).

Можно заключить, что установление правопорядка (публичного порядка) выступает одним из проявлений публичного интереса в праве.

сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), мнимых и притворных сделок (ст. 170 ГК РФ).

Разновидностью сделок, противоречащих закону или иному правовому акту, являются сделки, противоречащие существу законодательного регулирования соответствующих видов обязательств. Данное основание ничтожности договоров нашло отражение в п. 74 Постановления Пленума ВС РФ № 25, где, однако, не содержится каких-либо пояснений о том, что, по мнению высшей судебной инстанции, представляет собой существо законодательного регулирования, каким образом его необходимо определять с целью квалификации того или иного договора и договорного условия как ничтожного. Подобное положение явно не идет на пользу практике применения ст. 168 ГК РФ и требует формулирования некоторых общих ориентиров в трактовке существа законодательного регулирования. Нельзя не согласиться, однако, с мнением Н.Д. Титова о том, что поиск какого-либо всеобъемлющего понятия существа законодательного регулирования вряд ли может увенчаться успехом¹: многообразие гражданских правоотношений и спорных ситуаций, возникающих в судебной практике, просто не допускают в данном случае какой-либо строгой унификации².

Законодательное регулирование представляет собой одну из форм правотворчества, направленную на создание законодательных норм, их дальнейшее совершенствование и прекращение действия. Любое законодательное регулирование, если оно претендует на эффективность, должно выступать системой норм, отражающих потребности и интересы общества, объективные закономерности его развития. Это предполагает, что существо законодательного регулирования того или иного правового явления следует определять на основе

¹ Титов Н.Д. Основания ничтожности сделок по действующему гражданскому законодательству России // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 72 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2017. С. 33.

² Данное основание ничтожности сделок, как следует из анализа правоприменительной практики, имеет большой правозащитный потенциал. См.: Определение ВС РФ от 21.11.2016 № 305-ЭС16-9281 ; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 08.12.2015 по делу № 11-13828/2015 ; Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 20.10.2015 по делу № 33-18156/2015 ; Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 22.09.2015 по делу № 33-15250/2015 ; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 06.06.2017 по делу № 33-4949/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

таких характеристик этого явления, которые могут отразить объективные закономерности его правовой регламентации. В качестве «ориентиров», позволяющих выявить существо законодательного регулирования, могут выступать, в частности:

- общеправовые, отраслевые, институциональные принципы правового регулирования явления,
- характеристики, определяющие место правового явления в системе схожих явлений, а также в общем механизме правового регулирования (в частности, место договора в системе гражданско-правовых обязательств, его экономический смысл),
- правовая, социальная и экономическая ценность конкретного правового явления,
- цели его правовой регламентации¹.

В п. 74 Постановления Пленума ВС РФ № 25 отмечается, что существу законодательного регулирования противоречит, в частности, условие договора доверительного управления имуществом, устанавливающее, что по истечении его срока имущество переходит в собственность доверительного управляющего. Думается, что есть достаточные основания согласиться с высшей судебной инстанцией в приведенной квалификации. Договор доверительного управления имуществом с точки зрения цивилистической доктрины не рассматривается в качестве договора, направленного на передачу имущества в собственность. Место договора доверительного управления имуществом в системе гражданско-правовых договоров и его экономический смысл выступают характеристиками, позволяющими установить существо законодательного регулирования данной договорной конструкции, выявить противоречие спорного условия такому существу, и следовательно, квалифицировать его как ничтожное².

¹ См.: Гончарова В.А. Институт недействительности сделок как гарантия реализации принципа свободы договора // Юрист. 2018. № 12. С. 26–31.

² Статьей 26 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (О приватизации государственного и муниципального имущества : федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 28 янв. № 4, ст. 251) допускается продажа акций по итогам доверительного управления. Вместе с тем, согласно ст. 3 данного Федерального закона, он регулирует лишь

В качестве охраняющего публичные интересы следует охарактеризовать и правило, устанавливающее недействительность в качестве последствия несоблюдения формы сделки в предусмотренных законом случаях. Как справедливо отмечает К.П. Татаркина, форма сделки призвана обеспечивать ясность факта ее совершения, подтверждать серьезность намерений сторон, обеспечивать четкость формулирования содержания сделки, выполнять доказательственную, консультативную (в случае нотариальной формы), информативную и контрольную функции¹. Очевидно, что подобный функциональный набор оправдывает решение законодателя в ряде случаев связать несоблюдение формы сделки с ее недействительностью.

Публично-правовая составляющая в нормах о недействительности сделки проявляется также в наличии мер уголовно-правового и административно-правового характера как реакции на совершение и (или) исполнение недействительной сделки. Речь, прежде всего, о мерах публично-правовой ответственности, определенных формулировками «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ), «иные последствия, установленные в законе» и конфискации (ст. 169 ГК РФ)². В то же время сказанное ни в коем случае не свидетельствует о принадлежности норм о недействительности сделок к структурным элементам уголовного или административного права. По справедливому замечанию В.Ф. Яковлева и Э.В. Талапиной, «деление права не должно абсолютизироваться, а в его части – противопоставляться, так как без публичного права частное право бессильно, а без частного права публичное беспредметно, поскольку ему нечего охранять»³.

Таким образом, нормы российского законодательства о недействительности сделок обусловлены экономическими и правовыми причинами, состоящими в

специальную область отношений, возникающих при приватизации государственного и муниципального имущества, и связанных с ними отношения по управлению государственным и муниципальным имуществом.

¹ Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: монография. Томск : Томский государственный университета систем управления и радиоэлектроники, 2012. С. 55–64.

² См.: Гончарова В.А. Публичные интересы как объекты защиты в деле о недействительности сделки // Традиции и новации в системе современного российского права. XVIII Международная научно-практическая конференция молодых ученых : сборник тезисов. Москва : РГ-Пресс, 2019. С. 261–262.

³ Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 10.

необходимости защиты частных и публичных интересов¹. Данное обстоятельство дает основания не согласиться с распространенной в юридической литературе позицией об исключительно публичной природе реституции как основного последствия недействительности сделок. Указанной точки зрения придерживается, в частности С.А. Сеницын, по мнению которого реституция не является гражданско-правовой конструкцией ввиду зависимости ее применения от инициативы суда (п. 4 ст. 166, п. 4 ст. 167 ГК РФ)². С точки зрения ученого, реституция не защищает и не удостоверяет какое-либо право, не предполагает фигур потерпевшего и правонарушителя (поскольку в исполнении недействительной сделки одинаково виновны обе стороны), а является простой реакцией со стороны государства на нарушение правопорядка.

Аннулируя недействительные сделки и совершенные имущественные перераспределения, правоприменитель тем самым, как следует из обоснованных рассуждений С.А. Сеницына, защищает публичный порядок. Вместе с тем, как представляется, указанным автором не в полной мере учитывается то обстоятельство, что недействительная сделка вносит неопределенность и в распределение имущественных благ конкретных лиц, чем нарушает их права и охраняемые законом интересы и требует их защиты со стороны государства. Сказанное означает и невозможность оценки реституции и как явления исключительно частноправового характера³.

Таким образом, можно заключить, что экономические и правовые причины недействительности сделок проявляются в конкретных правовых предписаниях §2 гл. 9 ГК РФ и обуславливают необходимость защиты как частных, так и в равной степени публичных интересов. Анализ указанных причин позволяет четко обозначить цели регламентации недействительных сделок, а значит, обеспечить адекватное толкование имеющихся законодательных положений.

¹ См.: Рузанова В.Д. Основные тенденции модернизации современного гражданского законодательства через призму проблемы обеспечения согласованности правового регулирования // Власть Закона. 2015. № 4 (24).

² Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32-39 ; Он же. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 26–27.

³ Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 148–154.

1.2 Нарушение субъективного гражданского права и охраняемого законом интереса совершением и (или) исполнением недействительной сделки

Экономические и правовые причины недействительности сделок подводят к выводу об определенной «вредности» сделок с дефектами для конкретных лиц и всего оборота, что в настоящее время нашло отражение в гражданском законодательстве. Так, по смыслу ст. 166 ГК РФ квалификация оспоримой сделки в качестве недействительной возможна при нарушении ею прав и охраняемых законом интересов участников такой сделки. Согласно п. 3 ст. 166 ГК РФ, требование о признании ничтожной сделки недействительной независимо от применения последствий ее недействительности может быть удовлетворено, если предъявляющее такое требование лицо имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной. Подобное положение, однако, не явно, следует и из абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ применительно к требованию о применении последствий недействительности сделки за счет указания на круг субъектов, наделенных правом на заявление соответствующих требований.

Появление наряду с основанием недействительности сделки (дефектом) также и нарушения ею прав или охраняемых законом интересов стало результатом крупномасштабного реформирования гражданского законодательства в 2013 году, истоки которого были заложены в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ. Исходя из буквального смысла прежней редакции ст. 166 ГК РФ, ранее для признания сделки недействительной было достаточно лишь наличия доказанного основания недействительности и относимость заявителя к кругу управомоченных законом лиц. Подобный подход к правовой регламентации недействительности сделок, как отмечается в юридической литературе¹, был причиной распространенной практики оспаривания сделок лишь по формальным основаниям, что, безусловно, не шло на пользу отечественному гражданскому обороту.

¹ Дерхо Д.С. Недействительность сделок. Некоторые вопросы теории и практики // Судья. 2017. № 9. С. 54.

Концепция совершенствования общих положений ГК РФ предлагала меры, реализация которых, по мнению разработчиков, могла остановить бесконтрольное аннулирование сделок. Так, в п. 1.7 §1 Раздела V Концепции совершенствования, посвященного общим положениям о недействительности сделок, со ссылкой на п. 1 ст. 3, п. 1 ст. 11, п. п. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ, п. 1 ст. 4 АПК РФ указывалось, что под лицом, уполномоченным заявлять о недействительности сделки, следует понимать только того субъекта гражданского оборота, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены вследствие ее совершения. Как полагали разработчики, наличие лишь формальных оснований для признания сделки недействительной не может приводить к признанию ее недействительной судом, если лицо, заявившее соответствующее требование, не доказало в чем состоит нарушение его прав и законных интересов¹. Данные идеи нашли отражение в Концепции развития гражданского законодательства² и Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ»³.

Введение нарушения сделкой прав и охраняемых законом интересов, которое необходимо доказать лицу, оспаривающему ее, следует оценивать положительно не только с позиции соответствия экономическим и правовым причинам недействительности сделок, но и с точки зрения гражданского процесса. Доказанность подобного нарушения полностью соответствует существу иска как требования заинтересованного лица о защите конкретного субъективного права либо охраняемого законом интереса⁴.

Однако, несмотря, на упрочнение договорных связей введенными законоположениями, очевидно появление ряда вопросов их правильного толкования, о чем свидетельствует и судебная практика. Так, анализ судебных

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 53.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 20.

³ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2019.

⁴ См.: Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. С. 498 ; Она же. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990.

актов указывает на то, что нередко в них используются формулировки, отличающиеся от использованной законодателем – «нарушения прав и охраняемых законов интересов». В ряде судебных решений указывается на необходимость «заинтересованности»¹, «материально-правового интереса»² в признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности, «экономического интереса в отношении объекта и (или) участников сделки»³. Подобное положение способно существенно затруднить процесс доказывания по делам, связанным с недействительностью сделок, внести неопределенность в процесс принятия судебных решений.

Таким образом, в настоящее время в правоприменении не выработан единообразный и устойчивый подход к пониманию сущности нарушения прав и законных интересов совершением и (или) исполнением недействительной сделки. Возникает вопрос о содержании используемого в ст. 166 ГК РФ термина «нарушение прав и охраняемых законом интересов» и последствиях его введения в отечественное законодательство.

Проблема определения понятия «нарушение прав и охраняемых законом интересов», несмотря на определенный срок закрепления соответствующей формулировки в законе, не получила необходимого разрешения в литературе. В большинстве случаев авторы либо ограничиваются констатацией соответствия подобного законоположения предложениям, содержащимся в Концепции⁴, либо относятся к такому изменению негативно. К числу авторов второй группы относится, в частности Д.О. Тузов, по мнению которого, «если имеет место состав

¹ См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.12.2016 № 12АП-12038/2016 по делу № А12-45512/2016 ; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2016 № 12АП-13076/2016 по делу № А12-44503/2016 ; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2016 № 09АП-56095/2016 по делу № А40-158236/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2016 № Ф05-2105/2016 по делу № А40-161397/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

³ См.: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 № 02АП-10619/2015 по делу № А28-6808/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

⁴ См.: Белов В.А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: Практическое пособие. «Юрайт». 2014 ; Игнатов С.Л. Комментарий к подразделу 4 «Сделки. Решения собраний. Представительство» раздела I «Общие положения» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 9 «Сделки», 9.1 «Решения собраний» и 10 «Представительство. Доверенность»)» (постатейный). 2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2013.

оспоримой сделки, то этого уже достаточно, чтобы такую сделку оспорить в суде и добиться ее аннулирования»¹. Однако следует иметь в виду, что введенное законоположение было оценено Д.О. Тузовым с точки зрения традиционного для отечественной теории права подхода к нарушению прав. Под последним чаще понимается действие, бездействие деликтоспособного лица, нарушающее норму права и – применительно к сфере гражданско-правового регулирования – правила индивидуального регулирования, сосредоточенные в договорах².

Как представляется, совершение оспоримой или ничтожной сделки не является противоправным деянием, а лишь не соответствует требованиям закона с точки зрения условий действительности. Совершение действительной сделки – не обязанность их участников, а их право, последствием ненадлежащей реализации которого выступает необходимость возврата сторон в предсделочное состояние. Как справедливо отмечается О.В. Гутниковым, недействительность и неправомерность представляют собой две различные, лишь частично, пересекающиеся характеристики юридических фактов. Исключением, сочетающим как недействительность, так и неправомерность, являются только те сделки, которые совершены в нарушение требований закона или иных правовых актов (ст. 168 ГК РФ) и которые, соответственно, обоснованно могут квалифицироваться в качестве правонарушений. В остальном совершение недействительной сделки представляет собой проявление диспозитивности гражданского права, предполагающее принятие ее сторонами на себя риска ненаступления планируемых юридических последствий в силу дефектов в сделке. Такие сделки не в состоянии нарушить субъективное право или законный интерес в традиционном смысле и потому, что с точки зрения динамики правоотношений они не рассматриваются как юридические факты, способные породить ожидаемые правовые последствия.

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 385 (автор комментария – Д.О. Тузов).

² См.: Автаева О.Ю. Противоправность как выражение юридической сущности гражданских правонарушений // Юридическое образование и наука. 2004. № 2. С. 19–21 ; Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Статус», 2000. С. 325 ; Титов Н.Д. Понятие противоправности поведения как существенного условия гражданско-правовой ответственности // Молодые ученые и специалисты – народному хозяйству: Сборник статей. Под ред. М.С. Кузнецова. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1983. С. 116.

В отличие от гражданских правонарушений в виде причинения вреда или неосновательного обогащения, опасность которых состоит в умалении имущества, сделка с дефектом формирует состояние правовой неопределенности в динамике гражданских правоотношений (в связи с совершением такой сделки) и в принадлежности имущества тем или иным лицам (в связи с ее исполнением). Такие сделки создают «ложные» основания перераспределения имущества, чем порождают у своих участников неясность в их экономической деятельности. Так, оспоримая сделка, не признанная недействительной, однако имеющая дефект, способна нарушать права и законные интересы самим своим существованием, внося неопределенность в динамику гражданских правоотношений и в принадлежность имущества конкретным лицам. В случае совершения ничтожной сделки нарушение также выражается в создании правовой неопределенности в динамике гражданских правоотношений. В случае же исполнения ничтожной сделки нарушение состоит уже в совершенном безосновательном распределении и удержании имущества, также порождающем неопределенность для третьих лиц в его принадлежности. Нарушение прав и охраняемых законом интересов участников сделки с дефектом при этом не обязательно наступает в момент ее совершения и (или) исполнения. С учетом динамики правового статуса таких участников, других правоотношений, неопределенность может наступить в любой момент развития правоотношений из дефектной сделки.

Указанная неопределенность, как следует из ст. 166 ГК РФ, может касаться осуществления субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов (законных интересов)¹. Субъективное гражданское право представляет собой ключевой элемент содержания гражданского правоотношения; это принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц². Охраняемый законом интерес – это опосредованная юридическими средствами и механизмами возможность, данная в равной степени каждому

¹ См.: Эрделевский А. М. Об изменениях в правовом регулировании сделок // Хозяйство и право. 2015. № 9. С. 115.

² Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 356.

правоспособному субъекту отношений для осуществления законных способов удовлетворения своих потребностей, которая, однако, прямо не закреплена в субъективных правах¹. По утверждению А.В. Ульянова, охраняемый законом интерес представляет собой правовую возможность поведения заинтересованного лица в общерегулятивном правоотношении². Нарушение совершенной и (или) исполненной недействительной сделкой при этом может касаться как частного интереса (интереса отдельных лиц), так и публичного интереса.

Нарушение сделкой с дефектом прав и охраняемых законом интересов выступает не автономно существующим явлением, а представляет собой по смыслу действующего законодательства одну из характеристик сделки с дефектом, влекущую возникновение нового – охранительного – правоотношения, в котором управомоченное потерпевшее лицо может защитить свои нарушенные права с использованием определенных правовых средств: признания сделки недействительной и применения ее последствий. Введением требования нарушения прав и законных интересов совершением и (или) исполнением недействительной сделки законодатель признал невозможность квалификации как недействительных тех сделок, которые, хотя и имеют дефект, но не создают неопределенности в реализации прав и законных интересов и принадлежности имущества.

Таким образом, нарушение субъективных прав и охраняемых законом интересов в случае совершения и (или) исполнения сделки с дефектом может рассматриваться как возникающая в результате совершения и (или) исполнения такой сделки правовая неопределенность в динамике гражданских правоотношений и принадлежности имущества. Она негативно влияет на участников недействительной сделки в форме создания для них препятствий в осуществлении их прав и законных интересов, преодолеть которые возможно

¹ Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев; под ред. А.В. Малько. М. : Норма, 2008. С. 108.

² Ульянов А.В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 6.

лишь путем признания сделки недействительной и (или) применения последствий ее недействительности¹.

1.3 Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

В качестве правовой связи, опосредующей применение способов защиты участников недействительной сделки, в литературе традиционно называется реституционное правоотношение. Так, по мнению Д.О. Тузова, реституционное обязательство следует определить как относительное имущественное правоотношение, в силу которого лицо, получившее по недействительной сделке какое-либо имущество или принявшее предоставление в иной форме (должник), обязано возвратить это имущество предоставившему его лицу (кредитору), а при невозможности – возвратить его стоимость². Близкой позиции придерживается Д.Н. Кархалев, отмечающий, что реституционное охранительное правоотношение (реституционное обязательство) представляет собой правовую связь, возникающую между сторонами исполненной недействительной сделки, содержанием которой являются охранительное право на реституцию и охранительная обязанность по восстановлению имущественного положения стороны в сделке путем возврата всего полученного по ней или возмещения его стоимости в денежном выражении³. Структура реституционного правоотношения, по мнению Д.Н. Кархалева, отличается своеобразием: «у каждой стороны недействительной сделки имеется право на защиту и обязанность восстановить правовое положение контрагента в двух охранительных правоотношениях»⁴.

¹ См.: Гончарова В.А. Нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие возникновения права на защиту участников оспоримой сделки // Вестник ТГУ. Право. 2018. № 28. С. 115–125 ; Гончарова В.А. Нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие недействительности оспоримой сделки: понятие, субъекты // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : материалы всероссийской научно-практической конференции (Омск, 27 апреля 2018 г.) / отв. ред. Н.А. Резина, Е.Ф. Рашидов. Омск : Омская юридическая академия, 2018. С. 49–53.

² Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 81–82.

³ Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение // Налоги. 2009. № 27 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2009. См. также: Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 27.

⁴ Кархалев Д.Н. Указ. соч.

Вместе с тем, перечень способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки не исчерпывается реституцией. Неисполненная и не оспоренная сделка с дефектом создает для сторон такой сделки права и обязанности и тем самым потенциально способна вносить неопределенность в их гражданско-правовые отношения и отношения с другими лицами. То же можно сказать и о неисполненной ничтожной сделке, недействительность которой хоть и объективна, однако, не всегда очевидна для участников правоотношений, в связи с чем должна быть установлена судом. Признание сделки недействительной, конвалидация ничтожной сделки, возмещение убытков, применение «иных последствий недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ), как представляется, также осуществляются в особой разновидности материального охранительного¹ гражданско-правового отношения – правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки (далее – правоотношение по защите)².

¹ Проблема состоятельности охранительного правоотношения является одной из наиболее дискуссионных в правовой науке (обзор проблематики см.: Мильков А.В. К теории охранительных гражданских правоотношений : учебное пособие. Москва : Проспект, 2018. С. 7–33). Сторонники указанной разновидности правоотношения указывают на том, что «в самом регулятивном праве тщетно искать те силы, которые сдвинули бы регулятивное правоотношение с мертвой точки, вернули бы к «нормальной жизни» субъективное право... Требуется особый механизм, позволяющий очистить, оздоровить, правовую ткань регулятивного (материального) правоотношения. Таким механизмом или источником выступает охранительное правоотношение, элементом которого является охранительное правомочие на защиту (право на иск)» (Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 32). По мнению Е.А. Крашенинникова, «охранительное субъективное право – это вытекающая из охранительной гражданско-правовой нормы возможность определенного поведения лица в конфликтной ситуации, предоставленная ему в целях защиты регулятивного субъективного права или охраняемого законом интереса» (Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 5). К сторонникам выделения охранительных правоотношений следует отнести также Е.Я. Мотовиловкера (Теория регулятивного и охранительного права. Изд-во Воронеж. ун-та, 1990), Муромцева С.А. (Определение и основное разделение права. Избранные труды /Сергей Андреевич Муромцев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский ; Ин-т общественной мысли. 2010. С. 315–509), В.Ф. Попондопуло (Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ф. Попондопуло. СПб, 1981), Т.В. Шепель (Шепель Т.В. Внедоговорные охранительные обязательства: состояние законодательства и цивилистической доктрины // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 205–213).

Важно заметить, что теория охранительных правоотношений наиболее развита в настоящее время в науке уголовного и административного права (см., например: Ведяшкин С.В. Охранительная функция административного права: концепт и реализация // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26. С. 33–44 ; Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. – М.: «ЮрИнфоР-Пресс», 2007).

² Понятие правоотношения является дискуссионным в отечественной теории права. В настоящей работе за основу принят наиболее традиционный и распространенный подход, согласно которому правоотношение определяется как возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства (см.: Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 328).

Модель предлагаемого охранительного правоотношения не может быть поставлена под сомнение предусмотренным в законе правом суда применять или не применять последствия недействительности сделки по своей инициативе (п. 4 ст. 166, п. 4 ст. 167 ГК РФ). Значительный вес судебного усмотрения при решении вопроса о применении последствий недействительности сделки связан лишь с потенциальной возможностью влияния недействительной сделки не только на частные интересы сторон сделки, но и на интересы незадействованных в сделке лиц, а также публичный порядок, которые должен учитывать суд (ст. 3 ГПК РФ, ст. 4 АПК РФ).

Правоотношение по защите имеет особое основание возникновения, субъектов, объект, формы реализации, содержание, что и отличает его от иных гражданско-правовых охранительных отношений. *Основанием возникновения* правоотношения по защите является сложный юридический факт – совершение (или) исполнение сделки с дефектом, нарушающей права и законные интересы ее добросовестных участников (сторон, иных, третьих лиц).

Нарушение сделкой с дефектом прав и охраняемых законом интересов для возникновения у лица права на оспаривание сделки и применение ее последствий является свидетельством охранительной природы рассматриваемого правоотношения. Трактовка такого нарушения как правовой неопределенности, а не как виновного противоправного деяния (в рамках традиционных для отечественной теории представлений) не ставит под сомнение охранительную природу моделируемой разновидности правоотношения. В литературе справедливо обращается внимание на то, что сама конструкция охранительного правоотношения способствует достижению исключительно методологических и эвристических целей: «главное достоинство теории охранительных правоотношений состоит в том, что она нацеливает на исследование механизма защиты субъективных прав и интересов как одного из «блоков» правового регулирования»¹, на «совершенствование законодательства»¹. Разработка модели

¹ Бутнев В.В. Несколько замечаний к дискуссии о теории охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений: Материалы науч. конф. / [Редкол. : Е.А. Крашенинников (отв. ред.) и др.]. Ярославль. 1991. С. 7. См. также: Мильков А.В. Указ. соч. С. 30 ; Григорьева М.А. К вопросу о теории

правоотношения по защите удовлетворяет этим целям: делает очевидной связь способов защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки и позволяет обеспечить последовательность их в применении, а значит, способствовать полноценной защите их прав и законных интересов².

Сторонами правоотношения по защите являются управомоченное лицо как носитель субъективного охранительного права на защиту (потерпевший), а также обязанное лицо (нарушитель, нарушители). Потерпевшим выступает лицо, в имущественную сферу или сферу компетенции которого совершенная и (или) исполненная сделка внесла неопределенность, создав тем самым препятствия в реализации его прав и охраняемых законом интересов или контрольных полномочий. Как следует из ст. 166 ГК РФ, потерпевшими в правоотношении по защите могут быть сторона сделки, иные и третьи³ лица.

Подобная законодательная регламентация круга субъектов права на защиту в рассматриваемом виде правоотношения дает основания для определения общего как для ничтожных, так и для оспоримых сделок понятия участников недействительной сделки⁴ – субъектов гражданского права, претерпевающих негативные последствия в связи с совершением и (или) исполнением оспоримой или ничтожной сделки. Ценность такого широкого подхода, включающего в

охранительных гражданских правоотношений // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 6. С. 170-174 ; Она же. О предметном и функциональном критериях разделения гражданско-правовых норм и отношений на регулятивные и охранительные // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 3. С. 183–189.

¹ Бутнев В.В. Указ. соч. С. 10.

² В последнее время наблюдается отход от понимания правонарушения как единственного основания возникновения охранительного правоотношения (см., например: Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 151–170).

³ Понятие третьих лиц глубоко разработано в науке гражданского процесса. В зависимости от степени материально-правовой заинтересованности в деле различают два типа третьих лиц: 1) заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора; 2) не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора (см.: Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. С. 205). Данное обстоятельство не наделяет понятие третьих лиц качеством межотраслевой правовой категории: очевидны существенные отличия в понимании указанных субъектов в процессуальном и материальном праве. В настоящей работе третьи лица рассмотрены исключительно сквозь призму гражданского охранительного правоотношения материального, а не процессуального характера.

⁴ Термин «участники правоотношения» часто используется в литературе в качестве синонима слова «субъекты правоотношения», «стороны правоотношения» (см.: Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. С. 399 (автор главы – Мицкевич А.В.) ; Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.Н. Протасов. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 296). Данный подход использован и в ГК РФ (абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ). В настоящей работе под участниками правоотношения, однако, понимается широкий круг лиц.

понятие участников не только сторон, но и других лиц, состоит в возможности всестороннего анализа влияния недействительной сделки на всех участников гражданских правоотношений.

Нарушителем субъективного регулятивного права или интереса является другая сторона недействительной сделки. В случае оспаривания сделки в интересах третьего лица или иным лицом нарушителями являются стороны, совершившие и (или) исполнившие сделку. В общем виде нарушителем в правоотношении по защите является лицо, действиями которого внесена неопределенность, которую необходимо устранить за счет применения судом соответствующих способов защиты.

*Объектом*¹ правоотношения по защите прав и законных интересов участников недействительной сделки является имущественная сфера потерпевшего, которая подвергается негативному влиянию совершенной и (или) исполненной сделки, и в частности, конкретные материальные блага. Под имущественной сферой для целей структуры правоотношения по защите следует понимать все имущество, находящееся в сфере хозяйственного господства ее участника. Кроме того, в определенных случаях объектом правоотношения по защите могут выступать публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия, и испытывающими влияние совершенной и (или) исполненной недействительной сделкой.

Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки условно имеет две *формы реализации*: законную и договорную. При законной форме реституция и возмещение убытков как последствия недействительности сделки определяются судом и сообразно его решению исполняются сторонами сделки либо – при отсутствии добровольного исполнения – судебными приставами-исполнителями. Договорная форма предполагает, что исполнение реституционных обязательств и обязательств по

¹ Понятие объекта правоотношения по-разному толкуется в различных концепциях правоотношения (см.: Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Белова. – 2-е изд., стер. М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 303–323 (автор главы – Бевзенко Р.С.)). В настоящем исследовании под ними понимается то, что испытывает на себе негативное влияние совершенной и (или) исполненной недействительной сделки; «явления (предметы) материального и духовного мира» (Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 395).

возмещению убытков конкретизируются их сторонами в их мировых соглашениях под контролем суда. При этом стороны оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, вправе не только конкретизировать в мировых соглашениях исполнение указанных обязательств, но также и дополнять их иными способами защиты (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ). В обеих формах реализации сделка признается недействительной именно судом, что уже создает условия для применения последствий ее недействительности.

Допустимость существования договорной формы реализации правоотношения по защите следует из положений процессуального законодательства о мировом соглашении, а также из п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, отражающих диспозитивность гражданско-правового регулирования. Договорная форма в этой связи имеет для сторон больше преимуществ, поскольку позволяет учитывать их интересы в процессе исполнения реституционных обязательств и возмещения убытков, а также допускает возможность некоторых сторон предусмотреть дополнительные к указанным способы защиты. Неисполнение же обязательств по такому соглашению влечет возможность обращения в суд. Так, согласно ч. 2 ст. 142 АПК РФ мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение¹.

Центральным элементом *содержания* правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки является охранительное субъективное право на защиту, являющееся по своей правовой природе материально-правовым². Под указанным правом следует понимать

¹ Аналогичным образом указанный вопрос решается и в гражданском процессе. В целях внесения ясности в порядок защиты прав участников мирового соглашения нормой, схожей с указанной (ч. 2 ст. 153.5), ГПК РФ будет дополнен при вступлении в силу ФЗ от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. 03 дек. № 49 (часть I), ст. 7523).

² Данное право с точки зрения соотношения с правом на иск, традиционно исследуемым в отечественной процессуальной литературе, является его частью и представляет собой право на иск в материальном смысле (право на удовлетворение иска) – «право на получение защиты, право на положительный исход процесса» (Осокина Г.Л.

возможность потерпевшего лица получить у суда защиту своих прав и законных интересов, нарушенных недействительной сделкой, за счет предусмотренных законом способов (признания сделки недействительной, действительной, применения последствий ее недействительности).

Обязательное участие суда при применении данных способов защиты не может свидетельствовать в пользу подхода к указанному праву как процессуальному, поскольку право на защиту возникает с момента нарушения и на основании гражданско-правовых норм¹. В то же время, как отмечает Г.Л. Осокина, при нарушении или оспаривании регулятивных субъективных прав возникают «двоякого рода охранительные правоотношения: по горизонтали между управомоченным и обязанным субъектами дефектного регулятивного правоотношения (охранительное материальное правоотношение) и по вертикали между субъектами регулятивного правоотношения, с одной стороны, и государством в лице юрисдикционных органов – с другой»². Судебный орган при этом олицетворяет лишь «внешнюю по отношению к регулятивному и охранительно-материальному правоотношениям силу, способную... привести в действие... охранительно-материальное правоотношение и тем самым восстановить, если это возможно, регулятивное материальное правоотношение»³. Правоотношение, складывающееся между судом и заинтересованным в защите лицом, в представленной позиции Г.Л. Осокиной именуется охранительно-исковым. Оно существует в виде определенной «надстройки» над уже имеющимся материальным правоотношением и опосредует процессуальную реализацию конкретных способов защиты. Процессуальное правоотношение,

Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 9). Право на иск в материально-правовом смысле «порождается фактами правонарушения или оспаривания и, будучи направленными на защиту нарушенного или оспоренного регулятивного права, опосредует развертывание охранительного правоотношения» (Там же. С. 35).

¹ Мильков А.В. Правовое регулирование защиты прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 298.

² Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск, 1990. С. 42. См. также: Нефедьев Е.А. Учение об иске // Нефедьев Е.А. Избранные труды по гражданскому процессу. Краснодар: Сов. Кубань, 2005. С. 53–92.

³ Осокина Г.Л. Указ. соч. С. 43.

таким образом, является «одной из стадий охранительного правоотношения (стадией развития)»¹ и служит его реализации².

Отмеченная тесная связь двух форм охранительных правоотношений, по верному замечанию Г.Д. Васильевой, не превращает гражданско-правовую защиту в межотраслевой материально-процессуальный институт. Защита, по мнению автора, реализуется исключительно в материально-правовом охранительном правоотношении, и лишь в пользу того, кто является субъектом нарушенного регулятивного права или интереса³.

Представляется, что объем права на защиту участника недействительной сделки может быть различен и зависит от вида недействительности, а также от наличия произведенного исполнения по сделке. В случае совершения недействительной сделки, ключевым в механизме защиты будет являться необходимость разрешения правовой неопределенности в динамике гражданских правоотношений. Данная необходимость удовлетворяется участником недействительной сделки посредством обращения в суд с требованием о признании недействительности сделки, конвалидации ничтожной сделки. При нарушении, которое возникло из совершения недействительной сделки и из ее исполнения, возникает необходимость и в разрешении неопределенности, и в возврате сторон сделки в первоначальное положение, которая удовлетворяется посредством признания сделки недействительной и применения ее последствий. Не исключается при этом, как в первом, так и во втором случаях возможность заявления стороной сделки требования о возмещения убытков, о применении иных способов защиты.

Все способы защиты участников недействительной сделки применяются самим судом либо – при заключении сторонами мирового соглашения – под контролем суда. Данное обстоятельство дает основания полагать, что имеющееся

¹ Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 142–143.

² См.: Протасов В.Н. Охранительное правоотношение – основное отношение для юридического процесса // Вопросы теории охранительных правоотношений: Материалы науч. конф. / [Редкол. : Е.А. Крашенинников (отв. ред.) и др.]. Ярославль. 1991. С. 11–12.

³ Васильева Г.Д. Защита ответчика против иска в гражданском судопроизводстве. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. С. 13–14.

у потерпевшего лица право на защиту обращено к суду как компетентному правоприменительному органу, осуществляющему правосудие. Это не означает, однако, что у нарушителя субъективного права или законного интереса отсутствуют какие-либо обязанности и он, как иногда отмечается в литературе, лишь находится в состоянии претерпевания¹. Следует согласиться с Т.Ю. Баришпольской в том, что «реализация материального охранительного правоотношения производится тогда, когда должник (правонарушитель) фактически претерпевает санкцию»². Как справедливо отмечает автор, «юридическая связь в этих правоотношениях... характеризуется правом потерпевшего субъекта требовать от юрисдикционного органа применения к правонарушителю санкции, обязанностью юрисдикционного органа по отношению к потерпевшему и правом по отношению к правонарушителю применить санкцию, обязанностью правонарушителя претерпеть соответствующую гражданско-правовую охранительную меру»³. Таким образом, в момент возникновения у участника недействительной сделки права на защиту возникает и корреспондирующая ему обязанность нарушителя претерпеть негативные последствия совершенной и (или) исполненной им сделки. Такая обязанность окончательно «оформляется» после вынесения судебного решения о признании сделки недействительной и применении ее последствий либо судебного решения о признании сделки недействительной и определения об утверждении мирового соглашения о последствиях недействительности сделки.

Важно отметить, что охранительное право на защиту в рассматриваемом правоотношении может возникнуть при нарушении совершенно различных субъективных регулятивных прав и законных интересов. Так, при исполнении сделки, совершенной без необходимого согласия одного из супругов, допускается нарушение права собственности на принадлежащее ему имущество, которым второй супруг распорядился в обход законодательных правил. Совершение и

¹ См.: Мильков А.В. Правовое регулирование защиты прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 316, 321, 325.

² Баришпольская Т.Ю. Гражданские процесс и процедура (понятие, служебная роль, проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1988. С. 168.

³ Там же. С. 169.

(или) исполнение сделки должником, в отношении которого введены процедуры банкротства, способно нарушить законный интерес его конкурсного кредитора в получении части стоимости имущества на стадии конкурсного производства, что обуславливает наличие у него права на оспаривание такой сделки.

С учетом изложенного очевидно, что правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки является разновидностью общей модели гражданско-правового охранительного отношения, которое не сводится и не исчерпывается при этом в своем составе правоотношением реституционным. Как следует из п. 1 ст. 167 ГК РФ, реституционное правоотношение складывается, в отличие от правоотношения по защите, исключительно между сторонами недействительной сделки и при наличии ее исполнения, опосредуя, таким образом, только процесс обратного перемещения переданного по недействительной сделке имущества. Содержанием такого правоотношения выступают обязанности сторон возратить имущество; юридическим фактом, влекущим возникновение реституционного правоотношения, – удовлетворение требования о применении последствий недействительности.

Цель реституционного правоотношения, таким образом, состоит исключительно в обратном перемещении исполненного по сделке. В свою очередь, правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки выступает формой защиты таких субъектов с применением большего количества способов защиты (признания оспоримой сделки недействительной, признания недействительной или действительной ничтожной сделки, применения «иных последствий недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ)).

Все это в современных правовых реалиях дает основания для вывода лишь об относительной самостоятельности реституционного правоотношения, о его вхождении в качестве элемента в более общее охранительное правоотношение – правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Помимо реституционного правоотношения по защите

может включать, в частности, правоотношения по установлению недействительности (ничтожности), признанию недействительности (оспоримости).

Таким образом, правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки можно определить как гражданско-правовое охранительное материальное отношение, основанием возникновения которого является сложный юридический факт – совершение (или) исполнение сделки с дефектом, нарушающей права и законные интересы ее добросовестных участников (сторон, иных, третьих лиц). Субъектами данного правоотношения являются потерпевший (сторона недействительной сделки, иное или третье лицо) и нарушитель (нарушители) – сторона (стороны) недействительной сделки. Объектом правоотношения по защите выступает имущественная сфера потерпевшего, которая подвергается негативному влиянию совершенной и (или) исполненной сделки, а также иногда – публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия. Содержанием правоотношения является охранительное право на защиту, обращенное к суду, и охранительная обязанность нарушителя (нарушителей) претерпеть негативные последствия совершенной и (или) исполненной им (ими) сделки¹.

¹ См.: Гончарова В.А. Конструкция реституционного правоотношения в свете реформирования гражданского законодательства. Материалы 56-й международной научной студенческой конференции МНСК-2018: Государство и право. Новосибирск, 2018. С. 105–107 ; Гончарова В.А. Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки: понятие, элементы, особенности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 78–84.

Глава 2 Управомоченные субъекты в правоотношении по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

2.1 Стороны недействительной сделки

Согласно п. 2 ст. 166 ГК РФ требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено стороной сделки или иным лицом, указанным в законе. Требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо.

Глубокую доктринальную разработку понятие «стороны» получило в науке гражданского процесса, где под ними понимаются такие участники судопроизводства, спор которых о субъективных правах и юридических обязанностях должен разрешить суд. С процессуальной точки зрения, стороны представляют собой действительных или предполагаемых субъектов спорных материальных правоотношений как носителей спорных прав (истец) и обязанностей (ответчик), обладающих противоположным юридическим интересом в деле, действующие от своего имени. Только на стороны распространяются материально-правовые последствия судебного решения по делу¹.

В цивилистике понятию сторон не уделяется достаточного внимания. Вместе с тем, анализ действующего гражданского законодательства, а также используемых в ГК РФ лексических оборотов, связанных с термином «стороны» (ст. ст. 2, 157, 308, 430, 450 ГК РФ), свидетельствует об особом положении данных субъектов в соответствующих правоотношениях. Данное обстоятельство связано с тем, в качестве сторон следует рассматривать лишь тех лиц, благодаря действиям которых возникло правоотношение и которые приобрели в нем права и юридические обязанности. Интерес именно этих субъектов, таким образом,

¹ См., например: Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. С. 165–167.

является предпосылкой развития конкретного гражданского правоотношения, «целью права»¹.

Участие в возникновении и прекращении правоотношения предопределяет персонифицированность сторон. Как справедливо отмечается в литературе, стороны «настолько конкретны, насколько вообще может быть конкретизировано обязательство за счет тех прав и обязанностей, которые характеризуют участников соответствующего правоотношения. Именно поэтому доктрина гражданского права по критерию межсубъектных связей относит обязательство к относительным правоотношениям»². Персонифицированность сторон на момент совершения сделки и их интерес в ее возникновении отличает сторон от иных и третьих по отношению к сделке лиц.

Стороны гражданско-правового отношения выступают в этой связи непосредственными его участниками – носителями прав и обязанностей в таком правоотношении, строго персонифицированными на момент его возникновения, обладающими интересом в достижении определенных целей посредством реализации приобретенных в правоотношении прав и обязанностей. Подобный подход уместен как в конструкции регулятивного правоотношения, где юридический интерес сторон состоит в достижении положительного экономического эффекта за счет приобретения материальных благ, так и охранительного правоотношения, где юридический интерес выражается в потребности восстановления нарушенной имущественной сферы.

Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки как гражданское охранительное правоотношение имеет в качестве своих субъектов, в том числе, стороны недействительной сделки. Выступая сторонами недействительной сделки, субъекты гражданского права имеют права и несут обязанности, порожденные такой сделкой, непосредственно претерпевают нарушение такой сделкой их прав и охраняемых законом интересов. Это обуславливает необходимость их

¹ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юриздат, 1950. С. 20.

² Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография / А.Ю. Чурилов. – М.: Юстицинформ, 2019. С. 9–10.

первоочередного наделения средствами устранения последствий такой сделки, иными словами – необходимость защиты их прав и охраняемых законом интересов. С учетом изложенного в качестве стороны недействительной сделки можно рассматривать и третье лицо, в пользу которого заключен договор с того момента, когда он приобрел право требования исполнения по договору (ст. 430 ГК РФ).

Таким образом, под сторонами недействительной сделки следует понимать участников правоотношения по защите их прав и охраняемых законом интересов, наделенных правом на защиту посредством максимально полного, в сравнении с иными участниками недействительной сделки, набора способов защиты, а также претерпевающих все материальные последствия при изменении юридической судьбы сделки. Подобный их статус объясняется самим совершением ими недействительной сделки, непосредственным участием в ее исполнении.

Поведение сторон недействительной сделки для удовлетворения их требований о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности должно характеризоваться как добросовестное (абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166 ГК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ). Легальное закрепление принципа добросовестности в нормах о недействительности сделок представляет собой один из результатов реформирования гражданского законодательства. Необходимость введения в §2 гл. 9 ГК РФ специальных правил о добросовестности отмечалась в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ (пп. 1.11 и 1.12), а также в Концепции развития гражданского законодательства (пп. 5.1.4).

Научный и практический интерес представляет вопрос о возможности уступки прав стороной в реституционном обязательстве¹. Анализ отечественной литературы, посвященной вопросам перемены лиц в обязательстве, свидетельствует о наличии общей тенденции к признанию возможности уступки

¹ Данный вопрос актуален при ничтожности сделки, а также в случае, если судом было рассмотрено только требование о признании оспоримой сделки недействительной без применения последствий ее недействительности (критика подобных решений подробно см.: §1 гл. 3).

прав требования в реституционных обязательствах¹. Так, В.В. Байбак отмечает, что для уступки кондикционных и подобных им реституционных требований нет принципиальных препятствий, чего нельзя сказать, однако, о виндикационных, виндикационно подобных и исключительно реституционных требованиях (связанных не с передачей денежных средств, а с возвратом индивидуально-определенного имущества)². Последнее, по мнению указанного автора, связано с тем, что в случае получения вещи в порядке реализации уступленного права цессионарий будет являться таким же неосновательным ее приобретателем, как и сторона недействительной сделки, уступившая право. Более либеральную позицию отстаивает А.И. Бычков, допуская перемену лиц в реституционном обязательстве вне зависимости от его предмета. Ученый полагает, что при подобной уступке цедент реализует свое право требования, передавая его третьему лицу, получая за это встречное предоставление и восстанавливая тем самым свои права. Личность первого участника недействительной сделки для ее второго участника значения, по мнению А.И. Быčkova, не имеет³.

Подход, предполагающий оборотоспособность прав из охранительных правоотношений, встречается и в актах судебной практики. Так, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»⁴ со ссылкой на п. п. 2, 3 ст. 307.1 ГК РФ, п. 1 ст. 388 ГК РФ отмечается, что допускается, в том числе уступка требований о возврате полученного по недействительной сделке, о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества. По мнению суда, ст. 307.1 ГК РФ, распространив действие общих правил об обязательствах на сферу

¹ См.: Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение // *Налоги*. 2009. № 27 [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс* : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2009 ; Керимова М.А. Уступка права требования в гражданском законодательстве России : дис.... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 66 ; Почуйкин В.В. Основные проблемы уступки права требования в современном гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

² Байбак В.В. Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте // *Объекты гражданского оборота*. М.: Статут, 2007 [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс* : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2007.

³ Бычков А.И. Реституционное обязательство в гражданском обороте // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2013. № 7. С. 79–88.

⁴ О некоторых вопросах применения главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 // *Рос. газ*. 2017. № 297.

реституции, также дает основания утверждать о допустимости перевода долга по реституционному обязательству.

Вместе с тем, как представляется, сама по себе возможность перемены лиц в реституционных правоотношениях не может быть основана исключительно на их обязательственной природе¹. Согласно экономическим и правовым причинам недействительности сделок применение реституции преследует цель защиты как публичного порядка, так и имущественных сфер частных лиц. При этом названный результат реституции может быть достижим лишь тогда, когда возврат имущества будет осуществлен теми лицами, кто его неосновательно получил, и только в пользу тех лиц, кто его неосновательно лишился. Только в таком случае дестабилизирующие оборот последствия недействительности сделки будут полностью нивелированы. Кроме того, квалификация реституции как частного случая кондикции² предполагает необходимость изъятия имущества из имущественной сферы приобретателя и его возврата в неизменном виде исключительно в имущественную сферу потерпевшего. По выражению Е.А. Флейшиц, «во всех случаях неосновательного обогащения взаимообусловлены приобретение или сбережение имущества одним лицом (обогатившимся) и потеря (израсходование) имущества другим лицом (потерпевшим)»³. Обратный обмен имущества в порядке реституции, таким образом, возможен исключительно между исполнившими сделку сторонами⁴.

Не вызывает сомнений, что формально легализованный Верховный Судом РФ в Постановлении Пленума от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании

¹ В настоящей работе поддерживается тезис об обязательственной природе реституции, доказанный Д.О. Тузовым (Реституция и реституционные правоотношения в гражданском праве России // Цивилистические исследования. Выпуск первый: Сборник научных трудов памяти профессора И.В. Федорова / Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: «Статут», 2004. С. 226).

² Подробнее см.: §1 гл. 3.

³ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Государственное издательство юридической литературы. М., 1951. С. 211.

⁴ К аналогичному выводу пришла Н.Г. Соломина, согласно позиции которой требование о возврате неосновательного обогащения (в том числе в порядке реализации реституционного притязания) тесно связано с личностью кредитора, а потому возможность его уступки недопустима в силу положений ст. 383 ГК РФ (Соломина Н.Г. Запрет на уступку требований, возникающих из охранительных обязательств // Право и экономика. 2018. № 7 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2018).

сделки» подход преследует цель создания для потерпевших гарантии возврата их имущества даже за счет иных, не обязанных, лиц. Вместе с тем, подобный подход несовершенен даже с точки зрения формальной логики, оставляя нерешенным вопрос о принадлежности полученного цессионарием имущества. Последний, как справедливо отметил В.В. Байбак¹, будет являться его неосновательным приобретателем, обязанным к возврату имущества стороне, первоначально его передавшей по недействительной сделке, что ставит под сомнение обоснованность признаваемой и практикой, и теорией конструкции уступки права требования по реституции.

Перевод долга по реституционному обязательству порождает аналогичную проблему, когда лицо, не участвовавшее в неосновательной передаче имущества, обязывается к возвращению того, чем не располагает по определению – денежной суммой, полученной первым должником по недействительной сделке, или, что сложнее, – индивидуально-определенным имуществом, подлежащим возврату по реституции.

Важно заметить, однако, что в ряде случаев законодатель прямо указывает на возможность уступки прав любых требований. Так, в рамках процедуры внешнего управления (ст. 112 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² и конкурсного производства (ст. 140 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») допустимой признается уступка прав требования должника путем их продажи арбитражным управляющим с согласия собрания кредиторов (комитета кредиторов). Подобное правовое решение связано со спецификой банкротного производства: необходимостью обеспечения удовлетворения требований кредиторов за счет стоимости полученных от реализации соответствующих прав требования денежных средств.

С учетом изложенного, представляется, что сфера применения норм о перемене лиц в реституционных обязательствах должна ограничиваться случаями

¹ Байбак В.В. Указ соч.

² О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 28 окт. № 43, ст. 4190.

перемены лиц преимущественно по недоговорным основаниям (переход права требования по закону, наследование долга и т.д.).

Дискуссионным в литературе является вопрос и о возможности уступки права стороны на оспаривание сделки. Сформированное в отечественной науке гражданского права учение о правопреемстве¹ позволяет выделить три актуальные проблемы права на оспаривание сделки при перемене лиц в обязательстве при универсальном (в частности, при наследовании) и сингулярном правопреемстве.

Традиционно в науке гражданского права под наследованием понимается переход имущества умершего к другим лицам в порядке универсального правопреемства, т.е. в неизменном виде, как единое целое и в один и тот же момент, если из правил ГК РФ не следует иное (п. 1 ст. 1110 ГК РФ)². Понимание недействительной сделки как вносящей неопределенность в имущественную сферу участников недействительной сделки позволяет сделать вывод о том, что наследник как универсальный правопреемник приобретает право на оспаривание всех совершенных наследодателем сделок. Справедливо утверждение С.А. Смирнова о том, что «сама по себе смерть лица, чьи права и охраняемые законом интересы нарушены сделкой, не означает, что из правовой действительности исчезло указанное нарушение. В пределах срока исковой давности сохраняется потенциальная возможность реализации права на защиту со стороны лиц, имеющих юридическую заинтересованность. Юридический интерес в устранении нарушения могут иметь наследники»³. Близкой по существу, но отличающейся в части аргументации позиции придерживается А.А. Ягельницкий, обосновывающий возможность перехода права на оспаривание рядом политико-правовых аргументов⁴.

¹ См.: Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюридлит, 1962. С. 6.

² См.: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 640 (автор главы – Кулагина Е.В.).

³ Смирнов С.А. Оспаривание сделок наследодателя: вопросы теории и практики // Нотариус. 2016. № 2. С. 8.

⁴ Ягельницкий А.А. Наследственное преемство в праве на оспаривание сделки // Вестник гражданского права. 2010. № 5. С. 76-106. Данный теоретический вывод проводится и в судебной практике (п. 73 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Рос. газ. 2012. № 127). См.

Данный вывод иногда подвергается критике в юридической литературе. Так, по мнению В.А. Белова, «способность наследодателя к оспариванию совершенной им сделки никак не может поменять своего обладателя. В силу закона она принадлежит только ему и никому другому»¹. В качестве аргумента указывается на отсутствие связи между наследником и порочным фактом, повлекшим наступление недействительности². То же, по мнению автора, касается и требования о применении последствий недействительности сделки, нуждающегося, однако, по выражению В.А. Белова, в более глубокой теоретической проработке. Аналогичной позиции придерживается О.В. Гутников, указывая на строго личный характер права на оспаривание сделок³.

Думается, однако, что вместе с правом на оспаривание сделки, а также на признание ее ничтожной, к наследнику как заинтересованному лицу переходит и право на применение последствий недействительности сделки. Последнее положение объясняется необходимостью полной нейтрализации совершенной наследодателем порочной сделки и возвращения в наследственную массу имущества, переданного по ней. Интерес наследника как новой стороны недействительной сделки в рассматриваемом случае очевиден.

Единого решения в литературе не получил вопрос об оборотоспособности права на оспаривание сделки и, как следствие, возможности его самостоятельного отчуждения. Так, по мнению А.А. Ягельницкого, право на оспаривание сделки может быть уступлено в качестве самостоятельного объекта гражданских прав⁴. В обоснование приведенного положения, ссылаясь на системное толкование ст. ст. 128, 129 ГК РФ, автор отмечает, что «поскольку нормативное понятие

также: Останина Е.А. Реституция обременяет наследство. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.12.2017 № 308-ЭС17-14831 // Вестник экономического правосудия. 2018. № 4. С. 16-20.

¹ Практика применения ГК РФ, частей второй и третьей / Под общ. ред. В.А. Белова. -2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт»; «Юрайт-Издат», 2011 (автор ответов – Белов В.А.) [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система.

² Там же.

³ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2007. С. 221.

⁴ Ягельницкий А.А. Право на оспаривание // Сделки, представительство, исковая давность: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 197.

«имущественное право» не определено и имеются достаточно серьезные основания отнести право на оспаривание к имущественным», данное право, как и любой объект гражданских прав, может переходить к другим лицам без существенных ограничений¹.

Представляется, однако, что ученым не учитывается, что совершение и (или) исполнение недействительной сделки связаны, по смыслу действующего гражданского законодательства и программных документов его реформы, с необходимостью защиты участников такой сделки. Как следует из толкования ст. 166 ГК РФ, признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности возможно только при нарушении ею их прав и охраняемых законом интересов ее участников. Как неоднократно подчеркивалось, данное положение было введено в гражданский закон для ограничения бесконтрольного оспаривания сделок, сокращения круга лиц, управомоченных воздействовать на юридическую судьбу сделки путем заявления соответствующих требований.

Сомнения вызывает и произведенная А.А. Ягельницким квалификация права на оспаривание сделки как имущественного права в смысле ст. 128 ГК РФ. Автором данной позиции было справедливо указано на то, что доктрина гражданского права не характеризуется наличием единых подходов к трактовке понятия имущественных прав. Однако относительно устоявшимся является их понимание как субъективных гражданских прав, выступающих средством реализации имущественного интереса, имеющих денежную оценку, не присущих субъекту изначально в силу самого факта его существования и обладающих признаком отчуждаемости². Право на оспаривание, в отличие от имущественного права как объекта гражданских прав, обращено не к контрагенту обладателя такого права, а к суду. У права на оспаривание, кроме того, нет никакой имущественной ценности, оно не существует автономно от его обладателя. Как справедливо было отмечено А.С. Смирновым, право на оспаривание не нацелено

¹ Там же. С. 192.

² См.: Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 9.

на увеличение материальных благ и ценностей, а преследует единственную цель – защиту гражданских прав и охраняемых законом интересов его владельца¹.

Ситуация осложняется, однако, если по договорному обязательству была совершена уступка прав требования или перевод долга. В указанных обстоятельствах при последующем обнаружении в сделке оснований ее недействительности, руководствуясь положениями ст. 166 ГК РФ, затруднительно определить, кто – цессионарий или цедент, прежний или новый должник – является носителем права на оспаривание.

Отвечая на этот поставленный в доктрине гражданского права вопрос, Л.А. Новоселова пишет, что «поскольку оспаривание сделки затрагивает структуру обязательственного отношения в целом, а не только конкретное право требования, принадлежащее кредитору, следует признать, что новому кредитору право требования не переходит. Сказанное в равной степени распространяется на случаи оспаривания оспоримых сделок и требований о признании сделок ничтожными»². При этом указанный ученый обращает внимание на то, что «для цессионария безразлична судьба уступленного ему требования. Цедент, самостоятельно и без учета мнения нового кредитора реализуя свое право на оспаривание сделки, служащей основанием для уступленного права требования, затрагивает интересы цессионария. Реализация им такого права без согласия цессионария может являться нарушением обязательства гарантировать действительность уступленного права»³. В качестве предложения по совершенствованию законодательства, направленного на разрешение приведенной проблемы, Л.А. Новоселовой предлагается воспринять имеющуюся в германском праве конструкцию, предполагающую, что право на оспаривание сделки цедент может реализовать только с согласия цессионария.

Свое предложение решения обозначенной проблемы предлагает и А.В. Вошатко, по мнению которого «к цессионарию в силу ст. 384 ГК РФ

¹ Смирнов А.С. Указ. соч. С. 9.

² Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требований) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2003.

³ Там же.

переходят лишь те права, которые связаны с кредиторством cedentа по уступленному требованию... Напротив, права, принадлежащие cedенту как стороне договора, из которого возникло уступаемое требование, действием ст. 384 ГК РФ не охватываются, поскольку от их реализации зависит судьба не только требования, выступающего предметом цессии, но и всего договорного отношения в целом. К числу таких прав относятся, в частности, право на оспаривание договора... С их реализацией прекращается договорное отношение в целом, причем иногда с возникновением для контрагентов обязательств вернуть друг другу полученное по договору»¹. Поддерживая взгляд Л.А. Новоселовой о возможности разрешения указанного вопроса за счет введения правила о необходимости получения согласия цессионария на оспаривание сделки, А.В. Вошатко уточняет, однако, что в отечественном праве такая возможность может обосновываться через применение по аналогии п. 2 ст. 430 ГК РФ, а также ст. 10 ГК РФ.

Иную позицию занимает А.А. Ягельницкий, который считает, что право на оспаривание переходит вместе с передачей стороной своих прав и обязанностей по договору, при этом «возникающие проблемы с последствиями оспаривания решаются исходя из обстоятельств дела». При решении вопроса о том, кому – cedенту или цессионарию – переходит право на оспаривание, по мнению указанного автора, следует руководствоваться характером дефекта спорной сделки. Так, право на оспаривание переходит к цессионарию в случае, «когда экономический эффект неэквивалентности предоставления по оспоримой сделке падает на цессионария, в частности, когда порок воли изначально управомоченного на оспаривание касался предоставления, право требовать которое уступлено». Право на оспаривание не переходит к цессионарию, если «порок воли относился к предоставлению другой стороны по оспоримой сделке, вследствие чего, несмотря на уступку права, экономический эффект неэквивалентности предоставлений по оспоримой сделке остается на cedенте»².

¹ Вошатко А.В. Договор уступки требования : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2009. С. 171.

² Ягельницкий А.А. Указ. соч. С. 245.

Думается, однако, что при решении вопроса о принадлежности права на оспаривание при перемене лиц в обязательстве должен учитываться характер обязательственной связи сторон первоначальной сделки до перемены лиц. Понимание обязательства как простой правовой связи¹ (ст. 307 ГК РФ) дает основание для вывода о «расщеплении» фигуры одного субъекта двусторонне-обязывающего договора и на должника, и на кредитора. В такой ситуации правовая связь сторон договора будет характеризоваться наличием у его сторон и (или) только у одной стороны нескольких субъектов с разными обязательственными функциями. Данное обстоятельство предполагает невозможность в двусторонне-обязывающем договоре наделять правом на его оспаривание и применение последствий недействительности сделки только цедента либо только цессионария в силу возможной заинтересованности каждого из них в удовлетворении указанных притязаний. Как цедент, так и цессионарий выступают его стороной, а значит, должны быть квалифицированы и как сторона недействительной сделки в смысле ст. 166 ГК РФ. То же можно отметить и применительно к ситуации перевода долга в отношении прежнего и нового должников².

Для внесения ясности в порядок защиты указанными лицами своих прав, Верховному Суду РФ следовало бы отдельно предусмотреть отмеченную возможность заявления ими требований о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности в случае нарушения недействительной сделкой их прав и охраняемых законом интересов. Данное правило следует закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ № 25 в следующем виде:

78.1. Согласно абз. 1 п. 2, абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ требование о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности может быть предъявлено сторонами сделки (они же стороны обязательства,

¹ Сторонниками такого подхода являются С.К. Соломин и Н.Г. Соломина (Прекращение обязательства по российскому гражданскому праву: теоретический очерк. М.: Юстицинформ, 2014. С. 4).

² См.: Гончарова В.А. О некоторых проблемах уступки права на оспаривание сделки в порядке сингулярного правопреемства // Материалы 57-й международной научной студенческой конференции МНСК-2018: Государство и право. Новосибирск, 2019. С. 84–85.

возникающего из сделки). По смыслу приведенных правовых норм сторонами сделки, имеющими право требовать признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, также являются цедент (цеденты), уступивший (уступившие) свое право требования новому кредитору, цессионарий (цессионарии), прежний должник (прежние должники), новый должник (новые должники) по обязательству, возникшему из такой сделки при условии нарушения ею их прав и охраняемых законом интересов.

Подводя итог, можно заключить, что стороны недействительной сделки представляют собой участников правоотношения по защите их прав и охраняемых законом интересов, наделенных правом на защиту посредством максимально полного, в сравнении с иными участниками недействительной сделки, набора способов защиты, не подлежащего передаче другим лицам, а также претерпевающих все материальные последствия при изменении юридической судьбы сделки¹.

2.2 Иные и третьи лица как участники недействительной сделки

Согласно п. 2 ст. 166 ГК РФ требование о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий недействительности может быть предъявлено не только сторонами сделки, но и иными лицами, указанными в законе. Круг таких иных лиц до настоящего времени комплексно не исследовался в литературе, что вряд ли следует оценить положительно с учетом значимости норм о недействительности сделок для всей системы гражданского права и защиты прав и охраняемых интересов его субъектов.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что иные лица как субъекты правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки могут быть разделены на три группы в зависимости от степени влияния на них сделки с дефектом: 1) иные лица, непосредственно пострадавшие от неопределенности, созданной

¹ См.: Гончарова В.А. Проблемы определения субъектов права на оспаривание сделки // Право и политика. 2019. № 7. С. 43–57.

недействительной сделкой; 2) иные лица, опосредованно пострадавшие от неопределенности, созданной недействительной сделкой; 3) иные лица, для которых заявление указанных требований составляет условие надлежащего осуществления ими своих контрольных полномочий в определенной сфере их компетенции.

К иным лицам первой группы можно отнести, во-первых, общество, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, его участников (участника), обладающих не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества, уполномоченных на заявление соответствующих требований по основанию ст. 173.1 ГК РФ в случае совершения крупной сделки с нарушением порядка получения согласия на ее совершение (ч. 4 ст. 46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹). Аналогичное правило содержится в ч. 6 ст. 79 ФЗ «Об акционерных обществах»², закрепляющей право общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества или его акционеров (акционера), владеющих в совокупности не менее чем одним процентом голосующих акций общества, требовать признания сделки недействительной.

Во-вторых, правом на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности обладает унитарное предприятие, собственник имущества унитарного предприятия по основанию, предусмотренному ст. 22 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»³ в случае, если сделка, в совершении которой имеется заинтересованность руководителя унитарного предприятия, была совершена с нарушением требований ст. 22 данного федерального закона.

В целом наличие в нормативно-правовых актах норм об оспаривании сделок, совершенных юридическими лицами в отсутствие необходимого согласия их участников, органов, учредителей является традиционным. Подобные правила

¹ Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон от 08.02.1998 314-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. 16 февр. № 7, ст. 785.

² Об акционерных обществах : федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 01 янв. № 1, ст. 1.

³ О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 02 дек. № 48, ст. 4746.

содержатся в ч. 13 ст. 9.2 ФЗ «О некоммерческих организациях»¹, согласно которой крупная сделка, совершенная без предварительного согласия органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя бюджетного учреждения, может быть признана недействительной по иску бюджетного учреждения или его учредителя, если будет доказано, что другая сторона в сделке знала или должна была знать об отсутствии такого согласия. Аналогичное правовое регулирование установлено в ст. 15 ФЗ «Об автономных учреждениях»².

В-третьих, согласно ст. 934 ГК РФ договор личного страхования в пользу лица, не являющегося застрахованным лицом, в том числе в пользу не являющегося застрахованным лицом страхователя, может быть заключен лишь с письменного согласия застрахованного лица. При отсутствии такого согласия договор может быть признан недействительным по иску застрахованного лица, а в случае смерти этого лица по иску его наследников³.

В-четвертых, согласно абз. 2 ч. 2 ст. 35 СК РФ⁴ сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана недействительной в связи с отсутствием согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. Для совершения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Супруг, чье нотариально удостоверенное согласие не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в

¹ О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12.01.1996 № 7–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 15 янв. № 3, ст. 145.

² Об автономных учреждениях : федеральный закон от 03.11.2006 № 174–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 06 нояб. № 45, ст. 4626.

³ В случае, если застрахованное лицо является выгодоприобретателем по договору страхования, его следует рассматривать в качестве третьего лица, в пользу которого заключен договор (ст. 430 ГК РФ). С момента выражения им своего требования по такому договору его, как было отмечено ранее, следует рассматривать – для целей ст. 166 ГК РФ – как сторону недействительной сделки.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декаб. 1995 г. № 223–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. 01 янв. № 1, ст. 16.

течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки (ч. 3 ст. 35 СК РФ).

Приведенные правовые нормы регламентируют отдельные случаи, когда необходимо согласие на совершение сделки. Общее же правило о необходимости получения согласия третьего лица¹, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления на совершение сделки, когда это требуется законом или иным правовым актом, установлено в ст. 157.1 ГК РФ. Последствия нарушения данной обязанности определяются ст. 173.1 ГК РФ, согласно которой отсутствие необходимого согласия на совершение сделки влечет ее оспоримость, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия. Правило ст. 173.1 ГК РФ также выступает общим по отношению к нормам ст. ст. 175, 176 ГК РФ.

Перечисленные лица, управомоченные на заявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности, выступают по терминологии ст. 157.1 ГК РФ в большинстве случаев третьими лицами, согласие которых требуется при совершении сделки. Наделение таких третьих лиц подобным правом в литературе связывается с «наличием имущественного интереса, непосредственным влиянием сделки на права и обязанности третьего лица»². С указанными положениями трудно не согласиться. Супруги, участники юридического лица, застрахованное лицо как третьи лица в смысле ст. 157.1 ГК РФ наделяются правом на оспаривание совершенной сделки и на применение последствий ее недействительности в силу того, что совершенная без их согласия сделка влечет изменения непосредственно

¹ Категория третьих лиц в гражданском праве не характеризуется универсальностью понимания. Данное обстоятельство предопределяет необходимость каждый раз при анализе круга таких лиц в рамках той или иной гражданско-правовой нормы определять совокупность входящих в него третьих лиц без опоры на понимание третьих лиц в других случаях. См. также: Брезгулевская Л.К. Гражданско-правовое регулирование согласия лица на совершение сделки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016.

² Демкина А. При наличии отсутствия // ЭЖ-Юрист. 2013. № 21 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2013.

В этой связи логичным представляется толкование Верховного Суда РФ, содержащееся в абз. 2 п. 71 Постановления Пленума ВС РФ № 25, согласно которому при оспаривании сделки по основанию ст. 173.1 ГК РФ не требуется доказывания нарушения прав и охраняемых законом интересов. В этом случае такое нарушение заключается соответственно в отсутствии согласия, предусмотренного законом.

в их собственной имущественной сфере, иногда совпадающей с имущественной сферой стороны сделки.

В ряде случаев на совершение сделки требуется согласие органов юридических лиц, опосредующее формирование воли самого юридического лица по непосредственному распоряжению собственным имуществом¹. Как было справедливо отмечено Л.К. Брезгулевской, согласие органа юридического лица является «актом корпоративного контроля, относящимся в механизме заключения сделки к числу ее внутренних элементов, так как одобряющий участвует в формировании волеизъявления стороны сделки»².

Вторую группу иных лиц составляют лица, опосредованно пострадавшие от неопределенности из-за недействительной сделки. К ним можно отнести, во-первых, инвестиционный комитет инвестиционного товарищества, который согласно пп. 4 п. 6 ст. 9 ФЗ «Об инвестиционном товариществе»³ имеет право обращаться в суд для признания недействительной сделки, совершенной управляющим товарищем, вышедшим за пределы ограничений, установленных договором инвестиционного товарищества. Кроме того, согласно п. 5 ст. 3 данного закона управляющий товарищ не вправе участвовать одновременно в двух и более договорах инвестиционного товарищества, если хотя бы один из них содержит запрет на такое участие. Договор инвестиционного товарищества, заключенный управляющим товарищем в нарушение указанного ограничения, может быть признан недействительным в судебном порядке по требованию любого другого участника данного договора с возложением на управляющего товарища обязанности по возмещению всем участникам данного договора причиненных им в связи с этим убытков.

¹ На отличие согласия органов юридического лица от общей конструкции согласия указывал В.А. Болдырев (Согласие на совершение сделки: правовая природа и место в системе юридических фактов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2012).

² Брезгулевская Л.К. Указ. соч. С. 8.

³ Об инвестиционном товариществе : федеральный закон о 28.11.2011 № 335-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. 05 дек. № 49 (ч. 1), ст. 7013.

Во-вторых, правом на предъявление в суд в рамках процедуры банкротства требований о признании сделок¹ должника недействительными и о применении последствий ее недействительности обладают представитель собрания (комитета) кредиторов или иного лица, уполномоченного решением собрания (комитета) кредиторов, в случае, если заявление об оспаривании сделки во исполнение решения собрания (комитета) кредиторов не будет подано арбитражным управляющим в течение установленного данным решением срока. В определенных случаях заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд конкурсным кредитором или уполномоченным органом (ч. 2 ст. 61.9). При этом, как указывается в п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», судам следует иметь в виду, что предусмотренные ст. 61.2 (оспаривание подозрительных сделок должника) и ст. 61.3 закона (оспаривание сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами) основания недействительности сделок влекут оспоримость, а не ничтожность соответствующих сделок².

В-третьих, правом на оспаривание завещания обладают лица, права или законные интересы которых нарушены этим завещанием (п. 2 ст. 1131 ГК РФ). По мнению С.А. Чиркаева, «истцами по делам, связанным с признанием недействительным определенного завещания в целом или в части, как правило, выступают лица, которым в случае признания недействительным спорного завещания в целом или в части принадлежит право на наследство по закону, в том числе право на обязательную долю в наследстве, или право на наследство по другому завещанию, либо лица, которым принадлежит на праве собственности

¹ Следует обратить внимание на то, что согласно ч. 3 ст. 61.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» правила главы III.1 могут применяться к оспариванию действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в не только в соответствии с гражданским, но и с трудовым, семейным законодательством.

² О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

завещанное имущество либо его часть, распоряжаться которой завещатель не имел права»¹².

В-четвертых, согласно абз. 2 ч. 6 ст. 45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» общество, член совета директоров (наблюдательного совета) общества, его участники (участник), обладающие не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества уполномочены на заявление соответствующих требований по основанию п. 2 ст. 174 ГК РФ в случае, если сделка совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение. Аналогичное правило установлено и абз. 2 ч. 1 ст. 84 ФЗ «Об акционерных обществах».

В-пятых, согласно ст. 684 ГК РФ, если наймодатель отказался от продления договора в связи с решением не сдавать помещение внаем, но в течение года со дня истечения срока договора с нанимателем заключил договор найма жилого помещения с другим лицом, наниматель вправе требовать признания такого договора недействительным и (или) возмещения убытков, причиненных отказом возобновить с ним договор.

Как представляется, общим для всех указанных иных лиц второй группы, наделенных правом на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности, является предположение об опосредованном влиянии совершенной сделки на их права и (или) законные интересы. Выбытие имущества из конкурсной массы, из наследства, а также из имущественной сферы юридического лица, нанимателя, участника инвестиционного товарищества – все это потенциально способно оказать негативное влияние на имущественные

¹ Чиркаев С.А. Проблемные аспекты недействительности завещаний // Наследственное право. 2017. № 4 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2017. См. также: Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110-1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. С. 214 (автор комментария – Петров Ю.В.).

² Определение КС РФ от 17.06.2010 № 882-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

интересы указанных иных лиц, создать неопределенность в реализации ими своих прав и законных интересов.

Третью группу иных лиц составляют лица, для которых заявление указанных требований составляет условие надлежащего осуществления ими своих контрольных полномочий в определенной сфере их компетенции. К иным лицам третьей группы следует отнести, во-первых, попечителя совершеннолетнего гражданина, ограниченного судом в дееспособности, который согласно ст. 22 ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹, абз. 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ вправе требовать признания недействительными сделок, совершенных его подопечным без согласия попечителя, в соответствии со ст. 176 ГК РФ. Подобным правом обладают также законные представители несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет – родители, усыновители, попечители (ст. 26 ГК РФ), при отсутствии согласия которых сделка может быть признана недействительной по основанию ст. 175 ГК РФ.

Во-вторых, рядом федеральных законов установлена необходимость получения согласия (разрешения) государственных и муниципальных органов на совершение определенных сделок². Так, согласно ст. 21 ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекун без предварительного разрешения органа опеки и попечительства не вправе совершать, а попечитель не вправе давать согласие на совершение сделок по сдаче имущества подопечного внаем, в аренду, в безвозмездное пользование или в залог и др. Согласие государственного – антимонопольного – органа требуется в силу положений ст. ст. 27-29 ФЗ «О защите конкуренции»³ при совершении сделок, касающихся создания и

¹ Об опеке и попечительстве : федеральный закон от 24.04.2008 № 48–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 28 апр. № 17, ст. 1755.

² Изложенное касается согласия публично-правового органа в виде административного акта – при осуществлении органом своих властных полномочий, но не согласия органа как субъекта гражданских правоотношений. О таком делении согласий см.: Груздев В.В. Согласованные действия в гражданском праве // Право и экономика. 2017. № 12. С. 26 ; Долинская В.В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 13-17 ; Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 154–197 (автор комментария – Громов А.А.).

³ О защите конкуренции : федеральный закон от 26.07.2006 № 135–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 31 июля. № 31 (1 ч.), ст. 3434.

реорганизации коммерческих организаций, заключения соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами о совместной деятельности и проч.

В-третьих, правом на признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки обладают внешний и конкурсный управляющие, имеющие право на совершение сделок с имуществом должника (ст. ст. 99, 129 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), действующие от его имени по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов или комитета кредиторов, временная администрация финансовой организации (ч. 3 ст. 61.9, пп. 2 п. 1 ст. 183.7 закона).

Как следует из анализа законодательства, иные лица третьей группы не претерпевают негативных последствий от совершенной и (или) исполненной недействительной сделки в собственной имущественной сфере – необходимость контроля за определенными сделками лишь составляет обязанность указанных иных лиц. Так, в литературе справедливо отмечается, что необходимость получения согласия попечителя, законных представителей несовершеннолетнего связывается с тем, что такое лицо «обязано защищать в силу закона или договора»¹ права и законные интересы своих подопечных. В связи с этим нарушение сделкой с дефектом прав и охраняемых законом интересов таких иных лиц (абз. 2 п. 2 ст. 166 ГК РФ) условно состоит в создании неопределенности в порядке осуществления ими своих контрольных полномочий в сфере их компетенции, иными словами – в негативном влиянии сделки на реализуемые ими публичные интересы. Среди указанных контрольных полномочий возможно выделение как полномочий гражданско-правовой природы (например, контрольное полномочие попечителя), так и публично-правовой (контрольное полномочие органа государственной власти или органа местного самоуправления).

Предлагаемое деление иных лиц на три группы в зависимости от степени влияния на них сделки с дефектом актуально не только в отношении иных лиц как

¹ Дятлов Е.В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 36.

участников оспоримой сделки. Согласно п. 3 ст. 166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить, помимо стороны сделки, также и иное лицо, в предусмотренных законом случаях. Так, согласно ст. 21.1 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹ сделки по распоряжению недвижимым имуществом, а также договоры займа и кредитные договоры совершаются религиозной организацией с письменного согласия органа религиозной организации, уполномоченного уставом религиозной организации на письменное согласование таких сделок (уполномоченного органа религиозной организации). Сделка, совершенная без согласия уполномоченного органа религиозной организации, ничтожна. Требования о признании такой сделки недействительной и (или) о применении последствий ее недействительности могут предъявлять сторона сделки и (или) централизованная религиозная организация, в структуру которой входит религиозная организация, являющаяся стороной сделки.

Аналогичное правило содержится в ч. 3 ст. 18 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», согласно которой движимым и недвижимым имуществом государственное или муниципальное предприятие распоряжается только в пределах, не лишающих его возможности осуществлять деятельность, цели, предмет, виды которой определены уставом такого предприятия. Сделки, совершенные государственным или муниципальным предприятием с нарушением этого требования, являются ничтожными. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 20 закона собственник имущества унитарного предприятия вправе обращаться в суд с исками о признании оспоримой сделки с имуществом унитарного предприятия недействительной, а также с требованием о применении последствий недействительности ничтожной сделки в случаях, установленных ГК РФ и данным федеральным законом.

Представляется, что право как централизованной религиозной организации, так и собственника имущества унитарного предприятия на заявление о

¹ О свободе совести и религиозных объединениях : федеральный закон от 26.09.1997 № 1250-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

ничтожности сделки и о применении последствий ее недействительности так же, как и у иных лиц при оспоримости сделки, связано с непосредственным влиянием сделки на имущественную сферу указанных субъектов.

Формулировка «признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки» в настоящее время используется законодателем не только в отношении оспоримых, но и в отношении ничтожных сделок. Данное обстоятельство дает основание утверждать о том, что в круг иных лиц, уполномоченных на применение последствий ничтожной сделки, входят также и лица, имеющие право на заявление требований о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности оспоримых сделок¹.

К числу лиц, опосредованно пострадавших от неопределенности, созданной недействительной сделкой, и уполномоченных на заявление требования о применении последствий ничтожной сделки, можно отнести и лиц, для защиты прав которых гражданским законодательством не установлен иной способ защиты (п. 78 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25). Данный пункт Постановления Пленума представляет собой пример выхода высшей судебной инстанции за пределы установленных полномочий, поскольку расширяет законодательно установленный круг лиц, наделенных правом на применение последствий ничтожной сделки. Эта правовая позиция была сформулирована Верховным Судом РФ, вероятно, при отсутствии глубокой теоретической проработки, однако в целом может быть оценена положительно. Она имеет важное практическое значение, расширяет возможности правоприменительного органа в вопросах защиты прав и охраняемых законом интересов², а следовательно, нуждается в закреплении в ст. 166 ГК РФ.

Можно заключить, что иные лица как участники недействительной сделки представляют собой субъектов гражданского права, определенных в законе и

¹ Имеются в виду сделки, ничтожные по основанию неполучения необходимого согласия в случаях, когда такая ничтожность следует из закона.

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2018 по делу № А45-17851/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

имеющих право на признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности при совершении и (или) исполнении сделки в связи непосредственным или опосредованным негативным влиянием сделки на их имущественные сферы (иные лица первой и второй групп), а также в связи с нарушением такой сделкой публичных интересов, реализуемых субъектами, осуществляющими контрольные полномочия (иные лица третьей группы). Как следует из анализа абз. 1 п. 2 и абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ, иные лица, как и стороны недействительности сделки, представляют собой носителей материально-правового интереса в признании сделки недействительной и в применении последствий ее недействительности. Стороны, а также иные лица в равной степени предполагаются заинтересованными в последствиях разрешения дела о недействительности сделки, чем и объясняется законодательное наделение их правом на ее оспаривание и применение последствий ее недействительности. Изложенное позволяет исключить из круга указанных иных лиц тех субъектов, которые в гражданском и арбитражном судопроизводстве наделены правом на заявление соответствующих требований в интересах других лиц.

Наряду со сторонами недействительной сделки и иными лицами (абз. 1 п. 2 и абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ) законом предусмотрена еще одна группа участников недействительной сделки – третьи лица, которые не наделены правом на самостоятельное заявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности. Так, согласно ст. 166 ГК РФ в случае, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы таких третьих лиц.

В отечественной цивилистической литературе третьи лица анализируются в основном как участники обязательственных правоотношений. Так, М.И. Брагинский указывал на существование в динамике обязательственного правоотношения трех групп субъектов: сторон, других лиц (в терминологии автора – посторонних лиц) и третьих лиц, при этом «другие лица» в концепции автора представляют собой любых участников гражданского оборота, которые не

являются стороной исходного обязательства. Третьи лица, по мнению М.И. Брагинского, не являясь сторонами исходного обязательства, всегда юридически связаны с одной из его сторон¹. Иную позицию занимает А.Ю. Чурилов, полагающий, что «только интерес участников гражданского оборота способен обособить одних участников в качестве должника и кредитора обязательства, а других – в качестве третьих лиц по отношению к динамике этого обязательства»². Рассматривая вопрос о соотношении третьих лиц и иных лиц, А.Ю. Чурилов отмечает, что стороны обязательства выступают связующим звеном для всех «других лиц», которые с большой степенью вероятности могут оказать влияние на динамику такого обязательства при наличии у них интереса. Такие лица формируют пространство потенциальных «третьих лиц» в пространстве «других лиц», а по отношению к пространству потенциальных третьих лиц все остальные «другие лица» попадают в пространство неопределенного круга лиц (иных лиц)³.

Все изложенное применимо к рассмотрению сделки и порождаемому ею обязательственному правоотношению при отсутствии нарушения прав и охраняемых законом интересов. Сделка, выступая основанием возникновения обязательства и наделяя правами и обязанностями конкретных субъектов гражданского права, создает своего рода «имущественную ячейку», которая опосредует перемещение материальных благ. Подобное перемещение оказывает влияние как на осуществляющих его сторон, способствуя достижению экономической цели обязательства, так и на других лиц, интересы которых также могут быть достигнуты в этой правовой связи. Тем самым «вокруг» сделки создается круг «иных лиц», из которых в последующем при возникновении

¹ Брагинский М.И. Влияние других (третьих) лиц на социалистические правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1962 ; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2009. С. 362. См. также: Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т.1 / Илларионова Т.И., Кириллова М.Я., Красавчиков О.А. и др.; Под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. (автор главы – Красавчиков О.А). С. 415 ; Мильков М.А. Обязательства с участием третьих лиц в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010 ; Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 8.

² Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография / А.Ю. Чурилов. – М.: Юстицинформ, 2019. С. 13. См. также: Кулаков В.В. Обязательственное право: учебное пособие. М.: РГУП, 2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

³ Чурилов А.Ю. Указ. соч. С. 14.

интереса выделяются лица, именуемые законодателем третьими лицами со всеми предусмотренными законом возможностями их влияния на динамику обязательственного правоотношения.

Однако данной логикой рассуждений невозможно руководствоваться при анализе норм о недействительности сделок, что связано с прямым законодательным разграничением в них иных лиц и третьих лиц как двух самостоятельных и независимых друг от друга групп участников недействительной сделки. Как следует из ст. 166 ГК РФ, иные лица как субъекты права на признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности представляют собой круг конкретных обозначенных законом лиц (юридическое лицо, его участники, супруг и т.д.). Третьи лица, в свою очередь, согласно ст. 166 ГК РФ, не имеют подобных прав, никак не выделены законом, их перечень носит открытый характер. В зависимости от нарушения сделкой их прав и охраняемых законом интересов для их защиты могут действовать другие субъекты, заявляя требования о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности.

Обращение в суд с требованием о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности в интересах третьих лиц опосредуется гражданско-процессуальным институтом процессуальных истцов – таких участников гражданского судопроизводства, которые хотя и не являются субъектами спорного материального правоотношения, т.е. не обладают и не предполагаются обладающими спорным правом или интересом, но в связи с прямым указанием закона имеют право от своего имени требовать от суда защиты чужого права или интереса, т.е. прав или законных интересов субъектов спорных материальных правоотношений.

Действующим гражданским процессуальным законодательством установлено право прокурора обращаться в суд с заявлением о защите прав, свобод и интересов граждан, неопределенного круга лиц. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту,

недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования (ст. 45 ГПК РФ). В ст. 46 ГПК РФ предусмотрена возможность органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. В соответствии с п. 1 ст. 53 АПК РФ в случаях, предусмотренных федеральным законом, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы вправе обратиться в арбитражный суд в защиту публичных интересов. В случаях, предусмотренных АПК РФ и другими федеральными законами, организации и граждане вправе обратиться в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов других лиц¹. Арбитражным процессуальным законодательством также допускается обращение прокурора с требованием о признании недействительными сделок и о применении последствий ничтожных сделок, совершенными органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями и проч. (ст. 52 АПК РФ). Законодательством предусмотрена возможность оспаривания сделок и другими

¹ Как свидетельствует анализ судебной практики, прокурором часто предъявляются иски о признании недействительными сделок, связанных с оборотом земельных участков, жилых помещений, а также о применении последствий их недействительности (см.: Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 п. 10 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5 ; Определение ВС РФ от 20.02.2018 № 37-КГ17-13 ; Определение ВС РФ от 22.08.2017 № 37-КГ17-9; Определение ВС РФ от 07.03.2017 № 22-КГПР16-17; Определение ВС РФ от 08.12.2015 № 83-КГ15-16[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019).

Подобное положение наблюдается и при заявлении аналогичных требований органами государственной власти и местного самоуправления (см.: Определение ВС РФ от 06.03.2013 № 32-КГ12-5 ; Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.01.2011 № А10-505/2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019).

государственными органами: Банком России (ст. 11.3, 18, ч. 7 ст. 37 ФЗ «О банках и банковской деятельности»¹), налоговыми органами (ч. 11 ст. 7 Закона РФ «О налоговых органах в Российской Федерации»²), антимонопольными органами (п. б ч. 6 ст. 23, ч. ч. 2, 4, 5 ст. 34 ФЗ «О защите конкуренции») и т.д.

Как отмечается в литературе, возможность участия прокурора и иных процессуальных истцов в гражданском и арбитражном процессе отвечает целям установления законности и правопорядка, способствует эффективной защите публичных интересов, интересов неопределенного круга лиц, а также прав и законных интересов особых групп граждан и организаций³.

Не будучи поименованными законом (подобно иным лицам), персонализированным (подобно сторонам сделки), третьи лица представляют собой таких участников недействительной сделки, которые не наделяются правом самостоятельного заявления требований о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности сделки, однако также могут подвергаться ее негативному воздействию в виде создания ею правовой неопределенности в их имущественной сфере. В этой связи в интересах их защиты могут действовать специально уполномоченные лица (прокурор, органы государственной власти и местного самоуправления и проч.) в порядке, установленном процессуальным законодательством. В терминологии процессуального законодательства третьи лица обозначены как «неопределенный круг лиц», «граждане», «другие лица» и могут представлять собой как конкретных лиц, так и о неопределенную группу лиц, права и охраняемые интересы которых нарушаются совершенной и (или) исполненной недействительной сделкой⁴.

Анализ гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что иные и третьи лица представляют собой самостоятельные группы участников

¹ О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 05 дек. № 6, ст. 492.

² О налоговых органах : закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 11 апр. № 15, ст. 492.

³ См.: Васильчикова Н.А. Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2018. № 6. С. 97-101 ; Кулакова В.Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

⁴ В аналогичном значении третьи лица понимаются и в ст. 168 ГК РФ.

недействительной сделки, различающиеся степенью определенности в законе и «удаленности» от такой сделки. Круг иных лиц определен в законе. Они «прочно связаны» с недействительной сделкой, что предопределено ее непосредственным или опосредованным негативным влиянием на их имущественные сферы (иные лица первой и второй групп), а также нарушением ею публичных интересов, реализуемые определенными субъектами (иные лица третьей группы). Именно данное влияние предопределяет наделение их правом на самостоятельную защиту. В свою очередь, круг третьих лиц не определен в законе, их связь с недействительной сделкой «слабее». Они могут быть признаны участниками недействительной сделки исключительно при нарушении сделкой их прав и охраняемых законом интересов.

Представленное деление иных лиц на три группы в зависимости от степени влияния на них сделки с дефектом, а также отграничение иных лиц от третьих лиц имеет важное значение как с точки зрения доктрины гражданского права, так и с точки зрения правоприменения. С позиции цивилистической теории классификация субъектов права на оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности вносит ясность в круг таких лиц и в степень их зависимости от недействительной сделки. Практическим последствием такого деления выступает возможность четкого определения того, в чем должно заключаться нарушение их прав и законных интересов при обращении в суд самостоятельно (иных лиц) либо в их интересах (третьих лиц) с требованиями о признании сделки недействительной и о применении последствий их недействительности.

По смыслу положений ст. ст. 1, 10, 166 ГК РФ, к поведению иных и третьих лиц предъявляется требование добросовестности. Следует заметить, однако, что в отличие от сторон недействительной сделки, иные и третьи лица не управомочены ни на подтверждение оспариваемой сделки, ни на конвалидацию ничтожной по правилам п. 5 ст. 166 ГК РФ, так как они не участвовали в возникновении такой сделки и не являются носителями прав и обязанностей, ею порожденных.

В условиях наделения правом заявления требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности не только сторон, но и иных лиц, а также в условиях наличия открытого перечня третьих лиц, закономерно возникновение вопроса об обоснованности «вторжения» таких субъектов в частные отношения сторон недействительной сделки.

Сфера недействительности сделок, предполагающая участие в совершенной и (или) исполненной сделке исключительно ее сторон как непосредственных носителей прав и обязанностей предполагает недопустимость влияния даже на такую, осложненную пороком, сделку со стороны других лиц, не принимавших участие в ее возникновении. Так, по мнению М.А. Васеневой, рассматривавшей вопрос о признании сделки недействительной в связи с защитой преимущественных прав, «указанные последствия (связанные с обратным перемещением имущества – В.Г.) согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ затрагивают исключительно права и обязанности самих участников сделки и выражаются в двусторонней реституции... Удовлетворение в данном случае исковых требований, основанных на норме ст. 168 ГК РФ, само по себе никак не отразится на юридическом или имущественном положении обладателя нарушенного преимущественного права»¹. Трудно согласиться с подобным подходом. Как было установлено, сделка с дефектом способна приводить к нарушению не только частных интересов, но и публичных. Из этого следует, что, с одной стороны, законодатель, определяя круг лиц, уполномоченных на заявление требований о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности, очевидно не стремился ограничить его лишь сторонами спорной сделки. В публичных интересах наиболее правильным было бы наделение правом на заявление указанных требований каждого лица вне зависимости от того, касается его совершенная сделка или нет. В подобных условиях любая сделка с дефектом – как оспоримая, так и ничтожная – могла бы быть «изъята» из оборота любым лицом. Именно в этой связи, как

¹ Васенева М.А. О признании сделки недействительной // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 178. См. также: Груздев В.В. Согласованные действия в гражданском праве // Право и экономика. 2017. № 12. С. 24.

представляется, законодательно наделены правом требовать признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности иные лица третьей группы как обязанные контролировать совершение сделок подконтрольными им субъектами.

С другой стороны, любая сделка, совершенная субъектами гражданского оборота, выступает выражением их автономной, свободной воли, способом достижения ими конкретных экономических целей для себя лично: приобретения имущества, пользования им и т.д. Обеспечением указанной свободной воли в возникновении и развитии правоотношений служит принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ), в котором отражены основные направления частноправового регулирования и который находит проявление во многих положениях гражданского законодательства. Как отмечает А.Я. Рыженковым, «вмешаться в какие-либо отношения – значит совершить действие, влияющее на ход этих отношений, не будучи их изначальным участником»¹. Ключевым в формулировке рассматриваемого гражданско-правового принципа является произвольность – «необоснованное, самовольное участие не в своем, чужом деле, не имеющее законных и (или) нравственных оснований, противоречащее требованиям разумности, добросовестности и справедливости»², «самовольное участие одного субъекта в делах другого субъектах, не основанное на принципах и нормах права»³.

Очевидно столкновение публичных и частных интересов⁴ в законодательном разрешении вопроса о круге лиц, управомоченных

¹ Рыженков А.Я. Невмешательство в частные дела как принцип гражданского права // Современное право. 2013. № 8. С. 53. См. также: Косач А.С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 184.

² Киракосян С.А. О недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сфере договорных правоотношений // Юрист. 2015. № 6. С. 23.

³ Косач А.С. Указ. соч. С. 7.

⁴ Понятие публичных и частных интересов является предметом научных дискуссий (обзор проблематики см.: Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015 ; Козлова В.Н. Понятие публичных и частных интересов и их соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 7. С. 35-38 ; Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. М.: Издательство БЭК, 1995. С. 53-64). В настоящей работе под частными интересами понимаются интересы отдельных лиц, реализация которых служит способом достижения их конкретных целей. Под публичными интересами, в

«вмешиваться» в отношения сторон недействительной сделки и влиять на ее юридическую судьбу, а также судьбу совершенного по ней исполнения посредством заявления требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности. С точки зрения публичных интересов, круг таких лиц должен быть максимально широк, однако с точки зрения частных интересов сторон недействительной сделки никто, помимо них, не вправе влиять на совершенную и (или) исполненную ими сделку. От правильного разрешения проблемы соотношения (нахождения баланса) публичных и частных интересов в положениях гражданского законодательства о недействительности сделок зависит как в целом поступательное развитие отечественной экономики, реализация государственных интересов, так и эффективное достижение конкретными субъектами гражданского права преследуемых ими экономических целей, а также всесторонняя защита их прав. Как справедливо было отмечено В.Ф. Яковлевым и Э.В. Таланиной, «достижение баланса публичного и частного права в регулировании экономики является одновременно и целью, и необходимым условием ее эффективного функционирования»¹.

Однако нормы о недействительности сделок выступают примером конфликта не только частных и публичных, но и двух частных интересов. Стороны недействительной сделки не являются изолированными от иных субъектов гражданского права участниками общественных отношений. Совершаемые ими сделки могут затронуть имущественные сферы, права и охраняемые законом интересы других субъектов гражданского права, которые в этой связи, равно как и стороны, заинтересованы в нивелировании недействительной сделки и ее последствий. Обоснованность данного утверждения можно доказать, проанализировав связь между иными лицами

частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды (п. 75 Постановления Пленума ВС РФ № 25).

¹ Яковлев В.Ф., Таланина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 13. См. также: Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 36–37, 45–46.

первой и второй групп как субъектами права на защиту и самой недействительной сделкой.

Как отмечается в литературе, наделение участников корпоративных отношений правом на оспаривание сделки, совершенной обществом, объясняется интересом общества в виде обеспечения имущественной основы собственной деятельности посредством применения последствий недействительности сделки, которые могут состоять в приведении сторон в первоначальное положение¹. Этим же можно объяснить наделение правом на оспаривание сделки и иных, помимо общества, субъектов корпоративных отношений как лиц, имеющих заинтересованность в распределении его имущества в силу своего положения по отношению к нему. «Поскольку по общему правилу стоимость пакета акций акционера зависит от стоимости имущества общества, вторжение в имущественную сферу общества, косвенно, через изменение стоимости имущества общества, влияет на стоимость пакета его акций»². То же касается унитарного предприятия и собственника его имущества как лица, имуществом которого в нарушение законодательных предписаний распорядилось предприятие, а также иных юридических лиц, законодательством о которых предусмотрены правила об оспаривании сделок.

Супруг управомочен на оспаривание сделок, совершенных другим супругом без его согласия, также в силу общности имущественных сфер с последним: по смыслу ст. 35 СК РФ, предусмотренные в ней правила признания сделок недействительными касаются распоряжения лишь общим имуществом супругов.

Система способов защиты в деле о банкротстве, включающая в себя и оспаривание сделок должника, каждым своим элементом нацелена на восстановление его имущественной сферы, за счет которой подлежат удовлетворению требования кредиторов. Оспаривание сделок должника при этом выступает первичным элементом такой системы, поскольку направлено на

¹ См.: Корпоративное право: Учебный курс. Т.2 Отв. ред. И.С. Шиткина. М., «Статут». 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2018.

² Ягельницкий А.А. Право на оспаривание // Сделки, представительство, исковая давность: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 211.

«возвращение в конкурсную массу неправомерно отчужденного имущества должника, за счет которого подлежат удовлетворению требования кредиторов»¹.

Изложенную логику рассуждений можно продолжать. Анализ гражданского законодательства свидетельствует о том, что в качестве иных лиц первой и второй групп справедливо признаются лишь те субъекты гражданского права, интерес которых в заявлении требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности состоит в разрешении неопределенности в их имущественной сфере и собственных правах и обязанностях. Такие лица наделены правом на заявление указанных требований в связи с тем, что они определенным образом – посредственно или непосредственно – страдают от недействительной сделки.

То же касается и третьих лиц как не наделенных правом на самостоятельное предъявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности, но потенциально способных пострадать от ее совершения и (или) исполнения. Право процессуальных истцов на обращение с указанными требованиями выступает единственной возможностью защитить права и интересы таких третьих лиц. Отказ же от предоставления третьим лицам права на самостоятельное заявление указанных требований полностью согласуется с избранным законодателем вектором на борьбу с массовым признанием сделок недействительными (п. 1.1 §1 Раздела V), с принципом «нерушимости сделок»².

Предоставление законодательством возможности влиять на юридическую судьбу сделки и совершенного имущественного распределения исключительно сторонам оставило бы без защиты указанных субъектов гражданского права, в чью имущественную сферу такой сделкой внесена неопределенность. Подобное положение противоречило бы провозглашенному на уровне Конституции РФ принципу приоритетной защиты прав и охраняемых законом интересов граждан,

¹ Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): Монография. М., «Инфотропик Медиа», 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015.

² Андреев В.К. Сделка и ее недействительность // Юрист. 2014. № 1. С. 10.

юридических лиц (ст. 2, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ)¹. Влияние иных и третьих лиц на сделку в этой связи не составляет факта произвольного вмешательства в договорные отношения ее сторон. В то же время обеспечение защиты третьих лиц и иных лиц первой и второй групп являет собой проявление не только частного, но и публичного интереса: гарантированность восстановления прав и законных интересов максимально широкого круга субъектов в конечном итоге приводит к упрочнению законности и формированию состояния правопорядка на уровне всего общества.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что нормы о недействительности сделок (§2 гл. 9 ГК РФ), наделяющие правом на заявление требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности не только сторон такой сделки, но и иных, третьих лиц, одновременно способствуют удовлетворению и частных, и публичных интересов.

Представляется возможным, однако, указать еще на одно обстоятельство. Совершение и (или) исполнение недействительной сделки может рассматриваться как одна из форм недобросовестного поведения лица, знавшего о пороках в сделке, но все же решившегося на ее совершение, которое может быть квалифицировано как злоупотребление правом (п. п. 1, 4 ст. 10 ГК РФ) и допускать возможность возмещения убытков при их причинении. При подобной трактовке не ясна причина, побудившая законодателя предусмотреть возможность возмещения убытков по недействительной сделке исключительно в пользу потерпевшей ее стороны. Многогранность гражданско-правовых отношений и спорных юридических ситуаций не исключают возможности возникновения у иных и третьих лиц как участников недействительной сделки убытков от ее совершения и (исполнения), что следует закрепить в ст. 167 ГК РФ:

1.1. Добросовестные третьи и иные лица имеют право требовать возмещения убытков сторонами недействительной сделки в случае, если стороны при совершении и (или) исполнении сделки действовали недобросовестно, в

¹ Данный вывод подтверждается Конституционным Судом РФ (см.: Определение КС РФ от 15.04.2008 № 289-О-О ; Определение КС РФ от 15.04.2008 № 289-О-О ; Определение КС РФ от 22.03.2012 № 558-О-О ; Определение КС РФ от 17.06.2010 № 882-О-О) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019).

частности, знали или должны были знать о нарушении сделкой прав и охраняемых законом интересов таких лиц¹.

¹ См.: Гончарова В.А. Проблемы определения субъектов права на оспаривание сделки // Право и политика. 2019. № 7. С. 43–57.

Глава 3 Способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

3.1 Система способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

Гражданским законодательством предусмотрены определенные способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. К ним относятся признание сделки недействительной, действительной, реституция, возмещение убытков, «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ), способы защиты, предусмотренные разделом III и гл. 60 ГК РФ, иные способы защиты, направленные на защиту указанных субъектов. Анализ отечественной цивилистической литературы, посвященной защите гражданских прав и законных интересов, а также недействительности сделок, свидетельствует об отсутствии системного исследования указанных способов защиты. Данное положение в условиях актуализации проблем восстановления прав участников гражданских правоотношений, а также активного реформирования гражданского законодательства не может быть признано удовлетворительным.

Совокупность предусмотренных законодательством способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, как представляется, может быть определена как система – «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство»¹. Большинство входящих в нее способов защиты предопределено экономическими и правовыми причинами недействительности сделок и нацелено на максимально полную нейтрализацию совершенной и (или) исполненной сделки с дефектом. Данное положение имеет

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс] // электронная библиотека Института философии РАН. Электрон. дан. М., 2019. URL: <https://iphlib.ru/> (дата обращения: 22.09.2018).

важное практическое последствие, состоящее в недопустимости их неприменения и замены указанных способов на какие-либо иные способы защиты.

Признание оспоримой сделки недействительной как способ защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки предполагает «вторжение» суда в спорные правоотношения, установление основания недействительности сделки, нарушения ею прав и охраняемых законом интересов ее добросовестных участников и ее аннулирование. Анализ ст. 167 ГК РФ свидетельствует о наличии двух разновидностей признания оспоримой сделки недействительной, каждая из которых обладает значительным нормативным своеобразием. Первая разновидность регламентирована п. 1 ст. 167 ГК РФ и предполагает ретроспективность судебного решения о признании сделки недействительной (его действие с обратной силой). Как было справедливо отмечено Ю.Н. Андреевым, главной целью такого признания оспоримой сделки недействительной является «недопущение исполнения порочной сделки в будущем, а если она на момент предъявления иска исполнена – применение последствий недействительности частично или полностью исполненной сделки»¹. Признание оспоримой сделки недействительной с обратной силой предопределяет применение последствий ее недействительности, и прежде всего, реституции.

Второй разновидностью признания оспоримой сделки недействительной является признание ее таковой на будущее время. Согласно п. 3 ст. 167 ГК РФ, если из существа оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее на будущее время. При таком признании «ни о каком возврате полученного по сделке, естественно, не может быть и речи, так как все совершенные предоставления считаются совершенными на основании и во исполнение действительной сделки»². Основанием признания сделки недействительной на будущее время является необходимость защиты интересов сторон сделки не только разрешения неопределенности, возникшей из-за сделки с

¹ Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2010.

² Зезекало А.Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 182.

дефектом, но и сохранения ранее сложившихся между ними отношений. Данный интерес может быть обусловлен, в частности, тем, что признание сделки недействительной с момента ее совершения может повлечь негативные последствия для ее сторон¹.

К способам защиты гражданских прав и законных интересов участников недействительной сделки следует отнести и признание недействительной ничтожной сделки, применение которого, несмотря на отсутствие правовой регламентации, допускалось и до внесения изменений в ст. 166 ГК РФ в 2013 г. (п. 32 совместного Постановления Пленума ВС РФ № 6 и Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ»²). Однако данное Постановление лишь зафиксировало подход, уже ранее сформулированный в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 2 и Постановления Пленума ВАС РФ № 1 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой ГК РФ», где была отмечена возможность органов, уполномоченных собственником управлять государственной или муниципальной собственностью, обращаться в суды с исками о признании недействительными ничтожных сделок³.

В качестве способа защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки следует рассматривать и признание ничтожной сделки действительной, в порядке исключения допускаемое законом и именуемое в науке гражданского права конвалидацией (исцелением) ничтожной сделки (п. 1 ст. 165 ГК РФ, п. 2 ст. 171 ГК РФ).

В программных документах реформы гражданского законодательства, где признание сделки ничтожной было квалифицировано в качестве средства защиты нарушенных прав и законных интересов (п. 1.4, 1.6⁴), обоснованно отмечено, что иски о применении последствий недействительности ничтожной сделки возможны лишь после того, как недействительная сделка полностью или частично

¹ См.: Егорова М.А. Прекращение действия оспоримой сделки на будущее время как основание прекращения обязательств // Гражданское право. 2013. № 6. С. 11–15.

² О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 // Рос. газ. 1996. № 152.

³ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой ГК РФ : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 28.02.1995 № 2/1 // Бюллетень ВС РФ. 1995. № 5.

⁴ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 49.

исполнена, однако и неисполненная ничтожная сделка может нарушать права и законные интересы участников гражданского оборота, и исключение возможности предъявлять в суд требования о признании недействительными таких сделок означало бы лишение заинтересованных лиц права на судебную защиту¹.

На ценность негационного требования неоднократно указывалось и в литературе. Так, по мнению Ю.Н. Андреева, «неисполненная ничтожная сделка также может нарушать права и законные интересы участников гражданского оборота, а исключение возможности предъявлять в суд требование о признании недействительности ничтожной сделки означало бы лишение заинтересованных лиц права на защиту (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, ч. 1 ст. 4 АПК РФ)»². Д.О. Тузов отмечает, что подобное требование может быть как предметом одноименного иска, так и входить в предмет другого иска, наряду с иными требованиями (о присуждении). Его значение при этом нельзя недооценивать: ничтожность сделки, хотя бы и с момента ее совершения, далеко не всегда очевидна для сторон, ее совершивших, третьи лиц, государственных органов, на основе такой сделки может быть вынесен государственный акт³.

Вместе с тем, объективная недействительность ничтожной сделки, соответствующая традиционному учению о недействительности сделок, в условиях измененного правового регулирования нуждается в существенных уточнениях. Нормы ст. 168 ГК РФ, где на смену общему правилу о ничтожности сделок, противоречащих закону или иному правовому акту, пришло правило об их оспоримости, уже не предполагают общую бесспорность ничтожности сделки. В настоящее время для квалификации сделки как ничтожной по смыслу ст. 168 ГК РФ требуется установление не только нарушения ею нормы закона или иного правового акта, но и публичных интересов, прав третьих лиц. Указанное

¹ Там же. С. 52.

² Андреев Ю.Н. Указ. соч. ; Параскевова Д.В. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 11, 119, 134, 210.

³ Тузов Д.О. Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк / Под редакцией Б.Л. Хаскельберга и В.М. Чернова. Томск: Пеленг, 1998. С. 10–12. См. также: Андреев Ю.Н. Указ. соч. ; Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики // Хозяйство и право. 1998. № 8. С. 105–109.

обстоятельство делает очевидной потребность участников гражданских правоотношений при возникновении вопроса о виде недействительности незаконной сделки обращаться в суд, который и должен установить такие нарушения. Как следствие, в современных правовых условиях уже не может идти речи о возможности сторон и других лиц не признавать юридическую силу за такой незаконной сделкой. То же можно сказать и о сделках, недействительных по основаниям ст. ст. 169, 170 ГК РФ в силу неявности их дефекта как для окружающих, так и, возможно, для совершивших ее лиц. Ничтожность сделок, вызванная недееспособностью одной из ее сторон (ст. 171, 172 ГК РФ), может быть полностью очевидна для участников гражданских правоотношений, однако возможность конвалидации такой сделки в интересах недееспособной стороны так или иначе создает неопределенность в имущественном положении сторон сделки. Все это предполагает необходимость участия суда в квалификации спорной сделки как недействительной, а значит, существенно сближает требование о признании оспоримой и требование о признании ничтожной сделок недействительными¹.

Изложенное обосновывает невозможность сторон недействительной сделки самостоятельно применять последствия ее недействительности, вопреки убеждению некоторых ученых². Оспоримая сделка до момента признания ее недействительной создает регулятивные правоотношения, а значит, всегда требует участия суда для аннулирования ее юридической силы. При отсутствии

¹ На это иногда обращается внимание в литературе. См.: Гутников О.В. Тезисы по вопросам круглого стола Юридического института «М-Логос» 12 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] // Юридический институт «М-Логос». Электрон. дан. М., 2019. URL: <https://www.m-logos.ru/> (дата обращения: 09.09.2018); Зинченко С.А., Галов В.В. Сделка и ее недействительность в доктрине, законодательстве и правоприменении // Законы России. 2009. № 4. С. 90–101; Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2016; Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Начало течения давности по иску из неосновательного обогащения // Закон. 2012. № 7. С. 83; Тузов Д.О. Lex «quasi» perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015, № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015.

² См.: Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 100; Останина Е.А. Определенные договором последствия недействительности сделки // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 108–117; Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2007.

судебного решения о признании оспоримой сделки недействительной все самостоятельно совершенные ее сторонами перераспределения имущества в качестве последствий недействительности совершенной сделки будут квалифицироваться как акты неосновательного обогащения. Как представляется, аналогичная ситуация в условиях действующего правового регулирования складывается и при ничтожности сделки.

Кроме того, как следует из экономических причин недействительности сделок, ее последствиями могут выступать лишь строго определенные гражданско-правовые конструкции, предполагающие создание в обороте ситуации, имевшей место до совершения сделки с дефектом. Предоставление сторонам недействительной сделки права решать вопрос о последствиях недействительности без контроля суда поставило бы под угрозу восстановление положения, существовавшего до совершения сделки, а следовательно, и публичные интересы.

Иногда в законе встречаются нормы, прямо устанавливающие ничтожность сделки при наличии в ее структуре определенных дефектов (п. 3 ст. 572, п. 3 ст. 592, п. 3 ст. 596, п. 2 ст. 730, ст. 820 ГК РФ и т.д.), что на первый взгляд снимает со сторон сделки необходимость в судебном разрешении вопроса о виде недействительности. Однако и в этих условиях негативное требование не лишено своей ценности, поскольку решение о признании сделки ничтожной способно внести ясность в ее статус не только для совершивших ее сторон, вероятно, не знавших о ничтожности, но и для государственных органов, участников гражданских правоотношений.

Рассмотрение вопроса об указанных способах защиты было бы не полным без освещения действия в отношении них исковой давности. Согласно п. 2 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (п. 1 ст. 179), либо со дня, когда истец узнал или должен был

узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной. Истечение срока исковой давности в отношении требований о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности влечет «ослабление» права пропустившего ее лица¹, что связано с характером оспоримой сделки как сделки, порождающей регулятивные правоотношения еще до момента оспаривания.

Особой же критике в юридической литературе подвергается п. 1 ст. 181 ГК РФ, предусматривающий трехлетний срок исковой давности по требованиям о применении последствий ничтожной сделки и о признании ее таковой со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, а также десятилетний объективный срок исковой давности для лиц, не являющихся сторонами сделки, исчисляемый с момента начала ее исполнения. Как отмечается в литературе, требования о признании сделки ничтожной по самой своей правовой природе не может быть подвергнуто давности: ничтожность объективна вне зависимости от какого-либо судебного ее установления².

Положения ст. 181 ГК РФ стали предметом толкования высшей судебной инстанции. Так, согласно абз. 3, 4 п. 101 Постановления Пленума ВС РФ № 25, если ничтожная сделка не исполнялась, срок исковой давности по требованию о признании ее недействительной не течет. Согласно п. 71 указанного Постановления возражение ответчика о том, что требование истца основано на

¹ Дискуссионным вопросом, связанным с применением исковой давности, является вопрос о судьбе защищаемого регулятивного субъективного права в связи с истечением срока на его защиту (обзор существующих точек зрения см.: Мотовиловкер Е.Я. Предмет исковой давности // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 39–47). Обоснованной представляется позиция, согласно которой при истечении исковой давности субъективное гражданское право продолжает существовать, но в юридически «ослабленном» состоянии (см., например: Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 224 ; Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Исковая давность: отдельные противоречия правового регулирования и связанные с этим проблемы правоприменения // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 2. С. 36-47 ; Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015).

² См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 369-370 (автор комментария – Д.О. Тузов) ; Солдатенко С.В. Применение исковой давности к искам о признании: опыт России и Германии // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 43 ; Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2007.

ничтожной сделке, оценивается судом по существу независимо от истечения давности для признания этой сделки недействительной.

Расширение круга требований, на которые в настоящее время распространяется исковая давность, по смыслу новой редакции ст. 181 ГК РФ и сформулированного Верховным Судом РФ подхода, оставляет вне сферы исковой давности лишь ничтожные сделки без совершенного по ним исполнения. Подобное правовое решение в условиях действующего, подвергнутого реформированию отечественного законодательства, отчасти явилось результатом общей тенденции к сближению правового регулирования оспоримых и ничтожных сделок. Как указывалось в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, «чтобы не допустить дальнейшего разрушения стабильности гражданского оборота, законодательные реформы института недействительности сделок в целом должны быть направлены на сокращение легальных возможностей признавать сделки недействительными во всех случаях, когда недействительность сделки как гражданско-правовая санкция является неоправданной и явно несоразмерной характеру и последствия допущенных при совершении сделки нарушений»¹. Именно во исполнение данного предложения разработчиков Концепции, как представляется, и была введена исковая давность на требования о признании ничтожных исполненных сделок недействительными. Несмотря на противоречие изложенной позиции классической теории недействительности сделок, она служит интересам стабильности гражданского оборота, частных лиц, положившихся на ее действительность в силу совершенного по ней исполнения. Интересы сторон ничтожной сделки, исполнявших ее, однако затем решивших признать ее недействительной в рассматриваемом случае вступают в противоречие с интересами всего гражданского правопорядка и принципом добросовестности, которым законодатель обоснованно отдает предпочтение.

Рассмотренная тенденция сближения правовых режимов ничтожности и оспоримости, к сожалению, не приобрела вид законченной и теоретически

¹ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 48.

обоснованной концепции ни на уровне закона, ни в актах судебной практики. С одной стороны, вводя срок исковой давности на требования о признании недействительной исполненной ничтожной сделки и очевидно преследуя цель установления стабильности оборота и невозможности оспаривания таких сделок в дальнейшем, законодатель не дал ответа на вопрос о статусе заданной ничтожной сделки, а также о принадлежности переданного по ней имущества¹. Кроме того, указывая на давностный характер таких требований и, как следствие, на возможность существования таких ничтожных исполненных сделок в обороте, Верховный Суд РФ обратил особое внимание на неподверженность исковой давности возражений о ничтожности, сделанных в любой форме. Иными словами, опираясь на ст. 181 ГК РФ, очевидно возникновение путаницы: ничтожная исполненная сделка поддается заданности, переданное по ней имущество не может быть возвращено, однако при этом совершенно не ясно, какое право на такое имущество имеет его приобретатель и какой статус у ничтожной сделки возникает в связи с истечением давностного срока. Делая предположение о возможном возвращении такой, осложненной пороком сделки в гражданский оборот, опять же не понятно, становится ли она действительной, и какое влияние на судьбу ее статуса и принадлежность переданного во ее исполнение имущества оказывает сделанное спустя много лет возражение другого лица о ничтожности такой сделки, которое не поддается действию давности.

С другой стороны, в условиях сближения правовых режимов ничтожности и оспоримости, не подверженным давности по смыслу закона и Постановления Пленума ВС РФ № 25 остается требование о признании ничтожной неисполненной сделки недействительной. Данное положение, безусловно, соответствует классическим представлениям о видах недействительности, но не имеет разумного объяснения в условиях заданности требования о признании

¹ Проблема принадлежности имущества, переданного, но не возвращенного обратно первоначальному владельцу в связи с истечением срока исковой давности, является одной из наиболее дискуссионных в гражданско-правовой доктрине (см., например: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Статут». 2000. С. 190 ; Лантух В.В. Исковая давность в современном гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 115 ; Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 201–206 ; Терещенко Т.А. Понятие исковой давности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9–10).

ничтожными исполненных сделок. Как исполненная недействительная сделка, так и недействительная сделка, исполнение по которой не состоялось, в равной степени способны влиять на порядок исполнения субъектами правоотношений своих обязанностей, осуществления прав, а потому и режим задавнивания у таких требований должен быть один.

С учетом изложенного есть основания указать на непоследовательность и незавершенность реформы гражданского законодательства в части правового регулирования недействительности сделок.

Следующим способом защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки является иск о применении последствий недействительности сделки, и прежде всего, о реституции. Анализ современной цивилистической литературы свидетельствует о сформированности двух основных позиций относительно ее правовой природы. Согласно первой точке зрения, реституция выступает самостоятельным способом защиты, который нельзя определить в качестве частного случая кондикции и (или) виндикации, поскольку он «обнаруживает четкое нормативное своеобразие, юридическую необходимость самостоятельного существования»¹. Подобной позиции придерживается, в частности, Д.В. Новак, по мнению которого, несмотря на общий защитный вектор кондикции, правила гл. 60 ГК РФ применяются субсидиарно при наличии специального регулирования спорной ситуации обогащения². Представляется, что именно эта позиция воспринята в ст. 307.1 ГК РФ, разделившей правила применения общих положений об обязательствах к кондикции в целом (п. 2 ст. 307.1 ГК РФ) и реституции как последствию недействительности сделок в частности (пп. 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ).

Взгляд автора, однако, внутренне противоречив. С одной стороны, Д.В. Новак обращает внимание на общий характер норм гл. 60 ГК РФ для всех

¹ Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга вторая: Отдельные аспекты защиты. М., «Юристинформ». 2014 [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система. См. также: Добрачев Д.В. Соотношение гражданско-правовых категорий денежного долга и убытков : дис. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 111, 114 ; Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

² Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11–12, 185.

гражданско-правовых споров, связанных с неосновательным перемещением имущества, а с другой – делая итоговый вывод, указывает уже на субсидиарность применения норм о кондикции к отношениям, в том числе связанным с применением реституции. Вместе с тем, в юридической литературе обоснованно отмечается, что внутриотраслевое субсидиарное применение как применение норм смежных институтов гражданского права имеет в качестве своего основания не всякую отсылочную норму (в случае соотношения кондикции и реституции – абз. 2 ст. 1103 ГК РФ): «Наличие родовидового отношения между основными и применяемыми дополнительно нормами препятствует квалификации такого применения как субсидиарного»¹. Квалификация реституции как способа защиты, требующего субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении в позиции Д.В. Новака, таким образом, препятствует с формальной точки зрения ее определению как одного из проявлений кондикции, а следовательно, предполагает автономию и самостоятельность реституционного обязательства.

Следует отметить, что в судебной практике получил распространение именно такой, весьма противоречивый подход к правовой природе реституции. Так, в одних случаях судами указывается на то, что реституция является самостоятельным способом защиты, отличным от взыскания неосновательного обогащения и обладающим рядом особенностей (публичный характер, взаимный (двусторонний) характер, наличие некоторых черт обязательства, посессорность и др.)². При этом обращается внимание на то, что, исходя из смысла п. 1 ст. 1103 ГК РФ, правила, предусмотренные гл. 60 ГК РФ, применимы лишь к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке, что не позволяет отождествлять понятия «исполненного по недействительной сделке» и «неосновательное обогащение»³. В других случаях суды признают возможность применения правил гл.60 ГК РФ в субсидиарном порядке исключительно в

¹ Бакин А.С. Субсидиарность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 61.

² См., например, Определение ВС РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79, А09-9146/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

³ См., например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2014 № 09АП-49983/2014-ГК по делу № А40-99535/2014 ; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2014 № 09АП-45977/2014-ГК по делу № А40-89764/2014-31-783 ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2016 г. по делу № А41-14702/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

случаях, когда полученные ответчиком денежные средства явно превышают стоимость переданного по недействительной сделке, что в целом следует отнести к неосновательному обогащению, полученному в результате исполнения ничтожной сделки¹. В третьей группе дел, связанных с применением последствий недействительности, отмечается субсидиарность применения положений гл. 60 ГК РФ. Нормы этой главы, по мнению судов, применяются наряду со специальными правилами ст. 167 ГК РФ вне зависимости от наличия явного несоответствия стоимости переданного имущества².

Согласно второй доктринальной позиции реституция представляет собой не способ защиты, требующий субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении, а вид кондикционного и (или) виндикационного обязательства. Так, по мнению Д.О. Тузова, следует выделять две формы реституционной правовой связи: реституцию владения (как осуществление виндикационного или в ряде случаев possessорного притязания), требующей доказательства титула на возвращаемую вещь, и компенсационную реституцию (как осуществление кондикционного притязания или притязания о взыскании убытков при невозможности возврата переданного имущества в натуре)³. Отличную от изложенной позиции занимают, в частности, В.С. Ем и Н.Г. Соломина, по мнению которых реституционная правовая связь представляет собой исключительно разновидность обязательства из неосновательного обогащения⁴.

¹ Пункт 55 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» // Рос. газ. 2016. № 70 ; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16.08.2012 по делу № А28-11437/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

² См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.03.2017 г. по делу № А43-11548/2016 ; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.09.2016 г. по делу № А38-5621/2015 ; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.04.2018 г. по делу № А56-5184/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

³ См.: Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2007. С. 193 ; Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2007 ; Он же. Реституция в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 86–143 ; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 219.

⁴ Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 7 ; Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. М.: Юстицинформ [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система.

Не отрицая достоинств первой точки зрения, думается, есть основания согласиться со сторонниками второй позиции. Недействительная сделка как сделка, не влекущая иных последствий, кроме последствий, связанных с ее недействительностью, выступает частным случаем отсутствия правового основания перемещения имущества. В этой связи она должна квалифицироваться как акт неосновательного обогащения сторон недействительной сделки, что предопределяет бесспорное рассмотрение реституции в качестве разновидности кондикционного притязания.

В то же время, придерживаясь второй точки зрения относительно правовой природы реституции, представляется возможным не согласиться с тем, что реституция владения является виндикацией. В первую очередь, это противоречит подходу, сформулированному Конституционным Судом РФ в Постановлении № 6-П¹, а затем поддержанному высшими судебными инстанциями. Так, согласно п. 34 Постановления Пленума ВС РФ № 10 и ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» спор о возврате имущества, вытекающий из договорных отношений или отношений, связанных с применением последствий недействительности сделки, подлежит разрешению в соответствии с законодательством, регулирующим данные отношения. В случаях, когда между лицами отсутствуют договорные отношения или отношения, связанные с последствиями недействительности сделки, спор о возврате имущества собственнику подлежит разрешению по правилам ст. ст. 301, 302 ГК РФ².

Критически следует также отнестись и к аргументу сторонников виндикационной природы реституции владения о необходимости наличия у стороны недействительной сделки титула на возвращаемое имущество. Как представляется, для восстановления нарушенного имущественного права законом

¹ Постановление КС РФ № 6-П от 21.04.2003 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

предусмотрены строго определенные способы защиты. Задачей же производства, связанного с недействительностью сделок, является, исходя из буквальной формулировки закона, применение последствий недействительности. Единственным таким закономерным последствием является полное устранение совершенных актов перераспределения имущества, без выяснения вопросов надлежащего титула на него (в отношении индивидуально-определенного имущества). Объектом защиты в случае такой характеристики реституции выступают имущественные сферы конкретных лиц, пострадавшие от неопределенности, порожденной недействительной сделкой, а также публичный порядок, требующий аннулирования имущественных перемещений. Подтверждением данного тезиса является подход, сформулированный ВС РФ в п. 81 Постановления Пленума ВС РФ № 25, согласно которому при рассмотрении требования лица, передавшего индивидуально-определенную вещь по недействительной сделке, к лицу, которому эта вещь была передана, о ее возврате истец не обязан доказывать свое право собственности на спорное имущество. Индивидуально-определенная вещь подлежит возврату, если она сохранилась у получившей ее стороны.

Реституционное требование функционально связано с требованием о признании сделки недействительной. Разрешая правовой конфликт и устанавливая наличие оснований для признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительной, суд фактически создает предпосылки для разрешения вопроса о распределении имущества, переданного по такой сделке. Данное обстоятельство исключает возможность раздельного заявления и рассмотрения требований о признании сделки недействительной и о применении ее последствий (как в случае ничтожности, так и оспоримости сделок). Подобная позиция нашла поддержку в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, где отмечалось, что основной целью признания сделки недействительной как способа судебной защиты гражданских прав является недопущение исполнения недействительной сделки, а если на момент предъявления иска сделка уже исполнена – применение последствий

недействительности сделки. Формулировка п. 2 ст. 167 ГК РФ в части установления последствий недействительности императивна по своему характеру и не предполагает наличия у сторон свободы усмотрения при предъявлении требований о применении последствий недействительности¹. Функциональная связь указанных требований служит еще одним аргументом в пользу их обязательного одновременного заявления и разрешения, помимо уже отмеченной невозможности сторон самостоятельно разрешать вопрос о последствиях недействительности совершенных ими сделок.

В литературе высказывается и иная точка зрения, сторонники которой указывают на различную правовую природу указанных требований и возможность в этой связи их раздельного заявления². Думается, однако, что иск об оспаривании сделки без иска о применении последствий ее недействительности просто не востребован. Данное утверждение объясняется сохранением даже после оспаривания видимости фактического существования сделки, а значит – и продолжающимся нарушением прав собственников имущества, других лиц. Как представляется, обязанность одновременного заявления требований о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности должна быть закреплена в абз. 1 п. 2 ст. 166 и абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ путем указания наряду с требованием о признании оспоримой сделки недействительной также и требования о применении последствий ее недействительности (абз. 1 п. 2 ст. 166 ГК РФ), а также наряду с требованием о применении последствий ничтожной сделки требования о признании ее недействительной (абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ).

Соглашаясь с существующим в литературе мнением о квалификации реституции в качестве частного случая кондикции, представляется возможным определить сферу действия общих положений об обязательствах в отношении

¹ См.: Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 54.

² См.: Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015 ; Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 380–384 (автор комментария – Д.О. Тузов).

реституционного обязательства. Так, согласно п. 2 и 3 ст. 307.1 ГК РФ его исполнение определяется первоначально по правилам ст. 167 ГК РФ (специально посвященной ей нормой), затем нормами главы 60 ГК РФ о кондикционных обязательствах и лишь затем – общими положениями об обязательствах, предусмотренными разделом III части первой ГК РФ. Изложенный подход идет вразрез с буквальной формулировкой ст. 307.1 ГК РФ, однако, как представляется, полностью соответствует правовой природе реституции и необходимости ее применения на основе сначала специальных, затем общих и лишь в последнем случае – общетраслевых правил об обязательствах как модели, более широкой по отношению к реституции и кондикции соответственно. Подпункт 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ в этой связи определяет лишь правила применения и сферу действия общих положений об обязательствах к иным, помимо реституции, последствиям недействительности сделок (возмещению убытков и другим способам защиты, предусмотренным в соглашениях, заключенных сторонами оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности)¹.

С представленной позиции регулирование реституционных обязательств основано на родовом характере кондикции по отношению к реституции и на видовом характере кондикции по отношению к общей конструкции обязательства. В этой связи логичным представляется применение при разрешении спора сначала нормы о реституции (ст. 167 ГК РФ) как видовом явлении, затем положений гл. 60 ГК РФ о родовой, общей по отношению к реституции кондикции, и лишь затем общеродовых по отношению к кондикционному требованию положений об обязательствах.

На первый взгляд, ст. 1103 ГК РФ допускает иной подход к определению сферы действия гл. 60 ГК РФ в отношении реституционных обязательств, основанный на субсидиарности кондикции по отношению к требованиям о возврате полученного по сделке. Его реализация фактически означала бы

¹ См.: Гончарова В.А. Сфера и пределы действия общих положений об обязательствах в отношении требований о применении последствий недействительности сделки // Законодательство. 2019. № 1. С. 6–14.

признание реституции самостоятельным способом защиты гражданских прав и применение к реституционному обязательству положений гл. 60 ГК РФ лишь после ст. 167 ГК РФ и норм раздела III ГК РФ в восполнительном порядке. Однако, очевидно, что представленный алгоритм применения правовых норм противоречил бы традиционному для отечественного законодателя подходу к правовому регулированию родовых и видовых явлений.

Сформулированный вывод об иерархии норм о реституции устраняет проблемы применения к ней положений гл. 60 ГК РФ, и в частности способов защиты, определенных ст. ст. 1105, 1107, 1108 ГК РФ. Родовидовые отношения между кондикционным и реституционным обязательствами приводят к выводу о том, что правила гл. 60 ГК РФ без исключений подлежат применению при определении судом порядка и размеров возмещения стороне (сторонам) полученного, сбереженного по недействительной сделке в порядке реституции.

Следствием характеристики кондикции и реституции как рода и вида по отношению друг к другу является также распространение на требование о возврате полученного по недействительной сделке положений п. 2 ст. 1104 ГК РФ, касающихся причинения вреда, в том числе и случайного, вещи-предмету неосновательного обогащения. При этом, как представляется, в зависимости от вида недействительности, моменты формирования неосновательного обогащения, и как следствие, момент возникновения обязанности приобретателя возместить потерпевшему (контрагенту по недействительной сделке) убытки, возникшие от повреждения или утраты вещи, определяются по-разному. Оспоримая сделка, порождающая до признания ее недействительной регулятивные правоотношения, с момента судебного оспаривания формирует неосновательность приобретения переданного во исполнение сделки имущества. Соответственно, именно с момента вступления в законную силу решения суда о признании оспоримой сделки недействительной приобретатель имущества, переданного в порядке ее исполнения, по смыслу п. 2 ст. 1104 ГК РФ, начинает отвечать перед потерпевшим (контрагентом по недействительной сделке) не только за умысел и грубую неосторожность, но и за всякие, в том числе случайные, недостатки или

ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества. Ничтожная сделка с момента совершения влечет наступление неосновательного обогащения в отношении переданного по ней имущества. Из данного положения следует возложение на приобретателя такого имущества обязанности отвечать за всякие, в том числе случайные, недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества с момента совершения ничтожной сделки.

Вместе с тем, на современном этапе развития гражданского законодательства данное положение должно быть существенным образом переосмыслено. Тенденция сближения режимов оспоримых и ничтожных сделок влечет для сторон недействительной сделки неопределенность в момент наступления обязанности возмещения убытков за всякие недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества. В отличие от ранее действующей нормы ст. 168 ГК РФ, основанной на ничтожности сделок, противоречащих закону или иному правовому акту, действующая редакция ст. 168 ГК РФ предусматривает их оспоримость. Совершение оспоримой сделки, противоречащей закону или иному правовому акту, может создавать у сторон такой сделки обоснованное предположение о необходимости возмещения ими указанных убытков лишь с момента вступления в силу решения суда. Признание же такой сделки ничтожной в силу противоречия ее публичным интересам, интересам третьих лиц закономерно приводит к тому, что возникновение такой обязанности переносится на прошлое время, на момент совершения сделки. Подобное положение, как представляется, может повлечь реальное нарушение прав и охраняемых законом интересов приобретателей имущества, переданного во исполнение сделки, которая виделась ими как оспоримая, однако позже была определена судом в качестве ничтожной. Очевидно внесение неопределенности в договорную практику участников гражданских правоотношений, в порядок исполнения ими своих прав и обязанностей. Разрешение возникшей сложности возможно путем нормативного установления в ст. 167 ГК РФ единого момента возникновения обязанности

приобретателя возместить потерпевшему убытки: определение его моментом констатации судом недействительности совершенной и исполненной сторонами недействительной сделки, противоречащей закону или иному правовому акту.

В юридической литературе обоснованно указывается и на спорный характер п. 2 ст. 1104 ГК РФ с позиции общеправового принципа справедливости. По мнению, А.Г. Карапетова «соображения справедливости могут подталкивать к помещению риска на сторону, знающую или имеющую основания знать об оспоримости сделки и проявившую недобросовестность при совершении сделки еще до вступления в силу решения о признании сделки недействительной»¹. Как представляется, введение в нормы §2 гл. 9 ГК РФ принципа добросовестности предполагает распространение его универсального действия и на сферу возмещения потерпевшему убытков, причиненных его имуществу-предмету исполнения по недействительной сделке. Решение о признании оспоримой сделки недействительной, имея преобразовательный характер, лишь устанавливает наличие оснований недействительности сделки. Установленное же знание одной из сторон сделки о наличии в ее структуре дефекта по смыслу п. 2 ст. 1104 ГК РФ может выступать одной из форм поведения такой стороны, укладывающейся в формулировку закона «должен был знать о неосновательности обогащения». Последнее положение дает возможность возлагать на такую сторону ответственность за всякие, в том числе случайные, недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества.

Специальным правилом о риске случайной гибели имущества, закрепленным в §2 гл. 9 ГК РФ, является норма п. 4 ст. 179 ГК РФ о том, что риск случайной гибели предмета сделки несет сторона сделки, допустившая в отношении своего контрагента обман, насилие, угрозу или воспользовавшаяся неблагоприятным стечением обстоятельств. Подобное законодательное решение, как представляется, объясняется характером дефектов, под влиянием которых

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 822 (автор комментария – А.Г. Карапетов).

была совершена сделка и которые наиболее существенно ограничивают автономию воли участников гражданских правоотношений.

В качестве еще одного последствия недействительности, которое также может быть применено для защиты прав и законных интересов сторон недействительной сделки, выступает возмещение убытков в размере реального ущерба (абз. 3 п. 1 ст. 171, п. 1 ст. 172, абз. 2 п. 1 ст. 175, абз. 2 п. 1 ст. 176, п. 3 ст. 177, абз. 2, 3 п. 6 ст. 178 ГК РФ), а также в полном размере (абз. 3 п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ). Вопрос о юридической сущности убытков, порождаемых недействительной сделкой, является дискуссионным в правовой литературе. Одни авторы настаивают на договорной природе рассматриваемых убытков, указывая, что это ответственность за заключение противозаконного договора¹, другие – на деликтной природе требования о возмещении убытков²³.

Думается, однако, что ответ на рассматриваемый вопрос лежит в плоскости определения правовой природы самой недействительной сделки. Как было отмечено, такая сделка не является противоправным и виновным деянием – правонарушением (деликтом), а лишь не соответствует требованиям закона с точки зрения необходимых условий действительности, не нарушая при этом императивных правовых предписаний. Возмещение убытков из недействительной сделки не может быть определено и как договорное, поскольку, хотя и связанное, по утверждению О.С. Иоффе, с судьбой соглашения сторон⁴, оно основано не на его неисполнении и ненадлежащем исполнении, как в классическом варианте договорной ответственности, а на несуществовании такого соглашения для права.

¹ См.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Ленингр. гос. ун-т. Отв. ред. А. К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 72–73.

² Исследование судебных решений свидетельствует об отсутствии у судов единообразного и теоретически обоснованного подхода в применении возмещения убытков как последствия недействительности сделки (см., например: Апелляционное определение Иркутского областного суда от 18 июля 2014 г. по делу № 33-5859/14 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 10 мая 2016 г. по делу № 33-18020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019).

³ См.: Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2007. С. 210–211 ; Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 157-159. Близкой к деликтной рассматриваемую форму ответственности считал и Ф.С. Хейфец (Недействительность сделок по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 14).

⁴ Иоффе О.С. Указ. соч.

Как представляется, совершение и (или) исполнение такой сделки может рассматриваться как одна из форм недобросовестного поведения лица, знавшего о пороках в сделке, но все же решившегося на ее совершение, которое может быть квалифицировано как злоупотребление правом (п. п. 1, 4 ст. 10 ГК РФ) и допускать возможность возмещения убытков при их причинении¹. Следует согласиться с А.М. Эрделевским в том, что злоупотребление правом в какой бы то ни было форме представляет собой, несмотря на формальный запрет недобросовестного поведения, одну из форм правоосуществления, а потому не может приводить к нарушению чьих-либо прав в традиционном смысле – к противоправному и виновному причинению имущественных потерь². Представляется, что указанное в п. 4 ст. 10 ГК РФ нарушение следует толковать в этой связи более широко, а именно – лишь как причинение убытков лицу фактом злоупотребления правом другим субъектом гражданского права.

Законодательный подход в вопросе о правовой природе убытков из недействительной сделки нашел отражение в пп. 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, устанавливающим правило о применении общих положений об обязательствах к последствиям недействительности сделок, если иное не следует из существа соответствующих отношений. Из приведенной нормы следует, что отправной в механизме расчета убытков из недействительной сделки выступает ст. 393 ГК РФ, которая рассчитана, однако, на случаи возмещения договорных убытков и закономерно не всегда учитывает специфику возмещения убытков как последствия недействительности сделок. Как представляется, применительно к недействительным сделкам «существо соответствующих отношений» выражается в особенностях негативного влияния таких сделок на имущественные сферы их

¹ Исключением из данного положения является правило абз. 2 п. 6 ст. 178 ГК РФ. Следует согласиться с А.Ю. Зезекало в том, что «обязанность заблуждавшейся стороны возместить убытки своему контрагенту не является мерой ответственности, а выполняет исключительно компенсационную функцию... По своей правовой природе эта обязанность является санкцией, относящейся к мерам защиты, и предусматривается в целях защиты имущественных интересов контрагента заблуждавшейся стороны» (Зезекало А.Ю. *Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право* : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 14, 189, 191).

² Эрделевский А.М. *О судебном подходе к злоупотреблению правом*. 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015.

участников. Данные обстоятельства должны подлежать учету правоприменителем при определении суммы подлежащих возмещению убытков.

На сумму убытков из недействительной сделки по смыслу ст. 317.1 ГК РФ могут быть начислены проценты за пользование денежными средствами, однако возможность начисления таких процентов должна быть прямо определена в соглашении сторон.

Ответ на вопрос о допустимости начисления процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму убытков по правилам ст. 395 ГК РФ был сформулирован Высшим Арбитражным Судом РФ при рассмотрении им конкретных дел. Так, в Постановлении от 22.05.2007 г. № 420/07 по делу № А40-41625/06-105-284 было отмечено, что начисление процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму убытков не допускается, поскольку и проценты, и убытки являются видами ответственности за нарушение обязательства. По отношению к убыткам проценты, как и неустойка, носят зачетный характер¹. Основанием для возмещения убытков из недействительной сделки является недобросовестное поведение одной из ее сторон (ст. 10 ГК РФ), а потому такие убытки не могут квалифицироваться как возникшие в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Вместе с тем, убытки из недействительной сделки подобно убыткам при нарушении обязательства выступают следствием неодобряемого гражданским законом поведения участников правоотношений (соответственно недобросовестного и неправомерного поведения), являются мерами юридической ответственности, что исключает возможность начисления на их суммы процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ.

Фрагментарная правовая регламентация возмещения убытков как последствия недействительности сделок порождает в доктрине гражданского права ряд вопросов, разрешение которых имеет важное практическое и теоретическое значение. Так, обращает на себя внимание различный

¹ См. также: Постановление Президиума ВАС РФ от 18.03.2003 г. № 10360/02 по делу № А54-2691/99-С9 ; Постановление Президиума ВАС РФ от 29.09.1998 г. № 2959/98 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

законодательный подход в вопросе определения размера подлежащих возмещению убытков: ограничения их в ряде случаев лишь реальным ущербом, либо следование принципу полного возмещения. Такое правовое решение иногда и, думается, обоснованно подвергается критике в литературе¹. По справедливому мнению А.В. Мякининой, ограничение размера взыскиваемых убытков в целом предопределяется спецификой определенных гражданско-правовых отношений и не может устанавливаться законодателем произвольно². Ограничение размера ответственности, по мнению автора, оправданно, например, в сфере транспорта³ и связи⁴, где оно сложилось исторически и обусловлено массовостью операций и сложностью определения размера причиненных убытков, а также в договорах о выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, что определено их сложностью и наличием рисков, связанных с их исполнением.

Совершение недействительных сделок не связано с какими-либо рисками для их сторон, подобно обязательствам транспортной сферы и сферы связи, что исключает обоснованность и рациональность законодательного подхода к определению размера взыскиваемых убытков в размере исключительно реального ущерба. В ситуации недействительной сделки действуют две строго персонифицированные стороны, деятельность которых не связана с массовостью, сложностью проводимых ими операций. Размер убытков в этой ситуации поддается возможности подсчета в полном размере. Подтверждением этому

¹ См.: Добрачев Д.В. Соотношение гражданско-правовых категорий денежного долга и убытков : дис. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 115 ; Шестакова Н.Д. Недействительность сделок / Науч. ред. докт. юрид. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Н.А. Чечина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 79.

² Мякинина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2005. С. 22.

³ См.: ст. 119 Воздушного кодекса Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. 24 мар. № 12, ст. 1383; ст. 115 «Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. 13 янв. № 2, ст. 170.

В доктрине гражданского права советского (особенно позднего) периода уделялось значительное внимание причинам нормативного установления ограниченной ответственности в сфере перевозок железнодорожным транспортом (см.: Хаскельберг Б.Л. Ответственность за нарушения планов и договора железнодорожной перевозки грузов. Томск. Изд-во Томского университета, 1981. С. 46-67).

⁴ См.: ст. 34 Федерального закона «О почтовой связи» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. 29 июля. № 29, ст. 3697 ; ч. 3 ст. 68 Федерального закона «О связи» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. 14 июля. № 28, ст. 2895.

служат и тенденции реформирования гражданского законодательства¹, введение требования полного возмещения убытков в составы недействительных сделок, совершенных под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств.

Другим вопросом, возникающим при толковании и применении норм о возмещении убытков как последствия недействительности сделок, является вопрос об универсальности их действия. Большинство авторов, занимающихся исследованием данной проблемы, отстаивает позицию о возможности заявления требований о возмещении убытков только в прямо предусмотренных законом случаях². Другие ученые занимают диаметрально противоположную позицию и указывают на универсальное действие норм о возмещении убытков применительно к любому составу недействительности сделок и на необходимость разработки правил применения данного способа защиты в сфере недействительности сделок³.

Как справедливо отмечается в литературе, важнейшей характеристикой возмещения убытков в отечественном гражданском праве является его «кумулятивность»⁴ – возможность применения при защите любого нарушенного субъективного права, если того требуют интересы пострадавшего лица. Факт наличия специальных норм о возмещении убытков в ряде составов недействительных сделок в этой связи не является свидетельством

¹ В п. 1.5 §1 раздела V «Недействительность сделок» Концепции совершенствования общих положений ГК РФ отмечается важность формулирования в общих положениях о недействительности сделок правил о возмещении убытков в полном объеме как механизма, призванного защитить добросовестную сторону недействительной сделки вне зависимости от основания ее недействительности (Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 51–52).

² См.: Добрачев Д.В. Соотношение гражданско-правовых категорий денежного долга и убытков : дис. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 112 ; Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1972. Т. 1. С. 191 ; Шестакова Н.Д. Недействительность сделок / Науч. ред. докт. юрид. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Н.А. Чечина – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 79.

³ См.: Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 68 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. С. 38. Косвенно указанной позиции придерживается Г.В. Сичинава, отмечая, что право на возмещение убытков может быть заявлено в связи с применением реституции, по «остаточному принципу» (Сичинава Г.В. Ограничения применения реституции по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 102).

⁴ Савенкова О.В. Возмещение убытков в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2006. См. также: Фомичева О.В. Принцип полного возмещения убытков и его реализация в российском гражданском праве : дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

квалифицированного молчания законодателя в вопросе возмещения убытков в отношении других составов, а представляет собой лишь дополнительную гарантию защиты прав лиц, очевидно пострадавших от недействительной сделки (несовершеннолетних, недееспособных и проч.). Интересы всесторонней защиты участников гражданских правоотношений, многообразии возникающих на практике споров определяют возможность заявления соответствующих требований, что позволяет говорить о неоправданности искусственного ограничения сферы применения возмещения убытков из недействительных сделок.

На данное утверждение можно, однако, возразить, указав, что неуместной является возможность возмещения убытков стороной незаконной сделки (ст. 168 ГК РФ), поскольку в такой сделке обе стороны недобросовестны и обязаны знать о противоречии совершаемой сделки нормам права. Думается при этом, что такое возражение излишне категорично и не учитывает особенностей определенных гражданских правоотношений. Речь идет, в первую очередь, об отношениях с участием потребителей. Так, согласно абз. 2 ч. 1 ст. 16 Закона «О защите прав потребителей» если в результате исполнения договора, ущемляющего права потребителя, у него возникли убытки, они подлежат возмещению изготовителем (исполнителем, продавцом) в полном объеме. Основанием такого правового решения выступает слабое положение потребителя в отношениях с другой стороной договора, его возможная некомпетентность в вопросах своего правового статуса. Безусловно, добросовестность является оптимальным критерием в ситуации разрешения вопроса о возможности возмещения убытков как последствия недействительности сделки, однако учету должны подлежать и иные обстоятельства дела и, в частности, равенство переговорных возможностей сторон, распределение их прав и обязанностей. В положении, схожем с позицией потребителя, находится также сторона недействительной сделки, выразившая волю на ее совершение под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, а также под влиянием существенного заблуждения. Такие субъекты могут знать об основании

недействительности сделки и в этой связи уже не рассматриваются как добросовестные, однако их положение препятствует адекватному формулированию ими своего волеизъявления.

В связи с изложенным можно также предположить, что стороны недействительной сделки вправе требовать возмещения убытков вне зависимости от того, предусмотрено ли это право нормой о том или ином составе недействительности. Принцип свободы договора, диспозитивность как основная характеристика частноправового регулирования являются достаточными основаниями такого варианта решения проблемы универсальности возмещения убытков как последствия недействительности сделок.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что правовое регулирование возмещения убытков как последствия недействительности сделок в настоящее время характеризуется фрагментарностью, порождающей неоправданное ограничение возможностей защиты сторон недействительной сделки. Все это предопределяет необходимость установления на законодательном уровне, в общей статье о последствиях недействительности сделок (ст. 167 ГК РФ) таких правил расчета убытков, которые учитывали бы специфику недействительности сделок, а также предполагали бы возможность возмещения убытков в полном объеме для защиты сторон недействительной сделки по любому основанию. Данное правило следует закрепить следующим образом:

«2.1. Добросовестная сторона недействительной сделки, а также сторона, при совершении недействительной сделки занимавшая положение, препятствующее согласованию ее содержания такой сделки, имеет право на возмещение в полном объеме причиненных недействительной сделкой убытков с другой стороны недействительной сделки, которая знала или должна была знать об основании ее недействительности (недобросовестная сторона).

Размер убытков определяется общими положениями об обязательствах, а также исходя из характера нарушения прав и охраняемых законом интересов

сторон совершением и (или) исполнением недействительной сделки (абз. 2, 3 п. 2., п. 3 ст. 166 настоящего Кодекса)»¹.

Все описанные способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки предусмотрены нормами гражданского законодательства. Вместе с тем, в настоящее время закон допускает возможность для некоторых субъектов гражданских правоотношений предусматривать иные последствия недействительности совершенных ими сделок. Так, согласно п. 3 ст. 431.1 ГК РФ в случае признания недействительным по требованию одной из сторон договора, который является оспоримой сделкой и исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, общие последствия недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ) применяются, если иные последствия недействительности договора не предусмотрены соглашением сторон, заключенным после признания договора недействительным и не затрагивающим интересов третьих лиц, а также не нарушающим публичные интересы.

Возможность заключения соглашений о последствиях недействительности сделки была предусмотрена Концепцией развития гражданского законодательства России, согласно п. 7.1 которой обеспечению стабильности гражданского оборота и исключению защиты недобросовестных участников оборота могло бы служить последовательное проведение на уровне законодательной политики принципа сохранения однажды заключенного договора. Для этого в общие положения о договоре предлагалось ввести ряд законодательных ограничений и, в частности предусмотреть специальные правила оспаривания договоров в виде расширения круга возможных последствий несоответствия договора (сделки) требованиям закона. Реализации данного положения, по мнению разработчиков Концепции, могло бы способствовать предоставление сторонам договора права на заключение соглашения о возврате полученного по ничтожной сделке, права на заключение

¹ См.: Гончарова В.А. Возмещение убытков как следствие недействительности сделки: проблемы гражданско-правовой доктрины // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 10. С. 56–65 ; Гончарова В.А. Возмещение убытков как следствие недействительности сделок // Российское правоведение: трибуна молодого ученого : сб. статей / отв. ред. В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. Вып. 18. С. 109–110.

договора о последствиях его недействительности, а также ограничение реституции только неисполненной частью¹.

Действующее правовое регулирование существенно отличается от предложенного в Концепции: право на заключение соглашений о применении последствий недействительности сделок по смыслу п. 3 ст. 431.1 ГК РФ предоставлено законом исключительно субъектам оспоримого договора, исполнение которого связано с их предпринимательской деятельностью. Кроме того, предметом указанного соглашения могут быть не общие и дополнительные последствия недействительности сделок² в виде реституции и возмещения убытков в случаях, предусмотренных законом (ст. 167 ГК РФ), а некие «иные» последствия, самостоятельно определяемые сторонами недействительной сделки.

В юридической литературе большинством авторов п. 3 ст. 431.1 ГК РФ оценивается как полностью соответствующий диспозитивному характеру гражданско-правового регулирования и принципу свободы договора. Так, А.И. Бычков отмечает, что «такое правовое регулирование (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ – В.Г.) соответствует принципу свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и интересам участников гражданского оборота, которые могут учесть в своем соглашении обстоятельства, возникшие после того, как была признана недействительной сделка, а также учесть взаимные интересы друг друга»³. Аналогичной позиции придерживается Ю.С. Поваров, по мнению которого положения п. 3 ст. 431.1

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 76 ; п. 3.1 Раздела VII Концепции реформирования общей части обязательственного права ([Электронный ресурс] // сайт Исследовательского Центра Частного Права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. Электрон. дан. М., 2019. URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения: 15.01.2019)).

² Как свидетельствует анализ гражданского законодательства, в настоящее время возможно выделить три группы последствий недействительности сделок: 1) общие (реституция), 2) дополнительные (возмещение убытков), 3) специальные (так называемые «иные последствия недействительности сделки» (п. 2 ст. 167 ГК РФ). На это обращалось внимание в литературе (Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 68 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. С. 37–40)).

Некоторые авторы вкладывают иное значение в термин «специальные последствия недействительности», понимая под ним возмещение реального ущерба, взыскание процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами в результате заключения недействительной сделки (см.: Блинова М.А. Недействительность сделки, совершенной с целью противной основам правопорядка и нравственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 85).

³ Бычков А.И. Дефекты, ошибки и неурядицы // Инфотропик Медиа. 2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2017.

ГК РФ «направлены на обеспечение стабильности оборота, укрепление договорной дисциплины и исключение защиты недобросовестных участников; кроме того, они призваны повысить роль индивидуальных актов-регуляторов в части определения последствий совершения порочной сделки»¹.

Признавая отмеченную А.И. Бычковым и Ю.С. Поваровым важность принципа свободы договора в процессе реализации прав сторон недействительной сделки на самостоятельное определение порядка исполнения ее последствий, следует все же не согласиться с приведенной ими положительной оценкой правила п. 3 ст. 431.1 ГК РФ. Буквальное толкование содержащегося в данной правовой норме правила дает основания полагать, что законодатель допускает существование некоторого временного разрыва между судебным разрешением вопроса о признании сделки недействительной и вопроса о ее последствиях, определяемых сторонами самостоятельно. Однако, как было отмечено ранее, требования о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности обязательно должны быть заявлены истцом и разрешены судом одновременно в целях полного устранения сделки с дефектом. Данное обстоятельство позволяет довольно критично отнестись к правилу п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, наделяющего стороны оспоримого договора правом на заключение соглашений о последствиях недействительности сделки *после* признания ее недействительной.

Кроме того, представляется, что общие диспозитивные начала гражданского права допускают возможность сторон недействительной сделки регламентировать порядок исключительно реституционных предоставлений и возмещения убытков. Неприемлемым, исходя из причин недействительности сделок, является предоставление сторонам-субъектам предпринимательской деятельности права предусматривать иные, помимо указанных, последствия недействительной сделки. Наделение субъектов гражданского права указанной возможностью

¹ Поваров Ю.С. Особенности недействительности предпринимательского договора // Юрист. 2016. № 8. С. 9.

приведет в конечном итоге к фактическому сохранению за такой сделкой качества действительности, способности порождать ею конкретные права и обязанности.

Данное обстоятельство исключает право сторон такого соглашения договориться о возможности не передавать все или часть имущества друг другу, предусмотреть прекращение реституционного обязательства в виде отступного, новации. Это объясняется тем, что в ситуации отказа от осуществления реституции владения, или при ее невозможности – от компенсационной реституции (ст. 167 ГК РФ) – обоснованно возникает вопрос о принадлежности и о способе приобретения права собственности на спорное имущество. Недействительная сделка, являясь аномалией в развитии гражданско-правовых отношений, по определению не может служить правопорождающим юридическим фактом, влекущим приобретение прав на вещь у необоснованно получившего ее лица, а предполагает исключительно необходимость собственной нейтрализации. В качестве надлежащих оснований приобретения права собственности на имущество гражданским законодательством предусмотрены соответствующие гражданско-правовые договоры (купля-продажа, рента, дарение, мена и проч.). Нормами гл. 14 ГК РФ урегулированы в основном первоначальные основания приобретения права собственности, где к поведению приобретателя законом предъявляется требование добросовестного поведения. Приобретательная давность (ст. 234 ГК РФ), которая на первый взгляд могла бы служить правовым основанием вовлечения в оборот вещи, полученной по недействительной сделке, является в определенной степени исключительным основанием приобретением права собственности и не предполагает повсеместной возможности его «легализации», а с учетом достаточно продолжительных сроков течения – допускает длительное выбытие вещи-предмета недействительной сделки из гражданского оборота, что не соответствует интересам определенности правового статуса на вещь и гражданско-правового оборота.

Сказанное исключает и возможность сторон недействительной сделки предусмотреть обусловленное исполнение реституционных обязанностей (ст. 327.1 ГК РФ), при котором возвращение имущества одной стороной

недействительной сделки зависит от таких же действий другой стороны. Нельзя не признать, что допущение подобной конструкции, действительно, способствовало бы своевременному исполнению реституционных обязательств, стимулируя каждую из сторон к передаче находящегося у нее имущества, полученного по недействительной сделке, под угрозой неполучения собственного имущества. Вместе с тем, обусловленное исполнение способно в конечном итоге привести к уже описанной ситуации оставления имущества за приобретшей его по сделке стороной, что создаст отмеченные ранее трудности.

В этой связи есть основания полагать, что предметом соглашений о последствиях недействительности сделок может выступать порядок исполнения исключительно реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков. Сами такие соглашения в общем виде следует именовать соглашениями о порядке исполнения обязательств, возникающих из недействительной сделки (соглашения о последствиях недействительности сделки). Стороны таких договоров вправе предусматривать в них меры ответственности (гл. 25 ГК РФ), меры защиты (гл. 23 ГК РФ), а также – в отношении реституционного обязательства – конкретизировать исполнение способов защиты, предусмотренных гл. 60 ГК РФ. Свобода самостоятельного определения последствий недействительности, однако, ограничена и предполагает (при наличии произведенного исполнения) обязательность осуществления реституции владения или – при ее невозможности – компенсационной реституции. Данное положение согласуется со ст. 307.1 ГК РФ и принципом свободы договора.

Так, указанные стороны вправе предусмотреть в соглашении возможность начисления в отношении суммы, подлежащей возврату по реституции, процентов, предусмотренных ст. 317.1, п. 1 ст. 1107 ГК РФ, в определяемом ими самими размере. Согласно п. 1 ст. 317.1 ГК РФ в случаях, когда законом или договором предусмотрено, что на сумму денежного обязательства за период пользования денежными средствами подлежат начислению проценты, размер процентов определяется действовавшей в соответствующие периоды ключевой ставкой Банка России (законные проценты), если иной размер процентов не установлен

законом или договором. Правило п. 1 ст. 1107 ГК РФ является по смыслу ст. 317.1 ГК РФ одним из указаний закона на возможность начисления рассматриваемых процентов, а также определяет их размер в случае отсутствия отдельного соглашения сторон. Начисление процентов по п. 1 ст. 1107 ГК РФ при этом не исключается и в случае отсутствия какого-либо соглашения: для этого стороне в споре достаточно лишь заявить о необходимости их применения, что основано на родовом характере норм гл. 60 ГК РФ по отношению к ст. 167 ГК РФ.¹

Важно обратить внимание также на то, что согласно п. 2 ст. 317.1 ГК РФ условие обязательства, предусматривающее начисление процентов на проценты, является ничтожным, за исключением условий обязательств, возникающих из договоров банковского вклада или из договоров, связанных с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности. Данное законодательное положение позволяет допустить, что при заключении предпринимателями соглашения о последствиях его недействительности имеющихся между ними договоров они могут предусмотреть в нем возможность начисления процентов на проценты. Вместе с тем, как представляется, положения п. 2 ст. 317.1 ГК РФ рассчитаны на обязательства из договоров, регулирующих обычную хозяйственную деятельность предпринимателей. Соглашение о применении последствий недействительности, в свою очередь, заключается такими лицами в связи с необходимостью достижения «досделочного» состояния и выступает, как было отмечено ранее, одной из форм реализации правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.

Принципы свободы договора, равенства участников гражданского оборота и диспозитивность гражданско-правового регулирования, таким образом, допускают право сторон оспоримого договора, исполнение которого связано с их предпринимательской деятельностью, предусматривать в своих соглашениях меры ответственности (гл. 25 ГК РФ) (например, возмещение убытков), меры

¹ См.: Гончарова В.А. Система и классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки // Юридические исследования. 2019. № 7. С. 68–79.

защиты (способы обеспечения (гл. 23 ГК РФ)), а также конкретизировать исполнение в отношении реституционного обязательства способов защиты, предусмотренных гл. 60 ГК РФ (п. 2 ст. 1104, ст. ст. 1105, 1107, 1108 ГК РФ). Предметом соглашений о порядке исполнения обязательств, возникших из недействительной сделки, соответственно, может выступать как порядок исполнения реституционного обязательства и возмещения убытков (процедурная составляющая), так и материально-правовые положения об обеспечении их исполнения, ответственности и проч. (материально-правовая составляющая).

Совокупность способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки удовлетворяет одному из основных признаков системы – открытости (способности системы к взаимодействию с иными системами). Так, с одной стороны, рассматриваемая система является частью наиболее общей гражданско-правовой охранительной системы – совокупности «особых мер правового понуждения, обладающих восстановительным (компенсационным) и пресекающе-поражающим действием, организация которых, подчиненная началам всесторонней охраны нарушенных интересов, обеспечивает становление общеотраслевых охранительных функций этой совокупности»¹. С другой стороны, система способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки лишь относительно замкнута и неограниченна рассмотренными ранее способами. Данное положение означает, что в качестве ее частей могут рассматриваться, в частности, компенсация морального вреда², виндикация³, являющиеся элементами систем защиты нематериальных благ и вещных прав соответственно. Объединяющим для указанных способов защиты как элементов одной системы должна выступать их цель – защита прав и законных интересов участников недействительной сделки.

В качестве заключения следует указать, что система способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

¹ Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. – С.46. См. также: Краснова С.А. Система способов защиты вещных прав: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – С.43.

² Подробнее см.: §2 гл. 3.

³ Подробнее см.: §3 гл. 3.

представляет собой единую, открытую совокупность связанных между собой способов защиты, целью которых является защита прав и законных интересов участников недействительной сделки. Элементами данной системы выступают способы защиты: признание сделки недействительной (с обратной силой; на будущее время), признание ничтожной сделки действительной, возврат сторон сделки в первоначальное положение (реституция), возмещение убытков, «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ), а также иные способы защиты участников недействительной сделки.

3.2 Классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

Классификации способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в юридической литературе уделяется недостаточное внимание. В большинстве случаев авторы ограничиваются простой квалификацией тех гражданско-правовых конструкций, которые, по их мнению, могут быть применены для защиты участников недействительной сделки¹, в качестве мер защиты или мер ответственности, не обращаясь к проблеме их более глубокого классификационного деления. Подобное положение дел с учетом важности норм о недействительности сделок в гражданском праве и необходимости полноценной защиты прав и законных интересов их участников нельзя признать удовлетворительным.

Правовая классификация обладает, как представляется, определенным своеобразием. С одной стороны она, как и любая разновидность научной классификации, предполагает создание теоретически обозримой системы тех или

¹ См.: Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2010 ; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2009. С. 782 ; Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 121–122 ; Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 95, 134, 152 ; Параскевова Д.В. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 31–32.

иных явлений и процессов и выполняет информативную функцию¹. С другой, правовая классификация формируется на основе анализа нормативно-правовых актов и предполагает определение в них правовых режимов классификационных групп – обособленных систем правового воздействия, характеризующихся «специфическими способами регулирования – особым порядком возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их осуществления, спецификой санкций, способов реализации, а также действием единых принципов, общих положений»².

Изложенное в полной мере применимо и к классификации способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, с помощью которой возможно формирование особых подсистем (правовых режимов) охранительного воздействия на таких лиц. В качестве первого основания классификационного деления рассматриваемых способов защиты следует выделить характер выполняемых ими функций. Так, по мнению Т.И. Илларионовой, объявление сделки недействительной с функциональной точки зрения выступает мерой пресечения, а реституция – восстановительной мерой³. Аналогичной точки зрения придерживается В.Л. Слесарев, отмечающий, однако, что все санкции, применяемые при недействительности сделки, являются восстановительными и содержат в себе «три защитные меры: признание сделки недействительной (санкция пресекательного характера); возврат сторонами всего полученного по сделке – реституция (реально-восстановительная санкция); денежная компенсация при невозможности вернуть полученное в натуре (компенсационно-восстановительная санкция)»⁴.

Нельзя не согласиться с отмечаемым указанными авторами восстановительным вектором способов защиты, применяемых при недействительной сделке. Вместе с тем, признавая достоинство приведенных

¹ О научной классификации см.: История и методология юридической науки : учебник / В.М. Сырых. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. С. 285.

² Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т.1. М., 1981. С. 245.

³ Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : Учебное пособие. Свердловск, УрГУ. 1980. С. 43, 47–49.

⁴ Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1989. С. 144–145.

классификаций, следует все-таки определенным образом уточнить их. Во-первых, представленные попытки классифицировать данные способы были предприняты в условиях действия гражданского законодательства советского периода. В настоящее же время круг гражданско-правовых способов защиты участников недействительной сделки не ограничивается способами, рассмотренными Т.И. Илларионовой и В.Л. Слесаревым. Как было отмечено ранее, в совокупность таких способов защиты следует включить и признание сделки недействительной (с обратной силой; на будущее время), признание ничтожной сделки действительной, возврат сторон сделки в первоначальное положение (реституция), возмещение убытков, «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ), а также иные способы защиты участников недействительной сделки. Во-вторых, спорным видится наделение функцией пресечения только признания сделки недействительной. Реституция как основное последствие недействительности сделки нивелирует совершенные по сделке имущественные предоставления, а поэтому также определенным образом пресекает сформированную сторонами такой сделки неопределенность. В свою очередь, признание сделки недействительной направлено либо на констатацию отсутствия прав и обязанностей (при ничтожности) либо лишение сделки юридической силы (при оспоримости) и тем самым способно упорядочить гражданские правоотношения, выполнить восстановительную функцию.

С учетом изложенного представляется возможным предложить более соответствующую действующему правовому регулированию классификацию способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в зависимости от выполняемых такими способами функций на три группы – правовых режима. Способы защиты первой группы направлены на установление определенности в распределении прав и обязанностей. В рамках данной группы следует выделить соответственно признание оспоримой сделки недействительной (с обратной силой; на будущее время), признание ничтожной сделки недействительной, а также признание ничтожной сделки действительной (конвалидация ничтожной сделки). Способы

защиты второй группы направлены на возврат имущества, переданного по недействительной сделке, или денежного эквивалента имущества его первоначальным владельцам и представлены, в частности, реституцией (как реституцией владения, так и при ее невозможности – компенсационной реституцией). В целом, первые две группы способов защиты направлены на устранение правовой неопределенности в распределении прав и обязанностей, в принадлежности имущества, а потому служат интересам защиты не только сторон недействительной сделки, но и иных и третьих лиц, публичным интересам. В третьей группе способов защиты прав и охраняемых законом интересов в представленной классификации следует выделить те способы защиты, которые направлены на имущественную компенсацию: возмещение убытков; способы защиты, предусмотренные положениями гл. 60 (п. 2 ст. 1104, ст. ст. 1105, 1107, 1108 ГК РФ) и раздела III ГК РФ (возмещение убытков (ст. 393 ГК РФ), неустойка (ст. 394 ГК РФ), способы обеспечения (гл. 23 ГК РФ)).

Вторым классификационным делением способов защиты прав и интересов участников недействительной сделки выступает сфера действия таких способов. Интересам защиты участников недействительной сделки служат общие и специальные способы защиты. Общими способами защиты в данной классификации выступают те, которые имеют универсальный или относительно универсальный характер и применяются для защиты прав и охраняемых законом интересов в различных спорных ситуациях. В качестве общего способа защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в представленной классификации следует признать компенсацию морального вреда. По смыслу ч. 1 ст. 151 ГК РФ применение данного способа защиты возможно в двух ситуациях: во-первых, когда гражданину причинен моральный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, во-вторых, в других случаях, предусмотренных законом. В последнем положении данной нормы речь идет, в частности, о ч. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей», согласно которой условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с

правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными¹. Включение в соглашение с потребителем данного условия можно рассматривать как основание компенсации морального вреда по правилам ст. 15 приведенного закона, в соответствии с которой моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины, которую в ситуации недействительной сделки следует понимать как знание о том, что включаемое в договор условие ущемляет права потребителя².

Компенсация морального вреда гражданину возможна и в случае, если он был причинен в результате совершения и (или) исполнения им недействительной сделки и повлек нарушение его личных неимущественных прав либо посягнул на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Так, например, когда сделка была совершена под влиянием обмана, насилия, угрозы, очевидны нарушения таких личных неимущественных прав, как жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, предопределяющие возникновение права на компенсацию морального вреда со стороны причинителя моральных и нравственных страданий.

В качестве общих способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки можно квалифицировать взыскание неустойки (абз. 10 ч. 1 ст. 12 ГК РФ), возмещение убытков, другие меры ответственности и меры защиты, предусмотренные гл. 60 и разделом III ГК РФ, а также виндикацию.

¹ О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 15 янв. № 3, ст. 140.

² Как следует из закона, компенсацией морального вреда могут быть защищены права только такой стороны недействительной сделки, которая является потребителем по смыслу Закона «О защите прав потребителей». Это указывает на весьма ограниченное применение данного способа защиты при недействительности сделки.

В то же время следует заметить, что компенсацию морального вреда нельзя рассматривать в качестве последствия недействительности сделки в силу того, что ее применение наступает не в связи с самим фактом совершения сделки с дефектом в структуре, а в связи с 1) нарушением нематериальных благ и 2) нарушением имущественных прав в прямо предусмотренных законом случаях.

К числу специальных способов следует отнести признание сделки недействительной, признание ничтожной сделки действительной, реституцию, которые направлены исключительно на устранение правовой неопределенности, порожденной совершенной и (или) исполненной недействительной сделкой.

Третьим основанием деления способов защиты выступает характер используемых для защиты участников недействительной сделки способов защиты: обязательный и необязательный. Правовая природа оспоримой сделки, связывающей до момента оспаривания ее стороны правами и обязанностями, влечет объективную необходимость участия суда для ее прекращения и применения последствий недействительности сделки (реституции, возмещения убытков и проч.). То же в условиях актуального правового регулирования следует отметить и в отношении ничтожной сделки. Данные обстоятельства определяют необходимость участия суда как при оспоримости, так и при ничтожности сделки в признании их недействительными и применении последствий их недействительности и образуют группу обязательно применяемых способов защиты.

Однако некоторые способы защиты прав и охраняемых законом интересов могут быть применены самими сторонами оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности (необязательные способы защиты). Применение таких способов происходит под контролем суда и при обеспечении обязательного возврата сторон в первоначальное положение. Речь идет о тех способах защиты, которые предусмотрены в соглашениях о порядке исполнения обязательств из недействительной сделки (возмещение убытков, неустойка, иные способы обеспечения реституционных обязательств и меры ответственности, предусмотренные гл. 60 и разделом III ГК РФ и определяемые (конкретизируемые) сторонами в своих соглашениях). Следует заметить при этом, что некоторые способы защиты (например, проценты, предусмотренные ст. 1107 ГК РФ) могут применяться как в случае, если сторона указала на необходимость их взыскания при рассмотрении дела о недействительности сделки, так и если

стороны заключили соглашение о применении последствий недействительности и представили его суду для утверждения, включив туда соответствующее условие.

Четвертым основанием классификации способов защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки являются сферы деятельности сторон – общие и предпринимательские способы защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки. Так, действующая редакция п. 3 ст. 431.1 ГК РФ наделяет сторон-субъектов предпринимательской деятельности правом самостоятельного определения последствий недействительности совершенных ими оспоримых сделок, что в целом соответствует тенденции формирования особых гражданско-правовых норм, регулирующих исполнение обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью. Вместе с тем, как было отмечено, указанное законодательное решение не может быть оценено положительно. Кроме того, далее будет указано и на невключенность такого соглашения в действующий процессуальный контекст, а также на сомнительность самого режима недействительности договоров, исполнение которых связано с предпринимательской деятельностью. В этой связи способами защиты прав и законных интересов сторон оспоримого договора, исполнение которого связано с их предпринимательской деятельностью, могут быть лишь меры ответственности и защиты, применяемые по общему правилу вместе с реституцией.

В числе предпринимательских способов защиты возможно выделение двух подгрупп: способов защиты, установленных нормативно (поименованные способы защиты), и способов, установленных самими сторонами такого оспоримого договора (непоименованные способы защиты). Ряд способов защиты прав и охраняемых законом интересов сторон оспоримого договора, исполнение которого связано с предпринимательской деятельностью, предусмотрен нормами гл. 60 и раздела III ГК РФ, которые они могут определять и (или) конкретизировать в своих соглашениях. Вместе с тем, принцип свободы договора, диспозитивность как фундаментальное начало гражданско-правового регулирования не исключают возможность сторон такого оспоримого договора предусмотреть в своих соглашениях о последствиях недействительности сделки и

иные способы защиты. Это может быть возмещение убытков как следствие недействительности сделок по тем основаниям, где такая возможность прямо не предусмотрена законом; непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств и т.д.¹

Важно заметить, что во многом классификационное деление осуществляется по тем критериям, которые определяются спецификой исследования, его целью и задачами. В этой связи не исключено существование и иных, не рассмотренных классификаций способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки.

3.3 «Иные» (п. 2 ст. 167 ГК РФ) и «другие» (ст. 168, 169 ГК РФ) способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки

Нормами о недействительности сделок предусматриваются и иные защитные конструкции, помимо ранее рассмотренных. Возможность их применения предусмотрена п. 2 ст. 167, ст. 168 и ст. 169 ГК РФ, в которых законодателем для их характеристики используется термин «последствия». Так, согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. Близкое по форме лексического выражения положение содержится и в п. п. 1, 2 ст. 168 ГК РФ, где в качестве альтернативы признанию сделки оспоримой (п. 1 ст. 168 ГК РФ) или ничтожной (п. 2 ст. 168 ГК РФ) предусмотрена возможность применения судом других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки, если такая возможность следует из закона. Согласно ст. 169 ГК РФ суд может применить иные последствия, установленные законом, в случае

¹ См.: Гончарова В.А. Система и классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки // Юридические исследования. 2019. № 7. С. 68–79.

совершения и (или) исполнения сторонами сделки с целью, противной основам правопорядка или нравственности.

Обзор отечественной юридической литературы, посвященной недействительности сделок, свидетельствует о крайне незначительном внимании исследователей к вопросам определения круга правовых средств, составляющих содержание «иных последствий недействительности сделки» (п. 2 ст. 167 ГК РФ), «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) и «иных последствий, установленных законом» (ст. 169 ГК РФ). Подобное положение в условиях высокой значимости правовых норм о недействительности сделок для всего гражданского оборота нельзя признать удовлетворительным.

«Иные последствия недействительности сделки» (п. 2 ст. 167 ГК РФ) в литературе определяются как специальные последствия недействительности сделки¹. Их применение, как следует из п. 2 ст. 167 ГК РФ, возможно в том случае, если законом предусмотрены некоторые иные способы защиты прав и законных интересов участников недействительной сделки, вместо реституции – общего последствия недействительности сделок. Указание на то, что данные последствия наступают в результате недействительности сделки, свидетельствует о том, что к таковым, по верному утверждению Д.О. Тузова, нельзя отнести признание сделки недействительной, поскольку такое признание лишь делает возможным применение данных последствий².

Анализ юридической литературы свидетельствует об отсутствии единства в понимании способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, охватываемых понятием «иные последствия недействительности сделки». Так, ряд авторов к числу «иных последствий недействительности сделки» относят прекращение действия сделки на будущее

¹ См.: Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 68 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. С. 37–40.

² Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 417-418 (автор комментария – Тузов Д.О.).

время¹, с чем вряд ли можно согласиться. По смыслу п. 3 ст. 167 ГК РФ прекращение действия сделки на будущее время выступает лишь одной из установленных законом форм утраты ею юридической силы наряду с общей формой признания сделки недействительной с обратной силой.

По мнению Л.В. Санниковой, к «иным последствиям недействительности сделки» относится отказ в защите лицу, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки и в этой связи после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно². Высказанная позиция представляет научный интерес, однако не может быть признана достаточно обоснованной. Отказ в защите по правилу абз. 2 п. 1 ст. 167 ГК РФ выступает не последствием самой недействительности сделки, а следствием лишь недобросовестного поведения лица.

Комментируя положения ст. 167 ГК РФ, С.Л. Игнатов указывал, что соответствующие «иные» последствия недействительности сделки представляют собой возмещение убытков в размере реального ущерба³. Данное положение вряд ли можно признать основанным на законе. Формулировка п. 2 ст. 167 ГК РФ свидетельствует об альтернативности «иных последствий недействительности» по отношению к реституции, но не о совместном их применении.

Есть основания согласиться с Н.Д. Титовым, по мнению которого «лексическая единица приведенной нормы закона (п. 2 ст. 167 ГК РФ – В.Г.) «если иные последствия недействительности не предусмотрены законом» не может быть истолкована иначе как возможность применения иных последствий, предусмотренных законом вместо реституционных, но не наряду с

¹ Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный). 2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2016.

² Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к главам 6-12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2014.

³ Игнатов С.Л. Комментарий к подразделу 4 «Сделки. Решения собраний. Представительство» раздела I «Общие положения» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 9 «Сделки», 9.1 «Решения собраний» и 10 «Представительство. Доверенность»)» (постатейный). 2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2013.

реституционным последствиями»¹. К таким «иным последствиям недействительности сделки», с точки зрения указанного ученого, следует отнести конфискацию в предусмотренных законом случаях (недопущение реституции), «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» (п. 2 ст. 168 ГК РФ), а также последствия, устанавливаемые самими сторонами оспоримой сделки после признания договора недействительным, исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ)².

В настоящее время установление круга «иных последствий недействительности сделки» вызывает определенные трудности. Прежнее законодательство о недействительности сделок, действовавшее до 2013 г., закрепляло многоэлементную совокупность таких последствий, чего нельзя сказать о действующей редакции ст. 167 ГК РФ.

Как было установлено, последствиями недействительности сделки, исходя из ее экономических причин, могут выступать только реституция (реституция владения и компенсационная реституция), а также возмещение убытков, которые направлены на равное имущественное соотношение последствий для сторон недействительной сделки и, следовательно, с точки зрения отраслевой принадлежности являются гражданско-правовыми. Под термином «последствия недействительности сделок» в этой связи должны пониматься лишь гражданско-правовые способы защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки, которые способствуют восстановлению их имущественной сферы, пострадавшей от недействительной сделки. Приемлемым и обоснованным исключением из указанного положения является правило п. 2 ст. 170 ГК РФ о том, что к сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

Односторонняя реституция, которая была предусмотрена утратившей силу редакцией ст. 169 ГК РФ, а также конфискация представляют собой публично-

¹ Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 68 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. С. 39.

² Там же. С. 40.

правовые защитные конструкции, не имеющие отношения к гражданскому праву в силу императивного метода их правового регулирования¹ и предусматриваемые законодателем как средство борьбы с конкретными правонарушениями. Доказательством данного тезиса является формулировка действующей редакции ст. 169 ГК РФ о том, то конфискация как последствие сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности, применяется в случаях, предусмотренных законом. В настоящее время нормы об изъятии имущества в доход государства, речь о которых идет в ст. 169 ГК РФ, установлены уголовным и административным законодательством. Согласно ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ² конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, полученного в результате совершения определенных преступлений. Близкая по содержанию норма содержится в ч. 1 ст. 3.7 Кодексе об административных правонарушениях РФ³, согласно которой конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения является принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Предусмотренная в ст. 169 ГК РФ конфискация, таким образом, выступает частным проявлением уголовно-правовой и административно-правовой конфискации и применяется по правилам публичного законодательства. Подобное толкование данной нормы снимает существовавшие в условиях прежней редакции коллизии⁴ в применении предусмотренной в ней

¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2009. Кн.1. С. 615 ; Сеницын С.А., Позднышева Е.В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 7–10 ; Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 36–45.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 17 июня. № 25, ст. 2954.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декаб. 2001 г. № 195–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 07 янв. № 1 (ч. 1), ст. 1.

⁴ Позиция о самостоятельности конфискации как способа защиты гражданских прав часто встречалась в литературе до внесения изменений в ст. 169 ГК РФ в 2013 г. (см., например: Гусенкова Ю.А. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 119–120). Такой подход был сформулирован и в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, где отмечалось, что «сохранение санкции ст. 169 ГК РФ оправданно прежде всего для тех случаев, когда то

конфискации, позволяет обеспечить отраслевую дифференциацию и определенность при применении конкретных гражданско-правовых и уголовно-правовых, административно-правовых санкций.

Трудно согласиться и с точкой зрения о квалификации в качестве «иных последствий недействительности сделки» тех «иных последствий недействительности договора», которые устанавливаются самими сторонами оспоримой сделки после признания его недействительным и исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ). Дело в том, что в приведенной правовой норме речь идет исключительно о возможности определения таких последствий указанными субъектами, но не о конкретных правовых конструкциях, определить круг которых возможно только методом толкования п. 3 ст. 431.1 ГК РФ. К ним, как было отмечено ранее, можно отнести меры ответственности, меры защиты (раздел III, гл. 60 ГК РФ), предусматриваемые *на случай* неисполнения или ненадлежащего исполнения реституционных обязательств. Вместе с тем, возможна ситуация, когда данные меры могут представлять собой основные последствия недействительности сделок и выступать частным случаем «иных последствий недействительности сделки». Так, как было отмечено ранее, стороны недействительной сделки и в частности стороны оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, имеют право на установление в договоре права на возмещение убытков при недействительности сделок, которое при отсутствии исполнения по сделке будет представлять собой основное последствие недействительности сделки.

«Другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) также часто определяются в литературе в качестве разновидности «иных последствий недействительности сделки» (п. 2 ст. 167

или иное общественно неприемлемое имущественное деяние не получает адекватной санкции в уголовном или административном праве, а также когда применение упомянутых санкций затруднено» (Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 65).

ГК РФ)¹, что представляется недостаточно обоснованным. Если в случае «иных последствий недействительности» в п. 2 ст. 167 ГК РФ речь следует вести о конкретных имущественных последствиях для сторон, наступающих в связи с недействительностью сделки, то в ст. 168 ГК РФ последствия наступают в связи с фактом нарушения нормы закона или иного правового акта². Данное обстоятельство дает основания полагать, что «другим последствием нарушения, не связанным с недействительностью сделки» по смыслу ст. 168 ГК РФ будет являться конкретная санкция за совершенное сторонами нарушение правовой нормы – мера юридической ответственности, мера защиты (не совпадающая с реституцией и возмещением убытков). Их применение в данном случае является формой реагирования государства на совершение сделки в противоречии с предписанием закона или иного правового акта.

Диспозитивный характер гражданско-правовой отрасли позволяет предположить, что чаще нарушаются предписания именно публично-правового характера³. По смыслу ст. 168 ГК РФ сделка, противоречащая закону или иному правовому акту, оспорима или ничтожна (в зависимости от нарушения ею публичных интересов и прав третьих лиц) и требует применения общего последствия недействительности. Однако в случае, если совершенная и (или) исполненная сторонами сделка формирует состав правонарушения (в частности, состав административного правонарушения или уголовного преступления), то последствием такой сделки будут выступать конкретные санкции, соответственно, административного или уголовного характера – меры ответственности.

Вместе с тем, встречаются случаи, когда в качестве санкции за правонарушение выступает частноправовая мера защиты. Так, Конституционным

¹ См.: Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 68 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. С. 39.

² Данное обстоятельство, однако, не отменяет необходимости доказывания нарушения прав и охраняемых законом интересов стороны сделки, иных и третьих лиц как условия недействительности сделки, противоречащей закону или иному правовому акту, что следует из общих предписаний ст. 166 ГК РФ.

³ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 25.10.2005 № 7322/05 по делу № А03-11262/03-19 ; Постановление Президиума ВАС РФ от 11.03.2014 № 16034/13 по делу № А53-17625/12 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019.

Судом РФ в качестве «другого последствия нарушения, не связанного с недействительностью сделки» рассматривается такая мера частноправовой защиты как возможность истребования имущества из владения добросовестного приобретателя при наличии условий, указанных в ст. 302 ГК РФ. Судом отмечается, что из ст. 168 ГК РФ, согласно которой сделка, не соответствующая требованиям закона, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий¹ нарушения, следует, что на сделку, совершенную с нарушением закона, не распространяются общие положения о последствиях недействительности сделки, если сам закон предусматривает «иные последствия» такого нарушения. Поскольку добросовестное приобретение в смысле ст. 302 ГК РФ возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество, последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения (виндикация).

На основании изложенного следует заключить, что под «другими последствиями нарушения, не связанными с недействительностью сделки» (ст. 168) следует понимать как публично-правовые, так и частноправовые меры защиты и меры ответственности (в уголовном и административном законодательстве – чаще наказания²), применяемые в качестве санкции за совершение правонарушения.

Теоретический и практический интерес вызывает соотношение «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» (п. 2 ст. 168 ГК РФ) и «иных последствий, установленных законом» (ст. 169 ГК РФ). Проанализировать соотношение данных последствий возможно, определив сферу

¹ Приводится прежняя редакция ст. 168 ГК РФ.

² В данном случае имеются в виду также и принудительные меры воспитательного воздействия, состоящие в принудительном направлении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ), поскольку, как указывается в литературе, такие меры соединяют в себе «элементы карательного и исправительного характера» (Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству – М.: НОУ Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. С. 138). Таким образом, эти меры близки к уголовному наказанию и входят в содержание уголовной ответственности.

действия оснований ничтожности сделок, предусмотренных п. 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ.

В литературе по вопросу о соотношении оснований недействительности сделок, предусмотренных п. 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ, сформировалось три точки зрения. Согласно первой, основанием ничтожности, предусмотренным ст. 169 ГК РФ, охватываются те сделки, которые не просто не соответствуют требованиям закона или иных правовых актов, а нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. Данный подход был закреплен в утратившем силу Постановлении Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22¹, но и в настоящее время встречается в юридической литературе². Вторая позиция является основанной на системном толковании ст. ст. 168 и 169 ГК РФ. Согласно ей положения ст. 169 ГК РФ вовсе не применяются к незаконным сделкам, а направлены на устранение из оборота лишь тех сделок, которые грубо посягают на интересы правопорядка и нравственные устои общества³. Верховный Суд РФ в разрешении данного вопроса пошел по иному, третьему пути. Так, согласно п. 85 Постановления Пленума ВС РФ № 25 в качестве сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой

¹ О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 ГК РФ : постановление Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 // Экономика и жизнь. 2008. № 18.

² См.: Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к главам 6-12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2014 (автор комментария – Илюшина М.Н.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2014.

³ См.: Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2015 ; Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011 (автор комментария – Михеева Л.Ю.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2011.

продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Очевидно, что большинство из перечисленных Верховным Судом РФ в приведенном пункте Постановления Пленума ВС РФ № 25 сделок, ничтожных как противных основам правопорядка или нравственности, ничтожны и по основанию противоречия закону, иному правовому акту, а также посягают на публичные интересы и интересы третьих лиц. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «установление в законе публично-правовой ответственности за совершение той или иной сделки равнозначно установлению прямого законодательного запрета... Иначе пришлось бы утверждать, что сделки, опосредующие продажу оружия, наркотиков, проституцию и иные подобные преступления и административные правонарушения, хотя и аморальны, но при этом закону формально не противоречат, что кажется просто нелогичным»¹. Изложенное позволяет утверждать об общем характере основания ничтожности, предусмотренного ст. 169 ГК РФ, по отношению к основанию п. 2 ст. 168 ГК РФ. Указанное положение очевидно и при анализе предусмотренной в ст. 169 ГК РФ конфискации как санкции, назначаемой судом не просто за сделку, противоречащую основам правопорядка или нравственности, но за сделку, совершением которой стороны допускают правонарушение (уголовное преступление, административное правонарушение).

Основание ст. 169 ГК РФ является общим и по отношению к сделкам, оспоримыми в связи с нарушением закона или иного правового акта (п. 1 ст. 168 ГК РФ), как также посягающими на основы правопорядка. Данное положение объясняется тем, что любое правонарушение в той или степени дестабилизирует

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 533 (автор комментария – Карапетов А.Г.).

публичный порядок. Оспоримость, а не ничтожность таких сделок обозначает лишь то, что их негативное воздействие на такой порядок не настолько «ощутимо» и опасно для него.

Предложенное Верховным Судом РФ толкование ст. 169 ГК РФ, таким образом, позволяет в совокупности сделок, противных основам правопорядка или нравственности, выделить две группы: сделки, совершение и (или) исполнение которых не составляет правонарушения и в качестве последствия которых предусматривается двусторонняя реституция (первое предложение ст. 169 ГК РФ)¹; сделки, последствием которых является конфискация или «иные последствия, установленные законом», применяемые «в случаях, предусмотренных законом», иными словами – при совершении преступления или административного правонарушения (второе предложение ст. 169 ГК РФ, конкретизированное в ст. 168 ГК РФ).

«Иные последствия, установленных законом» (ст. 169 ГК РФ), как представляется, включают в себя в качестве элемента «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки». Под такими «иными последствиями» также можно понимать меры публично-правовой и частноправовой ответственности, определяемые за совершение сделки, противоречащей закону или иному правовому акту как частному случаю сделки, противной основам правопорядка или нравственности (в частности, административные и уголовные наказания). Совокупность «иных последствий» составляют также и другие формы государственной реакции на антисоциальную и противозаконную сделку (судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ), меры процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ²) и т.д.).

¹ Подход законодателя, признающий недействительными сделки, совершенные с целью, противоречащей основам правопорядка или нравственности и не составляющих правонарушения или преступления, вряд и может быть признан обоснованным. Указанное основание недействительности не характеризуется конкретностью, а значит, может внести путаницу в порядок защиты участников гражданского оборота, создать риск оспаривания любой сделки по столь широкому основанию (см.: Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 36–45).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. 24 декаб. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

Таким образом, можно заключить, что и ст. 168 ГК РФ, и ст. 169 ГК РФ за счет указания на «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» и «иные последствия, установленные законом» представляют собой примеры бланкетных правовых норм, отсылающих к санкциям преимущественно уголовного, административного и иного публичного законодательства. Указанные публично-правовые санкции не охватываются понятием способов защиты прав и охраняемых законом интересов, являющегося исключительно гражданско-правовым, способствуют только восстановлению публичного порядка, а следовательно, не включаются в систему способов защиты участников недействительной сделки. Санкции частноправового характера, охватываемые рассматриваемыми формулировками, входят в систему указанных способов защиты¹.

Нельзя не отметить, однако, определенную терминологическую неточность, допускаемую законодателем в ст. 169 ГК РФ. Как следует из анализа норм уголовного законодательства, конфискация, применяемая к осужденному в конкретном уголовном деле, является не наказанием, а иной мерой уголовно-правового характера, не выступающей альтернативой наказанию, а применяемой наряду с ним в качестве дополнительного имущественного бремени, возлагаемого на осужденного. Данное положение, однако, никак не согласуется со ст. 169 ГК РФ, где применение конфискации исключает возможность применения иных последствий, установленных законом, в том числе мер юридической ответственности, и в частности, уголовных наказаний. Указанная межотраслевая «несостыковка» гражданского и уголовного законодательства указывает на необходимость согласования ст. 169 ГК РФ с публично-правовыми нормами аналогичной сферы действия.

Таким образом, из изложенного можно сделать вывод о том, что «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) и «иные последствия, установленные законом» (ст. 169 ГК РФ),

¹ См.: Гончарова В.А. К вопросу об отраслевой природе «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) и «иных последствий, установленных законом» (ст. 169 ГК РФ) // Российское правоведение: трибуна молодого ученого : сб. статей / отв. ред. В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – Вып. 19. С. 117–118.

представляют собой меры преимущественно публично-правовой ответственности¹. Возможность применения данных правовых санкций является очевидным свидетельством того, что нормы о недействительности сделок служат защите не только частных, но и публичных интересов.

3.4 Особенности защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки при осуществлении ими предпринимательской деятельности

Согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицом, зарегистрированным в установленном законом порядке. Как отмечается в литературе, указанные характеристики, а также профессиональный характер деятельности предпринимателя² предполагают формирование в законе особых правил об отказе от договора (ст. 310 ГК РФ), от ответственности за нарушение обязательств (ст. 401 ГК РФ)³.

Особенности предпринимательской деятельности повлияли и на правовое регулирование недействительности сделок в этой сфере. Так, согласно п. 2 ст. 431.1 ГК РФ сторона, которая приняла от контрагента исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе требовать признания договора недействительным, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям,

¹ См.: Гончарова В.А. Система и классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки // Юридические исследования. 2019. № 7. С. 68–79.

² См.: Предпринимательское право: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г.Ф. Ручкин. М. : ВГНА Минфина России, Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. С. 72–74.

³ См.: Илюшина М.Н. Новеллы ГК России об ответственности в обязательственных отношениях лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 43–48 ; Кванина В.В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 234–240 ; Рузанова В.Д. Обязательства, связанные с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности: проблемы дифференциации правового регулирования // Гражданское право. 2018. № 4. С. 18–20.

предусмотренным ст. ст. 173, 178 и 179 ГК РФ, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны. Согласно п. 3 данной правовой нормы в случае признания недействительным по требованию одной из сторон договора, который является оспоримой сделкой и исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, общие последствия недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ) применяются, если иные последствия недействительности договора не предусмотрены соглашением сторон, заключенным после признания договора недействительным и не затрагивающим интересов третьих лиц, а также не нарушающим публичных интересов.

Правовым нормам ст. 431.1 ГК РФ, ставшей результатом реформирования гражданского законодательства 2015 года, в юридической литературе была дана в целом позитивная оценка, с которой, однако, следует согласиться лишь отчасти. Бесспорно то, что сама идея предоставления субъектам гражданского права возможности определять последствия совершенных и исполненных ими недействительных сделок, соответствует основным началам гражданского законодательства – диспозитивности, свободе договора. Вместе с тем, действующее легальное оформление указанной возможности вызывает массу возражений как теоретического, так и практического характера.

Во-первых, как было отмечено ранее, абсолютно любая сделка с дефектом опасна для гражданского оборота. Такая сделка вне зависимости от того, кто является ее сторонами – предприниматели или физические лица, некоммерческие организации, – усложняет систему экономических связей, предопределяя тем самым единый режим правовой реакции. Именно такой режим был предусмотрен в программных документах реформах гражданского права, где право определять последствия недействительности исполненных недействительных сделок было предоставлено всем субъектам гражданских правоотношений. Вместе с тем, в дальнейшем при формулировании анализируемого правила законодатель необоснованно сузил сферу его действия до оспоримых договоров, исполнение которых связано с осуществлением их сторонами предпринимательской

деятельности. Помимо всего прочего, данное положение вряд ли согласуется и со ст. 307.1 ГК РФ.

Во-вторых, возражения вызывает и легальное оформление ст. 431.1 ГК РФ. Как отмечается в п. 1 данной статьи, положения ГК РФ о недействительности сделок (§2 гл. 9) применяются к договорам, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров и данной статьей. В условиях действия данного правила в литературе обсуждается вопрос о соотношении норм абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ и п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, решаемый в пользу общего характера первой нормы по отношению ко второй¹. Подобное толкование на первый взгляд предполагает, что принятие исполнения по сделке выступает одной из форм подтверждения ее действия. Этот подход уточняется А.Г. Карапетовым: «Ратификация (договора, исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности – В.Г.) отсутствует, если соответствующее волеизъявление поражено пороком воли; право на оспаривание блокируется только тогда, когда ратификация происходила после того, как лицо узнало или должно было узнать о наличии оснований для оспаривания, а в случаях с пороками воли исчезли те обстоятельства, которые искажали волю на момент заключения договора; не всегда оспаривание договора после принятия исполнения от другой стороны является непоследовательным и противоречивым поведением, а такое принятие – ратификацией»².

Представляется, высказанную автором позицию следует признать обоснованной. Вместе с тем, сформулированные им характеристики принятия исполнения вытекают не из п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, а являются результатом авторского толкования. По смыслу абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ в предмет доказывания по делу о недействительности сделки входит реальное или потенциальное знание об основаниях недействительности сделки. Доказанность

¹ См.: Витрянский В.В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е издание, исправленное и дополненное. Статут, 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2018; Поваров Ю.С. Особенности недействительности предпринимательского договора // Юрист. 2016. № 8. С. 9–10.

² Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 949 (автор комментария – Карапетов А.Г.).

данного обстоятельства влечет подтверждение (одобрение) сделки стороной, которая знала или должна была знать о нем, и выступает основанием отказа в признании сделки недействительной и в применении последствий ее недействительности. По делу о признании недействительным договора между предпринимателями в предмет доказывания, исходя из смысла п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, будет входить не знание об основании недействительности, а лишь факт принятия исполнения. Сложная организация юридического лица, появление информации об основании недействительности сделки после принятия исполнения по ней может блокировать право субъекта предпринимательской деятельности на оспаривание договора без учета его знания об основаниях недействительности сделки. Подобное положение, безусловно, противоречит принципам справедливости и соразмерности в применении юридических санкций.

Очевидно, также, что п. 2 ст. 431.1 ГК РФ предусматривает лишь один из возможных способов подтверждения сделки – принятия исполнения по ней. Получается, что при ратификации действия договора иными способами (например, обмена документацией, необходимой для исполнения договора, согласованием порядка исполнения) действие п. 2 ст. 431.1 ГК РФ исключается. В то же время в силу п. 1 данной статьи применению не подлежит и абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, устанавливающий более справедливые правила подтверждения сделки.

Нельзя не обратить внимание и на еще один спорный аспект анализируемой правовой нормы. Введением общего правила об оспоримости сделок, не соответствующих требованиям закона или иного правового акта, была признана необходимость для участников оборота в ее оспаривании, без которого сделка выступает вполне действительным юридическим фактом. Изложенное приводит к формально обоснованному выводу о том, что своими действиями стороны могут легализовать незаконную сделку, что, безусловно, противоречит идее о незаконных сделках как разновидности недействительных¹.

¹ См.: Егорова М.А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа *estoppel* в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2014. № 1. С. 15.

Следует также отметить, что в условиях действующей редакции ст. 168 ГК РФ очевидна необходимость для правоприменителя каждый раз при анализе конкретной правовой ситуации, связанной с фактом нарушения совершенной сделкой правового акта, устанавливать, является ли такая сделка ничтожной. В рамках анализа п. 2 ст. 431.1 ГК РФ отмеченное обстоятельство свидетельствует о возможном возникновении в деятельности сторон неопределенности относительно их права подтверждать действие сделки в силу незнания сторон об истинном статусе незаконной сделки (ничтожной или оспоримой) до вынесения решения суда. Все изложенное указывает в пользу необходимости исключения п. 2 ст. 431.1 ГК РФ из действующего ГК РФ.

С практической точки зрения определенные возражения вызывает редакция п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, который устанавливает, что общие последствия недействительности сделки применяются, если иные последствия недействительности договора не предусмотрены соглашением сторон, заключенным после признания договора недействительным и не затрагивающим интересов третьих лиц, а также не нарушающим публичных интересов. В условиях функциональной связи требований о признании договора недействительным и о применении последствий его недействительности анализируемое правило п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, как представляется, нуждается в осмыслении с позиции тех процессуальных институтов, нормами которых опосредуется заключение указанных договоров, иными словами – с позиции включенности предписания п. 3 ст. 431.1 ГК РФ в действующий процессуальный контекст. Поиск ответа на представленный вопрос особенно важен в условиях повсеместного развития и совершенствования как гражданского¹, так и гражданского процессуального законодательства².

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6–100.

² См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2019.

Анализ отечественной цивилистической литературы позволяет выделить четыре основные позиции по вопросу толкования анализируемого правила п. 3 ст. 431.1 ГК РФ в его взаимодействии с положениями процессуальных отраслей. Согласно первой позиции, сторонником которой является А.Г. Карапетов, «в комментируемой норме речь идет о соглашении, которое стороны заключают уже после того, как суд присудил реституцию. С учетом этого, такое соглашение должно оформляться и утверждаться в установленном порядке судом. В частности, в таком мировом соглашении стороны могут установить очередность возврата имущества при двусторонней реституции, договориться вовсе не осуществлять двустороннюю реституцию и оставить все «как есть»... и т.п.»¹. Как представляется, предложенное А.Г. Карапетовым толкование влечет возникновение парадоксальной ситуации: суд, руководствуясь императивными предписаниями закона, обязывает стороны к осуществлению двусторонней реституции, от исполнения которой они фактически могут быть освобождены заключением соглашения на стадии исполнения судебного решения. Такое соглашение при этом может полностью отличаться от решения, ранее вынесенного судом, предусматривая абсолютно «иные» последствия ее недействительности. Очевидно, что подобная ситуация ставит под сомнение авторитет судебного решения, его юридическую силу и преюдициальное качество, принципы обязательности и исполнимости судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ), а также противоречит причинам недействительности сделок.

Сторонником второй позиции является В.В. Груздев, который, толкуя положения п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, указывает на то, что в нем речь идет о том, что заключенное после признания сделки недействительной соглашение сторон о последствиях недействительности может служить основанием для изменения способа и порядка исполнения судебного решения². Однако анализ положений процессуального законодательства в части правового регулирования изменения

¹ Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 951 (автор комментария – Карапетов А.Г.).

² Груздев В.В. Согласованные действия в гражданском праве // Право и экономика. 2017. № 12. С. 24.

способа и порядка исполнения судебных решений свидетельствует о крайней негибкости законодателя в этом вопросе и о допустимости им изменения порядка исполнения лишь в самых исключительных случаях, связанных с наличием обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного решения (ч. 1 ст. 324 АПК РФ, ст. 434 ГПК РФ), с имущественным положением сторон (ч. 1 ст. 203 ГПК РФ).

Представителем третьей точки зрения является В.В. Витрянский, по мнению которого заключенное сторонами соглашение о применении последствий недействительности сделки рассматривается судом после признания сделки недействительной в следующем судебном процессе, которое откладывается в связи с заявлением сторон о заключении рассматриваемого соглашения¹. Вызывает сомнение то, как предлагаемое толкование согласуется с механизмом принятия судебного решения, в котором по смыслу ст. 198 ГПК РФ сразу разрешаются все требования, заявленные истцом. Кроме того, ученый не учитывает, что между признанием сделки недействительной и применением последствий ее недействительности образуется временной разрыв, который, с учетом загруженности отечественных судебных органов и реальных сроков разрешения гражданско-правовых споров, может быть крайне длительным. Остается также неясным, как в подобной ситуации будет решен вопрос о последствиях недействительности в случае утраты индивидуально-определенного имущества, начала процедуры банкротства одной из сторон недействительной сделки и проч.

По мнению представителя четвертой позиции – Д.Б. Абушенко, соглашение «о реституционных последствиях», возможность заключения которого предусмотрена в п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, выступает особым процессуальным договором. В качестве специфических механизмов его реализации автор предлагает выделять условные процессуальные соглашения и институт

¹ Витрянский В.В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е издание, исправленное и дополненное. Статут, 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2018. См. также: Карпова А.А. Процессуальные проблемы реализации прав сторон оспоримой исполненной сделки на заключение соглашения об иных последствиях ее недействительности // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 13–19.

раздельных судебных заседаний¹. Вместе с тем, Д.Б. Абушенко признает, что применение данных механизмов к соглашениям о реституционных последствиях требует значительной законодательной работы. Следует заметить также, что введение предлагаемых Д.Б. Абушенко изменений необходимо оценивать не только применительно к норме п. 3 ст. 431.1 ГК РФ, но и ко всему массиву правовых норм и процессуальных институтов, а значит, требует и детальной теоретической проработки.

Представляется, что сторонники указанных позиций всесторонне проанализировали процессуальные институты, которые могли бы служить способами оформления соглашений о последствиях недействительности сделок, упоминаемых в п. 3 ст. 431.1 ГК РФ. Исчерпывающий и многообразный, но в то же время противоречивый доктринальный анализ правила п. 3 ст. 431.1 ГК РФ о времени заключения рассматриваемого договора указывает на несоответствие указанного пункта ст. 431.1 ГК РФ действующему процессуальному законодательству и требует либо его изменения, либо, что предпочтительно, полного исключения из ГК РФ. Очевидна абсолютная невключенность нормы п. 3 ст. 431.1 ГК РФ в актуальную систему процессуальных правовых предписаний, способная привести к полной невозможности эффективной реализации прав и охраняемых законом интересов сторонами такого оспоримого договора.

Пункт 3 ст. 431.1 ГК РФ, помимо всего прочего, вызывает не только процессуальные, но и уже данные ранее критические замечания материально-правового характера, допуская возможность сторон договора «придумывать» собственные последствия его недействительности. Позитивной оценке указанной возможности препятствуют сами причины правовой регламентации недействительности сделок. Как было отмечено, единственными последствиями таких сделок могут выступать реституция, а также возмещение убытков, гарантирующие полную нейтрализацию «следов» такой сделки в действительных гражданско-правовых связях.

¹ Абушенко Д.Б. Соглашение о реституционных последствиях: размышления о процессуальных механизмах реализации правовой конструкции // Вестник экономического правосудия. 2018. № 12. С. 105.

Есть основания полагать, что с учетом изложенного в качестве новой редакции п. 3 ст. 431.1 ГК РФ может выступить общее указание на право сторон недействительной сделки заключать соглашения о порядке исполнения обязательств, возникающих из нее, и о его содержании¹:

3. Стороны недействительного договора вправе заключить соглашение о порядке исполнения обязательств, возникающих из недействительной сделки, утверждаемое судом в порядке, установленном процессуальным законодательством. Соглашением о порядке исполнения обязательств могут быть предусмотрены положения, касающиеся, в частности, взаимных уступок, сроков, последовательности их исполнения (гл. 22 ГК РФ), обеспечения их исполнения (гл. 23 ГК РФ), ответственности за неисполнение (гл. 25 ГК РФ).

В случае законодательного закрепления новой редакции п. 3 ст. 431.1 ГК РФ приемлемым способом процессуального оформления порядка исполнения обязательств из недействительной сделки может быть мировое соглашение (ст. 173 ГПК РФ, гл. 15 АПК РФ), представленное суду до вынесения им решения сторонами, желающими самостоятельно урегулировать вопрос об исполнении обязательств из недействительной сделки в случае признания ее недействительной. В случае заключения такого мирового соглашения определение о его утверждении выносится вместе с решением о признании сделки недействительной в одном судебном заседании². Суд в описательно-мотивировочной части решения о признании сделки недействительной указывает на заключение сторонами мирового соглашения по вопросу о порядке применения последствий недействительности сделки в виде реституции, возмещения убытков, иных избранных сторонами способов защиты. Определением об утверждении мирового соглашения прекращается производство

¹ Можно допустить, однако, что определенные исключения в возможности заключения таких соглашений могут быть сделаны в отношении публично-правовых образований – сторон недействительной сделки, что связано с выполняемыми ими общественно значимыми функциями.

² В юридической литературе не исключается возможность заключения мирового соглашения по части предъявленного иска (см.: Никулинская Н.Ф., Комментарий к главе 15 «Судебное разбирательство» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2019). Это также допускается на практике (п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9).

по требованию о применении последствий недействительности сделки (ч. 2 ст. 150 АПК РФ, ч. 3 ст. 174 ГПК). В случае, если представленное суду мировое соглашение нарушает права третьих лиц или публичные интересы, противоречит закону (в частности, предусматривает условия, не приводящие к полному восстановлению имущественных сфер сторон сделки), а также в случае, когда суд придет к выводу об отсутствии оснований признания сделки недействительной, выносится определение об отказе в утверждении мирового соглашения. Предложенное толкование п. 3 ст. 431.1 ГК РФ в новой редакции представляется необходимым изложить в актах толкования высшей судебной инстанции. Подобный подход при этом не исключает возможность сторон недействительной сделки определить порядок исполнения обязательств, возникающих из недействительной сделки, и на стадии исполнительного производства. В этом случае, однако, такое соглашение может быть заключено сторонами только с учетом высказанных ранее замечаний относительно его содержания.

В качестве итога следует заметить, что с точки зрения экономических и правовых причин недействительности сделок обоснованность установления особого режима недействительности договоров, исполнение которых связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, вызывает сомнения. Имеющееся же в этой части правовое регулирование (ст. 431.1 ГК РФ) видится во многом противоречивыми и непоследовательными.

3.5 Обеспечение исполнения обязательств из недействительной сделки

Признание сделки недействительной влечет необходимость применения последствий ее недействительности – реституции (при наличии совершенного по сделке исполнения), возмещения убытков, иных способов защиты. Все указанные требования составляют содержание обязательств из недействительной сделки, которые могут быть не исполнены должником в силу различных обстоятельств. Как отмечается И.Н. Мосечкиным и А.В. Махневой, недобросовестные действия участников гражданского оборота, утрата потребительской стоимости имущества, иные обстоятельства иногда создают ситуацию, при которой становится

возможной лишь одна из двух обратных передач имущества, вторая же по тем или иным причинам затруднена, что ведет в конечном итоге к дисбалансу прав сторон недействительной сделки¹.

Следует заметить, что проблема обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств в настоящее время приобретает все большую актуальность не только в сфере применения последствий недействительности сделок. По информации, содержащейся в Итоговом докладе о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов за 2018 год, «судебные акты частного правового характера являются наиболее трудноисполнимыми с точки зрения фактического взыскания денежных средств»². Отмечается также, что в 2018 году в Федеральную службу судебных приставов России поступило для принудительного исполнения 60,3 млн. исполнительных документов (на 102,5 тыс. больше, чем в 2017 году), что демонстрирует общую тенденцию роста количества поступающих исполнительных документов. При этом в условиях указанного роста доля исполнительных производств, где должники приступили к выполнению своих обязательств, составила всего 45,4 % от общего их количества³. Изложенное свидетельствует как о необходимости законодательного совершенствования механизмов принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам, в том числе по делам о применении последствий недействительности сделок, так и о высокой значимости частных правовых способов обеспечения исполнения обязательств, способных наиболее эффективно и быстро гарантировать защиту прав кредиторов.

Важное значение в представленной ситуации имеет и теоретическая оценка имеющихся правовых конструкций, гарантирующих исполнение обязательств. Так, в отечественной юридической литературе предлагается несколько вариантов разрешения проблемы обеспечения исполнения обязательств из недействительной сделки, и в частности, реституционных обязательств. По мнению М.Н. Комашко,

¹ Мосечкин И.Н., Махнев А.В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 25.

² Итоговый доклад о деятельности ФССП России в 2018 году [Электронный ресурс] // сайт Федеральной службы судебных приставов России. Электрон. дан. М., 2019. URL: <http://fssprus.ru/2598521/> (дата обращения: 02.05.2019).

³ Там же.

на основании судебного решения о применении последствий недействительности сделки выдается два исполнительных листа, которые в дальнейшем приводятся в исполнение независимо друг от друга, в результате чего «каждая сторона порочной сделки принуждается к исполнению судебного решения сама по себе и двусторонние отношения сторон сделки прерываются, на наш взгляд, совершенно искусственно»¹. Для разрешения данной проблемы автором предлагается дополнить п. 2 ст. 167 ГК РФ указанием на освобождение обязанного лица от обязанности возратить денежные средства в порядке исполнения реституционного обязательства в случае невозможности их возмещения на момент вынесения решения судом². Кроме того, М.Н. Комашко предлагается обратить внимание судов на необходимость проверки исполнимости решения о применении последствий недействительности сделки для сторон. На случай наступления неплатежеспособности стороны после вынесения судом решения о реституции автор указывает на важность внесения в ФЗ «Об исполнительном производстве» нормы об объединении исполнительных производств, возбужденных на основании встречных исполнительных листов³.

Не со всеми предложениями М.Н. Комашко можно согласиться. Так, совершенно не ясно, почему указанным автором вопрос об исполнении судебного решения, по существу носящий процессуальный характер, перенесен на стадию действия материального закона и материальных правоотношений. Принимая решение по делу о недействительности сделки, суд устанавливает основание недействительности, факт нарушения прав и охраняемых законом интересов, добросовестность сторон и иные значимые для дела обстоятельства, а затем признает сделку недействительной и постановляет применить последствия недействительности сделки. Перемещенное по недействительной сделке имущество составляет неосновательное обогащение получателя и должно быть возвращено первоначальному владельцу. Иной вариант разрешения данного вопроса привел бы к нарушению прав потерпевших лиц-сторон недействительной

¹ Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права : дис. канд. юрид. наук. М., 2010. С. 144 ; Она же. Надлежащее исполнение судебного решения о двусторонней реституции // Хозяйство и право. 2009. № 12. С. 59.

² Там же. С. 148, 158.

³ Там же. С. 161.

сделки, утративших имущество. Однако именно такой вариант развития событий допускается М.Н. Комашко, отмечавшей необходимость учета судом материального положения стороны по делу и его платежеспособность.

Интерес представляет последнее предложение М.Н. Комашко о некоем едином производстве по делу о применении последствий недействительности сделки. Вместе с тем, не только производство по делам о недействительности сделок характеризуется вынесением решения, возлагающего обязанности и на истца, и на ответчика. Создание нормы об объединении таких исполнительных производств закономерно потребует распространения сферы их действия и на иные, схожие, требования, что лишней раз осложнит процесс исполнительного производства. Данное положение подтверждается смыслом уже закрепленного сводного исполнительного производства¹, которое является исключительной процессуальной мерой и применяется «в целях защиты прав и интересов сторон исполнительного производства и своевременного правильного исполнения исполнительных документов»².

Обеспечением обязательств из недействительной сделки иногда называют сам принудительный характер двусторонней реституционной правовой связи³. С данным суждением не соглашается Д.О. Тузов, по мнению которого двусторонний характер реституции в условиях господствующей концепции недействительности сделок определенным образом извращен. «Поскольку двусторонняя реституция составляет разновидность более общего средства, а именно «применения последствий недействительности сделки», понимаемого как нечто единое с процессуально-правовой точки зрения, – пишет он, – то и сама она мыслится, как и прежде, при формировании ее концепции в советском праве, в смысле двусторонней, комплексной меры, подлежащей реализации в одном процессе и обращенной одновременно против обеих сторон, причем независимо

¹ Об исполнительном производстве : федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. 08 окт. № 41, ст. 4849.

² Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / А.В. Закарлюка, М.А. Куликова, И.В. Решетникова и др.; отв. ред И.В. Решетникова. М.: Статут, 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2018.

³ См.: Бычков А. Исполнение реституционного обязательства // ЭЖ-Юрист. 2017. № 29. С. 13 ; п. 29.5 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

от того, какая из них предъявляет иск и заявляет ли соответствующее требование другая сторона»¹. Д.О. Тузовым при этом не отрицается возможность возникновения трудностей, связанных с одновременным исполнением реституционных обязанностей. Разрешать их автором предлагается условным судебным решением о присуждении одной из сторон к реституции, «в котором указывалось бы, что оно подлежит принудительному исполнению только в том случае, если истец добровольно удовлетворит притязания ответчика и вернет ему полученное», а также приостановлением исполнения вынесенного решения. Данные правовые инструменты, по мнению Д.О. Тузова, могут быть применены, однако, либо при соответствующих изменениях действующего процессуального законодательства, либо формулировании разъяснений Верховным Судом РФ.

Вместе с тем, есть основания не согласиться с приведенными предложениями по изменению процессуального законодательства. Согласно ч. 5 ст. 198 ГПК РФ резолютивная часть решения суда должна содержать выводы суда об удовлетворении иска либо об отказе в удовлетворении иска полностью или в части, указание на распределение судебных расходов, срок и порядок обжалования решения суда. В литературе отмечается, что по смыслу приведенного законодательного положения, запрещено вынесение решений, исполнение которых ставится в зависимость от наступления или ненаступления определенных условий (условных решений): «первый и обязательный элемент резолютивной части решения – выводы суда по существу дела – содержит ответ органа правосудия на заявленное заинтересованным лицом требование о защите субъективных прав, свобод или законных интересов. Такой ответ должен быть четким, полным, определенным и безусловным»². Принцип безусловности (категоричности) является базовой характеристикой судебных решений, установленной законом, изменение которой существенным образом затронет всю

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 439 (автор комментария – Тузов Д.О.).

² Гражданский процесс. Особенная часть / Г.Л. Осокина. М. : Норма, 2007. С. 258. См. также: п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Рос. газ. 2003. № 260.

юрисдикционную сферу деятельности российских судов и вряд ли пойдет ей на пользу.

Что касается второго предложения Д.О. Тузова, то по смыслу ст. ст. 39-41 ФЗ «Об исполнительном производстве» перечень оснований приостановления исполнительного производства носит закрытый характер, и к ним не относится факт неисполнения одной из сторон своих обязанностей. При этом внесение предлагаемых автором изменений за счет расширения указанного перечня требует дополнительного и всестороннего анализа, предполагающего учет не только реституционных, но и иных обязанностей, к исполнению которых обязываются судебным решением участники гражданского оборота.

Обеспечение исполнения обязательств из недействительной сделки во всех вышеприведенных случаях рассматривалось лишь с публично-правового аспекта, на стадии гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. Вместе с тем, проблема исполнимости судебных решений и восстановления прав участников гражданского оборота не составляет проблемы исключительно сферы недействительности сделок, а свойственна всему механизму защиты прав и охраняемых законом интересов.

В сфере же материального частного права вопрос об обеспечении исполнения обязательств из недействительной сделки следует рассматривать применительно к использованию обеспечительных конструкций, предусмотренных п. 1 ст. 329 ГК РФ. Способы обеспечения исполнения обязательств из недействительной сделки могут быть закреплены 1) как в соглашениях о порядке их исполнения, 2) так и применяться при трансформации способов обеспечения исполнения договорных обязательств в способы обеспечения обязательств из недействительной сделки.

Согласно ст. 307.1 ГК РФ к реституционному требованию применяются общие положения об обязательствах, если иное не предусмотрено правилами гл. 60 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений. Как предусмотрено в п. 3 ст. 329 ГК РФ, при недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные

с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству. Примечательно, что исходя из буквального толкования данного положения следует его императивный характер, не предоставляющий сторонам сделки возможности отменить действие способов обеспечения при ее недействительности. подобное толкование, однако, вряд ли можно признать соответствующим принципу свободы договора и его толкованию высшей судебной инстанцией (п. п. 2, 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 16 «О свободе договора и ее пределах»¹). В целом же избранный законодателем подход, распространивший действие способов обеспечения исполнения обязательств на реституционные обязанности, возникшие при недействительности сделки, следует признать полностью обоснованным. В ситуации сложности обеспечения двустороннего характера реституции, потенциал способов обеспечения в деле защиты прав кредитора следует признать крайне полезным. Однако следует заметить, что обязательства из недействительной сделки не исчерпываются лишь реституционными. Исполнение обязательства по возмещению убытков, иных способов защиты прав и законных интересов сторон недействительной сделки также нуждается в обеспечении. Данное обстоятельство предопределяет необходимость изменения п. 3 ст. 329 ГК РФ за счет расширения круга обязательств, обеспечиваемых после признания сделки недействительной, для наиболее полной защиты интересов ее сторон.

Возможность обеспечивать исполнение обязательств из двусторонней реституции залогом² и поручительством³ признавалась в судебной практике и до введения в действия рассмотренных ранее законодательных новелл. При этом в контексте анализируемой проблемы важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Переданное по недействительной сделке имущество составляет неосновательное обогащение лица-стороны сделки, его получившей, следовательно, именно оно или – в случае передачи родовых вещей его

¹ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

² Абзац 2 п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

³ Пункт 15 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Экономика и жизнь. 2012. № 34.

материальный эквивалент – и должно быть возвращено в порядке реституции. При невозможности его возврата (реституции владения) вместо такого имущества в силу прямого указания закона необходимо предоставление денежного возмещения в порядке ст. 167 ГК РФ (компенсационная реституция). Как представляется, в приведенной ситуации исключается необходимость в использовании способов обеспечения реституции владения. Что касается случая компенсационной реституции, то здесь, думается, нет жестких препятствий предусмотреть сторонами соглашения об исполнении реституции, например, залог или поручительство. Универсальным способом обеспечения как для реституции владения, так и для компенсационной реституции можно считать неустойку, что признается на практике¹.

Однако правила п. п. 1, 3 ст. 329 ГК РФ о возможности обеспечения реституционных обязанностей распространяется не на все способы обеспечения обязательств. Во-первых, обязанность возвратить все полученное по сделке при признании ее недействительной не может быть обеспечена таким способом обеспечения как удержание (ст. 359 ГК РФ). Кондикционная природа реституции предполагает, что любое имущество, подлежащее возврату при недействительности сделки, составляет неосновательное обогащение удерживающего такое имущество лица, а следовательно, находится у него неправомерно и не может быть удержано. Двусторонняя реституционная правовая связь не характеризуется взаимностью и в этой связи не предполагает зависимости в исполнении одного требования от другого. Из данного положения исходит и С.В. Сарбаш, отмечая, что «право удержания, как и всякое право, возникшее на основании сделки, прекращается при признании такой сделки недействительной»².

¹ Пункт 64 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» // Рос. газ. 2016. № 70. Правовая природа неустойки неоднозначно определяется в литературе: ее квалифицируют как меру ответственности, так и как способ обеспечения исполнения обязательств. В настоящей работе за основу взят второй, законодательный, подход.

² Сарбаш С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 267. См. также: Марисина Е.П. Право удержания в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 118, 183.

Против указанного подхода возражает К.И. Скловский, по мнению которого, чтобы устранить неосновательное обогащение одной из сторон недействительной сделки, «следует согласиться с тем, что если фактически невозможен встречный возврат имущества, то одной из сторон может быть предоставлено право удержания имущества до предоставления ей компенсации, вплоть до ... продажи вещи по правилам, установленным для залога»¹. Подобно М.Н. Комашко, К.И. Скловский переносит разрешение вопроса о праве лица на его же собственную вещь из сферы материального права в сферу исполнительного производства, что представляется необоснованным. Кроме того, допущение удержания вещи-предмета недействительной сделки противоречит причинам недействительности сделок, поскольку не способствует разрешению правовой неопределенности в принадлежности имущества.

Во-вторых, недопустимым представляется применение для обеспечения обязательств из недействительной сделки таких непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств как государственная (муниципальная) гарантия, страхование и титульное обеспечение². Согласно ст. 115 Бюджетного кодекса РФ государственная и муниципальная гарантия представляет собой вид долгового обязательства, в силу которого Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование (гарант) обязаны при наступлении предусмотренного в гарантии события (гарантийного случая) уплатить лицу, в пользу которого предоставлена гарантия (бенефициару), по его письменному требованию определенную в обязательстве денежную сумму за счет средств соответствующего бюджета в соответствии с условиями даваемого гарантом обязательства отвечать за исполнение третьим лицом (принципалом) его обязательств перед бенефициаром. Указанные гарантии могут обеспечивать надлежащее исполнение принципалом его обязательства перед бенефициаром

¹ Скловский К.И. Так держать! О праве удержания против требований о реституции и виндикации вещи // Бизнес-адвокат. 2001. № 20 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2001. См. также: Южанин Н.В. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 125-126.

² Подробнее об указанных способах обеспечения см.: Гончарова В.А. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств : дис. м-ра юриспруденции. Томск. 2017. В целом же вопрос о возможности обеспечения обязательств непоименованными конструкциями не исследовался в литературе.

(основного обязательства), а также возмещение ущерба, образовавшегося при наступлении гарантийного случая некоммерческого характера¹. Публично-частная правовая природа рассматриваемого способа обеспечения² предполагает четкое определение обеспечиваемого обязательства, что означает невозможность автоматического распространения правила о действии государственных (муниципальных) гарантий на обязательства из недействительности первоначально обеспеченных соглашений. Недействительность сделки предполагает наличие нарушения чьих-либо прав и охраняемых законом интересов, что также делает невозможным и отдельное обеспечение обязательств из недействительной сделки за счет государственной (муниципальной) гарантии.

То же касается и страхования (личного, имущественного страхования, а именно, страхования имущества и страхования ответственности). Страховщик при заключении договора страхования выражает волю исключительно на страхование определенного объекта страхования и страхового риска, но не будущей недействительности сделки. Страхование на случай недействительности сделки представляется недопустимым и с точки зрения п. 1 ст. 928 ГК РФ: совершение и (или) исполнение недействительной сделки влечет применение мер защиты и ответственности к ее сторонам, а страхование не может защищать от таких последствий.

Титульное обеспечение (например, оговорка о сохранении права собственности за продавцом до момента полной оплаты товара (ст. 491 ГК РФ), сохранение права собственности за арендодателем по договору финансовой аренды (лизинга)) также не могут обеспечить исполнение реституционного обязательства, поскольку и так предполагают оставление имущества по сделке у одного из его первоначальных владельцев.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. 03 авг. № 31, ст. 3823.

² Правовая природа государственной (муниципальной) гарантии по-разному определяется в литературе: как сугубо частная (см.: Садиков О.Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 22), публичная (см.: Грачева И.В. Государственная гарантия: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008) и как частно-публичная (см.: Гришина С.Я. Публичная гарантия как правовое средство имущественной поддержки и обеспечения обязательства по банковскому кредиту субъекта социального предпринимательства // Банковское право. 2015. № 5. С. 19). Последняя точка зрения представляется более обоснованной (более подробно см.: Гончарова В.А. Указ. соч.).

Разновидностью титульного обеспечения являются и соглашения об обеспечительной (условной) купле-продаже недвижимости. Данная правовая конструкция допускается в цивилистической доктрине¹, в отдельных актах судебной практики Верховного Суда РФ² и, бесспорно, способна обеспечить полную защиту прав кредитора. Однако с позиции соответствия существу законодательного регулированию обязательств, связанных с отчуждением недвижимости, обеспечительная купля-продажа должна квалифицироваться как ничтожная сделка. Отечественной конструкции обеспечительной купли-продажи не свойственна, в силу отсутствия нормативной регламентации и адекватной практики применения, фидуциарность, подобно ее европейским аналогам³. В российской правовой действительности прежний собственник-должник при ее совершении утрачивает абсолютно все права на имущество, приобретает лишь право требования его возврата при надлежащем исполнении им обеспеченного обязательства. Новый же собственник – кредитор, право на вещь которого ограничено сроком действия договора с должником и, возможно, ограничено в части правомочия распоряжения, для всех третьих лиц выступает собственником вещи, пусть и переданной в обеспечение. Такой кредитор может произвести ее отчуждение, договор между ним и должником по определению не в состоянии ограничить эту возможность, поскольку с позиций гражданско-правовой доктрины он собственник, владелец абсолютного вещного права.

В этой связи модель обеспечительной передачи права собственности на недвижимость в современной правовой действительности может рассматриваться как противоречащая конструкции обязательства, связанного с отчуждением прав

¹ См.: Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 10-22 ; Усманова Е.Р. Современное понимание титульного обеспечения в российской и зарубежной практике // Об обеспечении обязательств: Сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. М.: ИЦП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 462–524.

² См.: Определение ВС РФ от 29.10.2013 г. № 5-КГ13-113 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ-прав. система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2019. Данное решение не свидетельствует о сформированном ВС РФ подходе по вопросу о допустимости конструкции обеспечительной купли-продажи. Напротив, как отмечается в литературе, судебная практика высшей судебной инстанции по данному вопросу отличается нестабильностью (см.: Бевзенко Р.С. Обеспечительная купля-продажа и залог. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 09.01.2018 № 32-КГ-33 // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 4–16).

³ См.: Зикун И.И. Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Юридическая пресса. Электрон. дан. М., 2016.

на недвижимость. В случае допущения обеспечительной передачи права собственности на недвижимое имущество такая система теряет свою ценность, становится достоверной лишь отчасти: складывается ситуация, когда в реестре указан собственник вещи, однако не содержится никаких указаний на временный характер его прав (ст. 9 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹).

В отношении требования о возмещении убытков по недействительной сделке, а также иных способов защиты, предусматриваемых сторонами в своих соглашениях, вопрос об обеспечении решается иначе. Природа данных требований преимущественно как простых денежных не препятствует возможности их обеспечения исполнения любыми способами из перечисленных в п. 1 ст. 329 ГК РФ, за исключением условной купли-продажи в силу приведенных соображений.

Таким образом, обеспечение исполнения обязательств из недействительной сделки достигается за счет установленных гражданским правом способов обеспечения исполнения обязательств (п. 1 ст. 329 ГК РФ). Их применение, однако, должно осуществляться с учетом причин недействительности сделок и особенностей конкретных обеспечительных конструкций².

¹ О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. 20 июля. № 29 (часть I), ст. 4344.

² См.: Гончарова В.А. Обеспечение исполнения обязательств, возникающих из недействительной сделки // Эволюция российского права: материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 26 апреля 2019 года) / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2019. С. 166–168.

Заключение

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Правовое регулирование недействительности сделок предопределено экономическими и правовыми причинами. Указанные причины находят отражение в конкретных правовых предписаниях и состоят в необходимости защиты как частных, так и в равной степени публичных интересов. Анализ данных причин позволяет четко обозначить цели регламентации недействительных сделок, а значит, обеспечить адекватное толкование имеющихся законодательных положений.

2. Экономические и правовые причины недействительности сделок свидетельствуют об определенной «вредности» сделок с дефектом для конкретных лиц и всего оборота, что в настоящее время нашло отражение в ст. 166 ГК РФ. Появление наряду с основанием недействительности сделки (дефектом) также и требования нарушения ею прав или охраняемых законом интересов стало результатом крупномасштабного реформирования гражданского законодательства в 2013 году, истоки которого были заложены в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ. При этом в отличие от традиционных гражданских правонарушений в виде причинения вреда или неосновательного обогащения, опасность которых состоит в умалении имущества, сделка с дефектом формирует состояние правовой неопределенности в динамике гражданских правоотношений (в связи с совершением такой сделки) и в принадлежности имущества тем или иным лицам (в связи с ее исполнением).

3. Совершение (или) исполнение сделки с дефектом, нарушающей права и законные интересы ее добросовестных участников, является сложным юридическим фактом, влекущим возникновение охранительного гражданско-правового отношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Субъектами данного правоотношения являются потерпевший (сторона недействительной сделки, иное или третье лицо) и нарушитель (нарушители) – сторона (стороны) недействительной сделки.

Объектом правоотношения по защите выступает имущественная сфера потерпевшего, которая подвергается негативному влиянию совершенной и (или) исполненной сделки, а также иногда – публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия. Содержанием правоотношения является охранительное право на защиту, обращенное к суду, и охранительная обязанность нарушителя (нарушителей) претерпеть негативные последствия совершенной и (или) исполненной им (ими) сделки.

4. Стороны недействительной сделки представляют собой участников правоотношения по защите их прав и охраняемых законом интересов, наделенных правом на защиту посредством максимально полного, в сравнении с иными участниками недействительной сделки, набора способов защиты, не подлежащего передаче другим лицам, а также претерпевающих материальные последствия при изменении юридической судьбы сделки.

5. Иные лица как участники недействительной сделки представляют собой субъектов гражданского права, приобретающих право на признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности вследствие ее непосредственного или опосредованного негативного влияния на их имущественную сферу или ее влияния на публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия. Под третьими лицами следует понимать таких участников недействительной сделки, которые, в отличие от иных лиц, не наделяются правом самостоятельного заявления требований о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности сделки, однако также могут подвергаться ее негативному воздействию в виде создания ею правовой неопределенности в их имущественной сфере.

6. Система способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки представляет собой единую, открытую совокупность связанных между собой способов защиты, целью которых является защита прав и законных интересов участников недействительной сделки. Элементами данной системы выступают способы защиты: признание сделки

недействительной (с обратной силой; на будущее время), признание ничтожной сделки действительной, возврат сторон сделки в первоначальное положение (реституция), возмещение убытков, «иные последствия недействительности договора» (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ), а также иные способы защиты участников недействительной сделки.

7. Применяемые для защиты участников недействительной сделки способы при этом возможно классифицировать по выполняемым данными способами функциям, сфере их действия, характеру, а также сфере деятельности сторон недействительной сделки. В последней классификации следует выделять две группы в зависимости от оснований возникновения способов защиты.

8. «Иные последствия недействительности сделки» (п. 2 ст. 167 ГК РФ) следует квалифицировать, в частности, в качестве мер ответственности при неисполнении обязательств из недействительной сделки (гл. 25, гл. 60 ГК РФ) либо мер защиты (гл. 23 ГК РФ), которые могут определяться самими сторонами оспоримого договора, исполнение которого связано с их предпринимательской деятельностью (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ). «Иные последствия, установленные законом» (ст. 169 ГК РФ) являются общей категорией по отношению к «другим последствиям нарушения, не связанным с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) и представляют собой меры преимущественно публично-правовой ответственности.

9. С точки зрения экономических и правовых причин недействительности сделок введение особого режима недействительности договоров, исполнение которых связано с предпринимательской деятельностью их сторон, представляется недостаточно обоснованным. Кроме того, положения ст. 431.1 ГК РФ противоречат общеправовому принципу справедливости (п. 2), а закрепленная в п. 3 указанной статьи возможность применять «иные последствия недействительности сделок» вместо реституции не имеет надлежащей процессуальной формы.

10. Обеспечение исполнения обязательств из недействительной сделки достигается за счет предусмотренных законом способов обеспечения исполнения

обязательств (п. 1 ст. 329 ГК РФ). Их применение должно осуществляться с учетом причин недействительности сделок и особенностей конкретных обеспечительных конструкций.

Необходимость переосмысления имеющихся доктринальных положений, касающихся недействительности сделок, и осмысления итогов реформирования гражданского законодательства, предопределяют актуальность темы диссертации и сформулированных в ней выводов. Представляется, что дальнейшие исследования могут быть посвящены проблемам действия принципа свободы договора в сфере недействительности сделок, особенностям защиты отдельных участников недействительных сделок (иных и третьих лиц: попечителя, супругов, участников производства по делу о банкротстве юридического лица и др.) и т.д.

Список использованных источников и литературы

Источники

Нормативные акты

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Определение КС РФ от 08.06.2004 № 226-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.
3. Определение КС РФ от 15.04.2008 № 289-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.
4. Определение КС РФ от 22.03.2012 № 558-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.
5. Определение КС РФ от 17.06.2010 № 882-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – 29 июля. – № 30, ст. 3012.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – 03 авг. – № 31, ст. 3823.
8. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – 24 мар. – № 12, ст. 1383.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – 05 дек. – № 32, ст. 3301.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 нояб. 2001 г. № 146–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – 03 дек. – № 49, ст. 4552.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. №3138–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – 18 нояб. – № 46, ст. 4532.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декаб. 2001 г. № 195–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – 07 янв. – № 1 (ч. 1), ст. 1.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декаб. 1995 г. № 223–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – 01 янв. – № 1, ст. 16.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25, ст. 2954.
15. О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – 05 дек. – № 6, ст. 492.
16. О налоговых органах : закон РФ от 21.03.1991 № 943–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – 11 апр. – № 15, ст. 492.
17. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – 15 янв. – № 3, ст. 140.
18. Об акционерных обществах : федеральный закон от 26.12.1995 № 208–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1996. – 01 янв. – № 1, ст. 1.
19. О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12.01.1996 № 7–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1996. – 15 янв. – № 3, ст. 145.
20. О свободе совести и религиозных объединениях : федеральный закон от 26.09.1997 № 1250–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1997. – 29 сент. – № 39, ст. 4465.

21. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон от 08.02.1998 314–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – 16 февр. – № 7, ст. 785.

22. О почтовой связи : федеральный закон от 17.07.1999 № 176–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 1999. – 29 июля. – № 29, ст. 3697.

23. О приватизации государственного и муниципального имущества : федеральный закон от 21.12.2001 № 178–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – 28 янв. – № 4, ст. 251.

24. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26.10.2002 № 127–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 2002. – 28 окт. – № 43, ст. 4190.

25. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федеральный закон от 14.11.2002 № 161–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – 02 дек. – № 48, ст. 4746.

26. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : федеральный закон от 10.01.2003 № 18–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – 13 янв. – № 2, ст. 170.

27. О связи : федеральный закон от 07.07.2003 № 126–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 2003. – 14 июля. – № 28, ст. 2895.

28. О защите конкуренции : федеральный закон от 26.07.2006 № 135–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 2006. – 31 июля. – № 31 (1 ч.), ст. 3434.

29. Об автономных учреждениях : федеральный закон от 03.11.2006 № 174–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 2006. – 06 нояб. – № 45, ст. 4626.

30. Об исполнительном производстве : федеральный закон от 02.10.2007 № 229–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.– 2007. – 08 окт. – № 41, ст. 4849.

31. Об опеке и попечительстве : федеральный закон от 24.04.2008 № 48–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – 28 апр. – № 17, ст. 1755.

32. Об инвестиционном товариществе : федеральный закон от 28.11.2011 № 335–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – 05 дек. – № 49 (ч. 1), ст. 7013.

33. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 07.05.2013 № 100–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – 13 мая – № 19, ст. 2327.

34. О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13.07.2015 № 218–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – 20 июля – № 29 (часть I), ст. 4344.

35. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28.11.2018 № 451–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – 03 дек. – № 49 (часть I), ст. 7523.

36. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Литература

Монографии, книги, статьи

37. Абушенко Д.Б. Соглашение о реституционных последствиях: размышления о процессуальных механизмах реализации правовой конструкции / Д.Б. Абушенко // Вестник экономического правосудия. – 2018. – № 12. – С. 98–115.

38. Автаева О.Ю. Противоправность как выражение юридической сущности гражданских правонарушений / О.Ю. Агеева // Юридическое образование и наука. – 2004. – № 2. – С. 19–21.

39. Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников

М.М., Шадрина Е.Г. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный). 2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2016. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

40. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 565 с.

41. Андреев В.К. Сделка и ее недействительность / В.К. Андреев // Юрист. – 2014. – № 1. – С. 8–12.

42. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2010. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

43. Байбак В.В. Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте / В.В. Байбак // Объекты гражданского оборота. – М.: Статут, – 2007 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2007. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

44. Бакаева О.Ю. О соотношении частных и публичных интересов / О.Ю. Бакаева, Н.А. Погодина // Журнал российского права. – 2011. – № 4. – С. 36–47.

45. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2018. – № 1. – С. 10–22.

46. Бевзенко Р.С. Обеспечительная купля-продажа и залог. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 09.01.2018 № 32-КГ-33 / Р.С. Бевзенко // Вестник экономического правосудия. – 2018. – № 8. – С. 4–16.

47. Белов В.А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: Практическое пособие. «Юрайт». 2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2014. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

48. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2009. – 845 с.

49. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юриздат, 1950. – 366 с.

50. Бутнев В.В. Несколько замечаний к дискуссии о теории охранительных правоотношений / В.В. Бутнев // Вопросы теории охранительных правоотношений: Материалы науч. конф. / [Редкол. : Е.А. Крашенинников (отв. ред.) и др.]. Ярославль. 1991. – С. 7–10.

51. Бычков А. И. Исполнение реституционного обязательства / А.И. Бычков // ЭЖ-Юрист. 2017. № 29 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2017. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

52. Бычков А.И. Реституционное обязательство в гражданском обороте / А.И. Бычков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2013. – № 7. – С. 79–88.

53. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. – 360 с.

54. Васенева М.А. О признании сделки недействительной / М.А. Васенева // Бизнес в законе. 2009. – № 5. – С. 176–178.

55. Васильева Г.Д. Защита ответчика против иска в гражданском судопроизводстве. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. – 108 с.

56. Васильчикова Н.А. Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве / Н.А. Васильчикова // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 97–101.

57. Веблен Т.Б. Теория праздного класса: Пер. с англ. / Вступ. ст. и прим. С.Г. Сорокиной; Общ. Ред. В.В. Мотылев. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.

58. Ведяшкин С.В. Охранительная функция административного права: концепт и реализация / С.В. Ведяшкин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 26. – С. 33-44.

59. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е издание, исправленное и дополненное. М, «Статут». 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

60. Воронина С. В. Виды волеизъявления по гражданскому законодательству: доктринальный подход и правоприменительная практика / С. В. Воронина, Т. А. Филиппова // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 3 (94). – С. 86–90.

61. Гончарова В.А. Возмещение убытков как следствие недействительности сделки: проблемы гражданско-правовой доктрины / В.А. Гончарова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 10. – С. 56–65.

62. Гончарова В.А. Возмещение убытков как следствие недействительности сделок / В.А. Гончарова // Российское правоведение: трибуна молодого ученого : сб. статей / отв. ред. В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета. – 2018. – Вып. 18. – С. 109–110.

63. Гончарова В.А. Институт недействительности сделок как гарантия реализации принципа свободы договора / В.А. Гончарова // Юрист. – 2018. – № 12. – С. 26–31.

64. Гончарова В.А. К вопросу об отраслевой природе «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) и «иных последствий, установленных законом» (ст. 169 ГК РФ) // Российское правоведение: трибуна молодого ученого : сб. статей / отв. ред. В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – Вып. 19. С. 117–118.

65. Гончарова В.А. Конструкция реституционного правоотношения в свете реформирования гражданского законодательства / В.А. Гончарова // Материалы 56-й международной научной студенческой конференции МНСК-2018: Государство и право. Новосибирск. – 2018. – С. 105–107.

66. Гончарова В.А. Нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие возникновения права на защиту участников оспоримой сделки / В.А. Гончарова // Вестник ТГУ. Право. – 2018. – № 28. – С. 115–125.

67. Гончарова В.А. Нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие недействительности оспоримой сделки: понятие, субъекты / В.А. Гончарова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : материалы всероссийской научно-практической конференции (Омск, 27 апреля 2018 г.) / отв. ред. Н.А. Резина, Е.Ф. Рашидов. – Омск : Омская юридическая академия. – 2018. – С. 49–53.

68. Гончарова В.А. О некоторых проблемах уступки права на оспаривание сделки в порядке сингулярного правопреемства / В.А. Гончарова // Материалы 57-й международной научной студенческой конференции МНСК-2018: Государство и право. Новосибирск, 2019. – С. 84–85.

69. Гончарова В.А. Обеспечение исполнения обязательств, возникающих из недействительной сделки / В.А. Гончарова // Эволюция российского права: материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 26 апреля 2019 года) / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2019. – С. 166–168.

70. Гончарова В.А. Правовые основания и условия недействительности сделки: понятие и соотношение / В.А. Гончарова // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, Е.С. Болтанова, Г.Г. Пашкова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – Ч. 76. – С. 8–10.

71. Гончарова В.А. Правоотношение по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки: понятие, элементы, особенности / В.А. Гончарова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12 (97). – С. 78–84.

72. Гончарова В.А. Проблемы определения субъектов права на оспаривание сделки / В.А. Гончарова // Право и политика. – 2019. – № 7. – С. 43-57.

73. Гончарова В.А. Публичные интересы как объекты защиты в деле о недействительности сделки / В.А. Гончарова // Традиции и новации в системе современного российского права. XVIII Международная научно-практическая конференция молодых ученых : сборник тезисов. – Москва : РГ-Пресс, 2019. – С. 261–262.

74. Гончарова В.А. Система и классификация способов защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки / В.А. Гончарова // Юридические исследования. – 2019. – № 7. – С. 68–79.

75. Гончарова В.А. Сущностный подход к основаниям недействительности сделок / В.А. Гончарова // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Том 15, № 3. – С. 372–377.

76. Гончарова В.А. Сфера и пределы действия общих положений об обязательствах в отношении требований о применении последствий недействительности сделки / В.А. Гончарова // Законодательство. – 2019. – № 1. – С. 6–14.

77. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» (под ред. Л.В. Санниковой). М., «Статут». 2016) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2016. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

78. Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к главам 6-12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2014. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

79. Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2010. – 703 с.

80. Гражданский процесс. Особенная часть / Г.Л. Осокина. – М. : Норма, 2007. – 958 с.

81. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Белова. – 2-е изд., стер. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 484 с.

82. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: «Статут», 2000. – 410 с.

83. Григорьева М.А. К вопросу о теории охранительных гражданских правоотношений / М.А. Григорьева // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2010. – № 6. – С. 170–174.

84. Григорьева М.А. О предметном и функциональном критериях разделения гражданско-правовых норм и отношений на регулятивные и охранительные / М.А. Григорьева // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2010. – № 3. – С. 183–189.

85. Гришина С.Я. Публичная гарантия как правовое средство имущественной поддержки и обеспечения обязательства по банковскому кредиту субъекта социального предпринимательства / С.Я. Гришина // Банковское право. – 2015. – № 5. – С. 16–22.

86. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга вторая: Отдельные аспекты защиты. «Юстинциформ». М., 2014 [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система.

87. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга первая: Общие положения. М., «Юстиинформ», 2014 [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система.

88. Груздев В.В. Согласованные действия в гражданском праве / В.В. Груздев // Право и экономика. – 2017. – № 12. – С. 21–27.

89. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2007. – 491 с.

90. Гутников О.В. Тезисы по вопросам круглого стола Юридического института «М-Логос» 12 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] / О.В. Гутников // Юридический институт «М-Логос». – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: <https://www.m-logos.ru/> (дата обращения: 09.09.2018).

91. Демкина А. При наличии отсутствия / А. Демкина // ЭЖ-Юрист. 2013. № 21 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2013. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

92. Дерхо Д.С. Недействительность сделок. Некоторые вопросы теории и практики / Д.С. Дерхо // Судья. – 2017. – № 9. – С. 54–56.

93. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.

94. Дождев Д.В. Удержание, законное владение и проблема приоритета / Д.В. Дождев // Юрист. – 2014. – № 19. – С. 9–15.

95. Долинская В.В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 13–17.

96. Егорова М.А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа *estoppel* в российском гражданском законодательстве / М.А. Егорова // Юрист. – 2014. – № 1. – С. 13–16.

97. Егорова М.А. Прекращение действия оспоримой сделки на будущее время как основание прекращения обязательств / М.А. Егорова // Гражданское право. – 2013. – № 6. – С. 11–15.

98. Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве / В.С. Ем // [Электронный ресурс] Законодательство. – 1999. – № 7 // Гарант : справ. правовая система.

99. Забоев К.И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах / К.И. Забоев // Закон. – 2015. – № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

100. Зикун И.И. Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы / И.И. Зикун // Вестник гражданского права. – 2016. –

№ 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2016. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

101. Зинченко С.А. Сделка и ее недействительность в доктрине, законодательстве и правоприменении / С.А. Зинченко, В.В. Галов // Законы России. – 2009. – № 4. – С. 90–101.

102. Игнатов С.Л. Комментарий к подразделу 4 «Сделки. Решения собраний. Представительство» раздела I «Общие положения» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 9 «Сделки», 9.1 «Решения собраний» и 10 «Представительство. Доверенность»)» (постатейный). 2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2013. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

103. Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : Учебное пособие. Свердловск, УрГУ. 1980. – 76 с.

104. Илюшина М.Н. Новеллы ГК России об ответственности в обязательственных отношениях лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность / М.Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 7. – С. 43-48.

105. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: «Юрид. лит.», 1975. – 880 с.

106. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ. Ленинград, 1955. – 308 с.

107. История и методология юридической науки : учебник / В.М. Сырых. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 463 с.

108. Итоговый доклад о деятельности ФССП России в 2018 году [Электронный ресурс] // сайт Федеральной службы судебных приставов России. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: <http://fssprus.ru/2598521/> (дата обращения: 02.05.2019).

109. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М. : Статут, 2016. – 528 с.

110. Карапетов А.Г. Сделки, совершенные в противоречии с

императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ / А.Г. Карапетов, Д.О. Тузов // Вестник гражданского права. 2016. № 5 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2016. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

111. Карпова А.А. Процессуальные проблемы реализации прав сторон оспоримой исполненной сделки на заключение соглашения об иных последствиях ее недействительности / А.А. Карпова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 4. – С. 13–19.

112. Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение / Д.Н. Кархалев // Налоги. – 2009. – № 27 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2009. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

113. Кванина В.В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности / В.В. Кванина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 234–240.

114. Киракосян С.А. О недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сфере договорных правоотношений / С.А. Киракосян // Юрист. – 2015. – № 6. – С. 21–26.

115. Коваленко Е. Ю. Последствия нарушения пределов свободы договора / Е. Ю. Коваленко, Т. А. Филиппова // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – №6 (98). – С. 62–67.

116. Козлова В.Н. Понятие публичных и частных интересов и их соотношение / В.Н. Козлова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 7. – С. 35–38.

117. Комашко М.Н. Надлежащее исполнение судебного решения о двусторонней реституции / М.Н. Комашко // Хозяйство и право. – 2009. – № 12. – С. 58–62.

118. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / А.В. Закарлюка, М.А. Куликова, И.В. Решентникова и др.; отв.

ред И.В. Решентникова. М.: Статут, 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

119. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

120. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 11. – С. 6–100.

121. Концепция реформирования общей части обязательственного права [Электронный ресурс] // сайт Исследовательского Центра Частного Права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – Электрон. дан. – М., 2019. – URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения: 15.01.2019).

122. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 4. – С. 9–101.

123. Корпоративное право: Учебный курс. Т.2. Отв. ред. И.С. Шиткина. М., «Статут». 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

124. Коуз Р. Природа фирмы // Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т. 2. Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа. 2000. – С. 11-33.

125. Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль, 1995. – 76 с.

126. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): Монография. М., «Инфотропик Медиа», 2015

[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

127. Кулаков В.В. Обязательственное право: учебное пособие. М.: РГУП, 2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2016. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

128. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

129. Мильков А.В. К теории охранительных гражданских правоотношений : учебное пособие. – Москва : Проспект, 2018. – 224 с.

130. Мосечкин И.Н. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции / И.Н. Мосечкин, А.В. Махнев // Российская юстиция. – 2018. – № 3. – С. 25–28.

131. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 134 с.

132. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. Избранные труды /Сергей Андреевич Муромцев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский ; Ин-т общественной мысли. 2010. – 599 с.

133. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110-1185, 1224 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Лого, 2018. – 656 с.

134. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат, 1954. – 245 с.

135. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требований) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2003. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

136. Одинцова М.И. Экономика права : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / М.И. Одинцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 345 с.

137. Осокина Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 158 с.

138. Останина Е.А. Определенные договором последствия недействительности сделки / Е.А. Останина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. № 17 (372). Право. – Вып. 43. – С. 108–117.

139. Останина Е.А. Реституция обременяет наследство. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.12.2017 № 308-ЭС17-14831 / Е.А. Останина // Вестник экономического правосудия. – 2018. – № 4. – С. 16–20.

140. Поваров Ю.С. Особенности недействительности предпринимательского договора / Ю.С. Поваров // Юрист. – 2016. – № 8. – С. 9–14.

141. Познер Р. Экономический анализ права. СПб. Экономическая школа. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева, 2004, в 2 т., Т. 1. – 544 с.

142. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2011. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

143. Практика применения ГК РФ, частей второй и третьей / Под общ. ред. В.А. Белова. -2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Юрайт»; «Юрайт-Издат», 2011 [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система.

144. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г.Ф. Ручкин. – М. : ВГНА Минфина России, Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – 892 с.

145. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 816 с.

146. Протасов В.Н. Охранительное правоотношение – основное отношение для юридического процесса / В.Н. Протасов // Вопросы теории охранительных правоотношений: Материалы науч. конф. / [Редкол. : Е.А. Крашенинников (отв. ред.) и др.]. Ярославль. 1991. – С. 10–12.

147. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1960. – 171 с.

148. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / И.З. Аюшеева, И.С. Богданова, Е.С. Болтанова и др.; отв. ред. В.В. Долинская. Москва:, Проспект, 2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

149. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. – 958 с.

150. Рузанова В.Д. Основные тенденции модернизации современного гражданского законодательства через призму проблемы обеспечения согласованности правового регулирования / В. Д. Рузанова // Власть Закона. – 2015. – № 4 (24). – С. 79–89.

151. Рузанова В.Д. Обязательства, связанные с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности: проблемы дифференциации правового регулирования / В.Д. Рузанова // Гражданское право. – 2018. – № 4. – С. 18–20.

152. Рыженков А.Я. Невмешательство в частные дела как принцип гражданского права / А.Я. Рыженков // Современное право. – 2013. – № 8. – С. 51–55.

153. Савенкова О.В. Возмещение убытков в современном гражданском праве. М.: Статут, 2006 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.

правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2006. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

154. Садиков О.Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве / О.Н. Садиков // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 19–28.

155. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1284 с.

156. Сергеев А.П. Исковая давность: отдельные противоречия правового регулирования и связанные с этим проблемы правоприменения / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2017. – № 2. – С. 36–47.

157. Сергеев А.П. Начало течения давности по иску из неосновательного обогащения / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко // Закон. – 2012. – № 7. – С. 79–84.

158. Сеницын С.А. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений / С.А. Сеницын, Е.В. Позднышева // Законодательство и экономика. – 2015. – № 5. – С. 7–10.

159. Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации / С.А. Сеницын // Юрист. – 2015. – № 19. – С. 32–39.

160. Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции / К.И. Скловский // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2002. – № 8 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2002. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

161. Скловский К.И. Так держать! О праве удержания против требований о реституции и виндикации вещи / К.И. Скловский // Бизнес-адвокат. – 2001. – № 20 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2001. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

162. Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1989. – 189 с.

163. Смирнов С.А. Оспаривание сделок наследодателя: вопросы теории и практики / С.А. Смирнов // Нотариус. – 2016. – № 2. – С. 8–12.

164. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1972. Т. 1. – 446 с.

165. Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т.1 / Илларионова Т.И., Кириллова М.Я. Красавичков О.А. и др.; Под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 544 с.

166. Солдатенко С.В. Применение исковой давности к искам о признании: опыт России и Германии / С.В. Солдатенко // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 6. С. 41–45.

167. Соломин С.К. Новеллы обязательственного права: постановка некоторых проблемных вопросов / С.К. Соломин // Закон. – 2015. – № 9 // Гарант : справ. правовая система.

168. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Прекращение обязательства по российскому гражданскому праву: теоретический очерк. М.: Юстицинформ, 2014. – 141 с.

169. Соломина Н.Г. Запрет на уступку требований, возникающих из охранительных обязательств / Н.Г. Соломина // Право и экономика. – 2018. – № 7 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

170. Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. М.: Юстицинформ [Электронный ресурс] // Гарант : справ. правовая система.

171. Степанов Д.И. Диспозитивность норм договорного права: к концепции реформы общих положений Гражданского кодекса РФ о договорах / Д.И. Степанов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 5. – С. 6–59.

172. Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев; под ред. А.В. Малько. – М. : Норма, 2008. – 495 с.

173. Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: монография. Томск : Томский государственный университета систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 264 с.

174. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.Н. Протасов. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 495 с.

175. Титов Н.Д. Основания ничтожности сделок по действующему гражданскому законодательству России / Н.Д. Титов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. – Ч. 72 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2017. – С. 32–33.

176. Титов Н.Д. Понятие противоправности поведения как существенного условия гражданско-правовой ответственности / Н.Д. Титов // Молодые ученые и специалисты – народному хозяйству: Сборник статей. Под ред. М.С. Кузнецова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1983. – С. 115–116.

177. Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок / Н.Д. Титов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 68 / ред.: В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина, С.К. Соломин, Г.Г. Пашкова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2016. – С. 37–40.

178. Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЭК, 1995. – 486 с.

179. Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики / А. Томилин // Хозяйство и право. – 1998. – № 8. – С. 105–109.

180. Тузов Д.О. Lex «quasi» perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях / Д.О. Тузов // Закон. 2015. № 9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

181. Тузов Д.О. Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк / Под редакцией Б.Л. Хаскельберга и В.М. Чернова. – Томск: Пеленг, 1998. – 72 с.

182. Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений Гражданского кодекса России / Д.О. Тузов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2011. – № 1. – С. 36–45.

183. Тузов Д.О. Реституция и реституционные правоотношения в гражданском праве России / Д.О. Тузов // Цивилистические исследования. Выпуск первый: Сборник научных трудов памяти профессора И.В. Федорова / Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М.: «Статут», 2004. – С. 213–245.

184. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2007. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

185. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Научное редактирование и вступительная статья В.С. Катькало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Катькало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова, Н.Н. Цытович. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с., с ил.

186. Усманова Е.Р. Современное понимание титульного обеспечения в российской и зарубежной практике / Е.Р. Усманова // Об обеспечении обязательств: Сборник статей к юбилею С.В. Сарбаша / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. – М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. – С. 462–524.

187. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. – М.: «ЮрИнфоР-Пресс», 2007. – 335 с.

188. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству – М.: НОУ Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. – 249 с.

189. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. – 239 с.

190. Хаскельберг Б.Л. Ответственность за нарушения планов и договора железнодорожной перевозки грузов. Томск. Изд-во Томского университета, 1981. – 224 с.

191. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

192. Чельшев Ю.В. О юридических конструкциях в Проекте изменений и дополнений в ГК РФ / А.В. Чельшев // Гражданское право. – 2013. – № 1.

193. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюридлит, 1962. – 160 с.

194. Чиркаев С.А. Проблемные аспекты недействительности завещаний / С.А. Чиркаев // Наследственное право. – 2017. – № 4 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2017. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

195. Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография / А.Ю. Чурилов. – М.: Юстицинформ, 2019. – 200 с.

196. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / В. П. Шахматов; Отв. ред. В. А. Носов; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, Юрид. фак. – Томск : Издательство Томского университета, 1967. – 306 с.

197. Шепель Т.В. Внедоговорные охранительные обязательства: состояние законодательства и цивилистической доктрины / Т.В. Шепель // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 205–213.

198. Шестакова Н.Д. Недействительность сделок / Науч. ред. докт. юрид. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ Н.А. Чечина – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 305 с.

199. Шлекин С.И. Проблема права: Философско-методологический аспект. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 275 с.

200. Эрделевский А. М. Об изменениях в правовом регулировании сделок / А. М. Эрделевский // Хозяйство и право. – 2015. – № 9. – С. 111–118.

201. Эрделевский А.М. О судебном подходе к злоупотреблению правом. 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Юридическая пресса. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

202. Ягельницкий А.А. Наследственное преемство в праве на оспаривание сделки / А.А. Ягельницкий // Вестник гражданского права. – 2010. – № 5. – С. 76–106.

203. Ягельницкий А.А. Право на оспаривание / А.А. Ягельницкий // Сделки, представительство, исковая давность: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров. – М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. – С. 159–245.

204. Яковлев В.Ф. Роль публичного и частного права в регулировании экономики / В.Ф. Яковлев, Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 5–17.

205. Bag S. Economic Analysis of Contract Law. Incomplete Contracts and Asymmetric Information. Palgrave Macmillan. 2018. – 215 p.

206. Blackhouse Roger E. Austrian Economics and the Mainstream: View from the Boundary // The Quarterly Journal of Austian Economics. Vol. 3. № 3 (summer 2000). – P.31–43.

207. Hamilton H. Walton. Property – According to Locke // Yale Law School Legal Scholarship Repository. 1932. – P. 864–880.

208. Harnay S., Marciano A. Posner, Economics and the Law: from Law and Economics to an Economic Analysis of Law // Journal of the History of Economic Thought. – 31 (02). 2009. – P.215–232.
209. Johan den Hertog. General Theories of Regulation. Encyclopedia of Law and Economics. – P. 223–270.
210. Klein G. Peter New Institutional Economics // Encyclopedia of Law and Economics. – P. 456–489.
211. Kovac M. Comparative Contract Law and Economics. Edward Elgar Publishing, Inc. 2011. – 392 p.
212. Mackaay E. History of Law and Economics. Encyclopedia of Law and Economics. – P. 65–117.
213. Mackaay E. Law and Economics for Civil Law Systems. Edward Elgar Publishing, Inc. 2013. – 549 p.
214. Mackaay E. Schools: General // Encyclopedia of Law and Economics. – P. 402–415.
215. Malenski T. A Critique of Law & Economics – an Austrian School Perspective // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. – 31 (44). – 2012. – P. 207–218.
216. Marciano A., Ramello B. Giovanni. Law and Economics in Europe and the U.S. The Legacy of Juergen Backhaus // The European Heritage in Economics and the Social Sciences. Volume 18. Springer. – 228 p.
217. Mathis K. Law and Economics in Europe: Foundations and Applications // Law and Economics in Europe. Volume 1. – 408 p.
218. Medema G. S., Mercurio N., Samuels J. Warren. Institutional Law and Economics // Encyclopedia of Law and Economics. – P. 418–455.
219. Miceli T. Economics of the Law. Oxford University Press. 1997. – 247 p.
220. North C. Douglass. Institutions // Journal of Economic Perspectives. Volume 5, № 1. 1991. – P. 97–112.
221. Polinsky M., Shavell S. Handbook of Law and Economics. Volume 1. 1st edition. North Holland. 2007. – 886 p.

222. Purnhagen K., Rott P. Varieties of European Economic Law and Regulation // Studies in European Economic Law and Regulation. Volume 3. Springer. – 883 p.

223. Rizzo Mario J. Austrian Mises and Lakatos: A Reformulation of Austrian Methodology // Method, Process, and Austrian Economics. Essays in Honor of Ludwig von Mises. – P. 53–72.

224. Schwartzstein Linda A. An Austrian Economic View of Legal Process // Ohio State Law Journal. Vol. 55. № 5. 1994. – P. 1049–1078.

225. Sima J. Praxeology as Law & Economics // Journal of Libertarian Studies. Volume 18. № 2 (Spring 2004). – P. 73–89.

226. Weigel W. Law and Economics in Austria // Encyclopedia of Law and Economics. – P. 118–127.

Авторефераты и диссертации

227. Алпатов А.А. Право человека на вознаграждение за труд в контексте соотношения экономики, права и справедливости : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Алексей Андреевич Алпатов. – Волгоград, 2005. – 194 с.

228. Андреева А.Г. Правовое регулирование экономических отношений: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Алиса Гарниковна Андреева. – Краснодар, 2006. – 204 с.

229. Архипов Д.А. Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Денис Анатольевич Архипов. – М., 2011. – 181 с.

230. Бакин А.С. Субсидиарность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Антон Сергеевич Бакин. – Томск, 2015. – 227 с.

231. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Андрей Васильевич Баранов. – Омск, 2017. – 26 с.

232. Баришпольская Т.Ю. Гражданские процесс и процедура (понятие, служебная роль, проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Татьяна Юльевна Баришпольская. – Томск, 1988. – 226 с.

233. Блинова М.А. Недействительность сделки, совершенной с целью противной основам правопорядка и нравственности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Марина Анатольевна Блинова. – М., 2003. – 179 с.

234. Брагинский М.И. Влияние других (третьих) лиц на социалистические правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Михаил Исаакович Брагинский. – Л., 1962. – 36 с.

235. Брезгулевская Л.К. Гражданско-правовое регулирование согласия лица на совершение сделки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Лидия Константиновна Брезгулевская. – СПб, 2016. – 19 с.

236. Вошатко А.В. Договор уступки требования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Антон Владимирович Вошатко. – Ярославль, 2009. – 243 с.

237. Голобородкина Е.В. Совершение оспоримой сделки как гражданское правонарушение : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Елена Вячеславовна Голобородкина. – Уфа, 2014. – 169 с.

238. Гончарова В.А. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств : дис. м-ра юриспруденции. – Томск. 2017. – 127 с.

239. Грачева И.В. Государственная гарантия: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Ирина Викторовна Грачева. – Воронеж, 2008. – 166 с.

240. Гусенкова Ю.А. Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Юлия Александровна Гусенкова. – М., 2013. – 152 с.

241. Девитаев А.Р. Правовые отношения в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Артур Ревальевич Девитаев. – Казань, 2006. – 175 с.

242. Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Сергей Дмитриевич Дмитриев. – Волгоград, 2012. – 27 с.

243. Добрачев Д.В. Соотношение гражданско-правовых категорий денежного долга и убытков : дис. канд. юрид. наук: 12.00.03/ Денис Викторович Добрачев. – М., 2013. – 173 с.

244. Дятлов Е.В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Евгений Владимирович Дятлов. – М., 2014. – 154 с.

245. Ершов Н.Н. Правовые пределы вмешательства российского государства в сферу экономики : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Никандр Николаевич Ершов. – Н. Новгород, 1999. – 191 с.

246. Зезекало А.Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Александр Юрьевич Зезекало. – Томск, 2008. – 221 с.

247. Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Денис Николаевич Кархалев. – Екатеринбург, 2010. – 404 с.

248. Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Денис Николаевич Кархалев. – Екатеринбург, 2003. – 180 с.

249. Керимова М.А. Уступка права требования в гражданском законодательстве России : дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Марина Алексеевна Керимова. – Ставрополь, 2002. – 172 с.

250. Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Марина Николаевна Комашко. – М., 2010. – 186 с.

251. Косач А.С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Алексей Сергеевич Косач. – Краснодар, 2007. – 212 с.

252. Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Марина Константиновна Кроз. – Саратов, 2001. – 169 с.

253. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Ольга Анатольевна Кузнецова. – Екатеринбург, 2007. – 430 с.

254. Кулакова В.Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15/ Виктория Юрьевна Кулакова. – М., 2001. – 25 с.

255. Лантух В.В. Исковая давность в современном гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Виктор Васильевич Лантух. – Волгоград, 1999. – 137 с.

256. Ларин А.А. Роль экономических факторов в развитии права : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Александр Александрович Ларин. – Нижний Н., 2007. – 167 с.

257. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Ксения Юрьевна Лебедева. – Томск, 2003. – 243 с.

258. Марисина Е.П. Право удержания в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Елена Петровна Марисина. – М., 2008. – 202 с.

259. Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Игорь Валентинович Матвеев. – М., 2002. – 192 с.

260. Мильков А.В. Правовое регулирование защиты прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Александр Васильевич Мильков. – Москва, 2015. – 442 с.

261. Мильков М.А. Обязательства с участием третьих лиц в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Максим Александрович Мильков. – М., 2010. – 179 с.

262. Михайлов С.В. Категория интереса в гражданском (частном) праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Семен Викторович Михайлов. – М., 2000. – 255 с.

263. Мякинина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03/ Алла Владимировна Мякинина. – М., 2005. – 32 с.

264. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Денис Васильевич Новак. – М., 2006. – 230 с.

265. Орехова Т.Р. Соотношение права и экономики (Общетеоретические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Татьяна Романовна Орехова. – М., 1999. – 164 с.

266. Параскевова Д.В. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Дина Владимировна Параскевова. – Краснодар, 2010. – 244 с.

267. Попондопуло В.Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Владимир Федорович Попондопуло. – СПб, 1981. – 19 с.

268. Почуйкин В.В. Основные проблемы уступки права требования в современном гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Валерий Викторович Почуйкин. – М., 2003. – 188 с.

269. Сарбаш С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Сергей Васильевич Сарбаш. – М., 1998. – 338 с.

270. Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных правах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Сергей Андреевич Сеницын. – М., 2017. – 61 с.

271. Сичинава Г.В. Ограничения применения реституции по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Григорий Владимирович Сичинава. – Саратов, 2008. – 192 с.

272. Терещенко Т.А. Понятие исковой давности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Татьяна Алексеевна Терещенко. – М., 2006. – 206 с.

273. Тимофеев Е.А. «Law and Economics»: учение о праве и государстве в США в XX веке : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Евгений Александрович Тимофеев. – Н. Новгород, 2016. – 181 с.

274. Торкин Д.А. Непоименованные способы обеспечения обязательств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Дмитрий Александрович Торкин. – Тюмень, 2005. – 182 с.

275. Тузов Д.О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.03/ Даниил Олегович Тузов. – Томск, 2006. – 66 с.

276. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Даниил Олегович Тузов. – Томск, 1999. – 211 с.

277. Фомичева О.В. Принцип полного возмещения убытков и его реализация в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Ольга Владимировна Фомичева. – Саратов, 2001. – 166 с.

278. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Феликс Соломонович Хейфец. – М., 1972. – 16 с.

279. Южанин Н.В. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Николай Вячеславович Южанин. – Рязань, 2001. – 213 с.

280. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03/ Андрей Сергеевич Яковлев. – Воронеж, 2003. – 26 с.

Судебная практика

281. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 ГК РФ : постановление Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 // Экономика и жизнь. – 2008. – № 18.

282. О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством : постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 // Экономика и жизнь. – 2012. – № 34.

283. О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5.

284. О некоторых вопросах применения законодательства о залоге : постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 4.

285. О примирении сторон в арбитражном процессе : постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 9.

286. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе : постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 5.

287. О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) : постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

288. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 6.

289. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой ГК РФ : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 28.02.1995 № 2/1 // Бюллетень ВС РФ. – 1995. – № 5.

290. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 // Рос. газ. – 1996. – № 152.

291. О некоторых вопросах применения главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 // Рос. газ. – 2017. – № 297.

292. О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 // Рос. газ. – 2012. – № 127.

293. О судебном решении : постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2003 № 23 // Рос. газ. – 2003. – № 260.

294. О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ : постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // Рос. газ. – 2015. – № 140.

295. О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 // Рос. газ. – 2016. – № 70.

296. Определение ВС РФ от 06.03.2013 № 32-КГ12-5 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

297. Определение ВС РФ от 07.03 2017 № 22-КГПР16-17 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

298. Определение ВС РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79, А09-9146/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

299. Определение ВС РФ от 20.02.2018 № 37-КГ17-13 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

300. Определение ВС РФ от 21.11.2016 № 305-ЭС16-9281 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

301. Определение ВС РФ от 22.08.2017 № 37-КГ17-9 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

302. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.09.2016 г. по делу № А38-5621/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

303. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.03.2017 г. по делу № А43-11548/2016 [Электронный ресурс] //

КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

304. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2018 по делу № А45-17851/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

305. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2016 № Ф05-2105/2016 по делу № А40-161397/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

306. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2016 г. по делу № А41-14702/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

307. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.04.2018 г. по делу № А56-5184/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

308. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16.08.2012 по делу № А28-11437/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

309. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26.01.2011 № А10-505/2010 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

310. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 № 02АП-10619/2015 по делу № А28-6808/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

311. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.12.2016 № 12АП-12038/2016 по делу № А12-45512/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

312. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2014 № 09АП-45977/2014-ГК по делу № А40-89764/2014-31-783 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

313. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2014 № 09АП-49983/2014-ГК по делу № А40-99535/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

314. Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 20.10.2015 по делу № 33-18156/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

315. Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 22.09.2015 по делу № 33-15250/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

316. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 18 июля 2014 г. по делу № 33-5859/14 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

317. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 мая 2016 г. по делу № 33-18020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

318. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 06.06.2017 по делу № 33-4949/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.

319. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 08.12.2015 по делу № 11-13828/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Судебная практика. – Электрон. дан. – М., 2019.